

МИР

Nº 1-1924

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД,

П.П. СОЙКИН
СТРЕМЯНИН

Содержание

О романе «ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ»	1
«ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ» «ВОЙНА ЗЕМЛИ С МАРСОМ» в 1923 году. Фантастический роман Н. Муханова. Иллюстрации М. Мизернюка	3
«ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА» из рассказов доктора Ватсона. Рассказ Б. С. Иллюстрации И. А. Владимировича	2
«СТЕНЬ НАД ПАРИЖЕМ» рассказ С. А. Тихомирова. Иллюстрации М. А. Владимирова	30
«КОНКУРС МИСТЕРА ГОПКИНСА». Рассказ Льва Арабского. Иллю- страции С. Конского	34
«ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ о Землянике, Бетховене и Боя-конструкторе». Рассказ И. Долина. Рисунки Э. К.	40
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК. ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА СБОРНИКОВ «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ» Обложка исполнена художником М. А. Мизернюком.	

В следующем 2-м выпуске «Мира Приключений», среди другого многочисленного и обильного литературного и художественного материала, между прочим, будет помещено:

«Пленники Марса» — 2-я часть большого фантастического романа «Пылающие Бездны», являющаяся хронологическим продолжением напечатанного в этой книжке романа «Война Земли с Марсом». — «Пленники Марса» дают живую картину жизни на этой далекой планете, так непохожей на нашу Землю по своим физическим условиям. Блестящими красками автор знакомит с бытом Марса, его необыкновенной природой, чудесами техники марсиан; широкими мазками набрасывает междоусобную войну, явившуюся результатом войны двух Миров; наконец, нежно и тонко вплетает любовную нить в свое почти эпическое повествование.

«Бегство Апри Рошфора», — знаменитого публициста, после падения Парижской Коммуны заточенного властями в Новой Каледонии. Этот интересный исторический рассказ в художественной форме передает действительно события, обрисовывающие и мощную фигуру одного из главных деятелей эпохи, а романтическую обстановку его бегства, где любовь простой девушки возмещается до истинного героизма.

О романе «ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ».

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

В самом начале XIX столетия основатель названного по его имени направления утопического социализма (Фурьеризм), француз Фурье в своей «*Theorie des quatre mouvements et des destinées generales* ¹⁾» уверял, что процесс развития человечества завершается в течение 80.000 лет и что современное человечество находится всего лишь в младенческом периоде, — в пятой фазе семискального деления, на каковое количество градаций в свою очередь распадается этот период.

Можно чрезвычайно скептически относиться к подобным утверждениям и в то же время сознавать, что Фурье был прав, по крайней мере в отношении определения младенцествующего состояния современной ему культуры.

Человечество XVIII и XIX столетий, столь гордившееся своей цивилизацией, в сущности находилось еще в младенческих пеленках. И только мы, люди XX века, быстро перерастаем эти пеленки и отчетливо сознаем открывающиеся перед нами неограниченные возможности.

То, что 50 лет назад воспринималось лишь в забавно-сказочном плане, ныне считается азбучно-научной истиной, а еще через полстолетие, возможно, будет определяться как врожденная элементарная идея, разумеющаяся сама собой. Под феерически-заманчивые воздушные замки фантастики постепенно подводится незыблемый фундамент проверенных научных положений.

Изумительные научно-технические достижения последних лет выдвигают перед человеческим гением целый ряд вопросов, которые еще недавно считались неразрешимыми проблемами. Самые, казалось бы, необузданные, самые фантастические мечты утопистов переходят в область действительности и постепенно становятся частью нашего привычного обихода. Фантастика претворяется в действительность, а действительность неуклонно стремится превратиться в зачарованную сказку. Все призрачнее становятся грани, которые проводили перед человеческим гением заповедную черту между «дерзаю» и «могу».

Лозунг века — все условно и все относительно. Возможности, заложенные в сером веществе человеческого мозга, не могут быть учтены даже приблизительно, — они, повидимому, неисчерпаемы.

Дальнейшее развитие человечества представляется несущимся в таком темпе, перед которым пугливо останавливается современная мысль.

¹⁾ Теория четырех переворотов и конечных судеб человечества.

Сказочные воздушные корабли утопий, так мягко носившие наше детское воображение по голубым волнам эфира, ныне становятся средством сообщения людей между собою и человечество мечтает уже о завоевании не только воздушной стихии, но и телескопических безвоздушных пространств.

Воздух принадлежит нам пока только условно, мы еще не завоевали его технически, у нас не хватает средств и времени, чтобы создать миллионные флотилии воздушных машин и посадить на них все человечество. А человеческая мысль шагает уже дальше. Она лихорадочно работает над следующей очередной проблемой — сообщения с другими планетами, — в частности, с ближайшими нашими соседями — Луной и Марсом. Вопрос чрезвычайно старый, но он поставлен на новые рельсы и приобретает новое, уже чисто научное значение.

В России работают над проблемой завоевания безвоздушного пространства известный ученый К. Э. Циолковский и инженер Ветчинкин, лучший ученик проф. Н. Е. Жуковского, отца русской авиации.

Преодолевая время, человечество, рано или поздно, преодолеет и пространство, — недаром эти два понятия современное научное мышление склонно слить воедино. Чувствуя возможность осуществления чего-либо, мы тем самым предпреем осуществление этой возможности.

Идеи рождаются обстоятельствами, а проводятся в жизнь — временем.

Автор предлагаемого фантастического романа «Пылающие Бездны» задался целью свести воедино и логически развить во времени изумительные достижения современной научно-технической мысли.

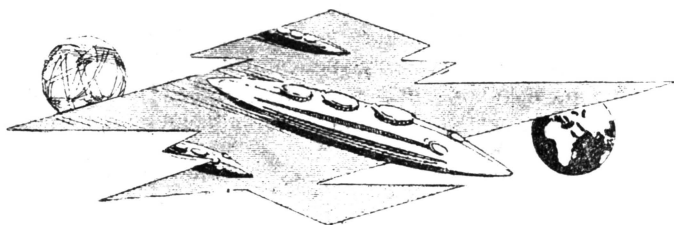
Смелыми мазками, в грандиозном по размаху масштабе, он рисует жизнь будущего человечества, отделенного от нас пятью столетиями загадочно-таинственного, жутко-заманчивого грядущего.

Новый, неведомый мир разворачивается огромными, красочными полотнами. Здесь вы не найдете мелких бытовых деталей, кабинетной психологии, — здесь — все огромно, дерзко, умоподавляюще.

Не смотря на ярко выраженный фантастический характер романа, автор весьма умело подводит под свое произведение достаточно убедительный, существенно обоснованный научный фундамент. Разумеется, это не то, что неминуемо будет, но что свободно может быть.

Почти все новейшие открытия и изобретения так или иначе нашли свое отражение в этом смелом произведении. Исключительное место отведено так называемой лучистой энергии, — этому, бесспорно, чудесному и могучему оружию будущего. С открытием радия и других сродных ему элементов, человечество, несомненно, вступило в новую блестящую эру. В связи с гениальными открытиями Рентгена, Бекереля, Кюри, Эйнштейна и других старые воззрения на материю и силу претерпевают коренную ломку; на арену человеческой мысли выступают новые воззрения и новые факторы, результаты применения которых не могут быть учтены в настоящее время даже приблизительно. Таинственные, забронированные силы природы шаг за шагом сдают свои позиции и, рано или поздно, в развитии культуры наступит момент, когда перед всемогущим гением человека падут все преграды и слово «невозможно» исчезнет из круга человеческих понятий.

Одной из попыток приподнять интригующую завесу будущего и является предлагаемый роман — этот победный гимн Человеческому Разуму.

ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ

Война Земли с Марсом в 2423 году

Фантастический роман Н. Муханова.

Иллюстрации М. Мизернюка.

*Sic itur ad astra *).*
Vergilius.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЗАСЕДАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ЗЕМЛИ.

Федеральный Совет Земли заседал уже 72 часа без перерыва. Вернее, перерывы были обычные: через каждые шесть часов — десять минут для принятия пищепилюль, хранилища которых помещались в пюпитрах каждого из членов Совета. Этот способ питания давно уже заменил скучную и длительную процедуру «обедов» и «ужинов» старого времени.

Кроме того, через каждые 12 часов следовали радио-концерты в исполнении гениальнейших артистов мира. Последнее — в целях отдохновения внимания.

Что касается сна, то насыщенная эманацией радия атмосфера Дворца Совета давала возможность легко обходиться без этой ненужной потери времени.

Зал заседаний вмещал свыше десяти тысяч членов. Места располагались амфитеатром вокруг арены президиума.

Куполообразная постройка из светящегося зеленоватого металла — свентория, — непроницаемого ни для одного из известных на Земле элементов, своим видом опрокинутой гигантской чаши напоминала бы небесный свод, если бы такое представление о небе существовало у представителей высокого собрания. Сходство с небесным сводом, как он рисовался давно ушедшим поколениям, довершалось множеством круглых отверстий матово-звездного цвета, расположенных на высоте 500 метров и выше. К этим отверстиям от амфитеатра шли, слегка колеблясь, тонкие серебристые нити, похожие на лунные лучи. Это — воздушные пути подъемников, а звезды в куполе — выходы из зала Совета.

При помощи миниатюрных, «карманных» летательных аппаратов домашнего пользования, — обязательной принадлежности каждого, — иногда вверх и вниз по лучам бесшумно скользили служители Дворца и особо секретные курьеры президиума.

Члены собрания, находясь безотлучно в зале, имели полную возможность ни на минуту не терять связи с самыми отдаленными уголками Земли, и даже Луны, благодаря миниатюрным радио- и люксо-мембранам, помещенным у каждого на левом плече.

Стояла ничем ненарушимая тишина. Все посторонние шумы, не относящиеся к заседанию и не достигающие известной высоты звука, погло-

*) Так достигают звезд. Вергилий.

шались особыми звукоглушителями. Море человеческих голов без малейших признаков растительности, с энергично очерченными профилями, сосредоточенно, но без всякого напряжения ловило четкую, ясную, чеканную речь председателя.

Акустические условия были настолько совершенны, что позволяли без напряжения слуха улавливать обычный звук голоса в любом пункте амфитеатра.

Автостенографы на каждом пульте вели безошибочную буквальную запись речей.

Заседание происходило на мировом языке Азире, понятном для всех жителей Земли.

Председатель собрания Омер Амечи*), молодой еще человек, лет 50, с прямым, несколько заостренным носом, сухой и костистый, с далеко выдвинутым вперед квадратным подбородком, в костюме комбинэ из эластичной ткани, плотно облегающем поджарую, подвижную, мускулистую фигуру, с почетным орденом «Звезды Федерации» на груди, говорил:

— Моя речь, Высокое Собрание, близится к концу! Смею надеяться, все мы в достаточной степени уяснили себе картину создавшегося положения. Резюмируя смысл сказанного на протяжении нескольких часов, предлагаю Высокому Собранию отнестись к моему заключению с особым вниманием и тем критическим, здравым подходом, к которому обязывает наше ответственнейшее назначение. Над мирным царством нашей культуры, над ее стремительным движением по бесконечному пути прогресса, как мрак черной бездны нависла угроза войны с ближайшей нашей соседкой — планетой Марс.

Гордясь своей божественной культурой, с таким же чувством преклонения относясь к более древней культуре наших уважаемых братьев по солнечной системе, мы, в порыве увлечения завоеваниями цивилизации, говорились было самое понятие «война» сдать в темный архив истории. Однако, не преодоленный еще нами, загадочный в своих путях инстинкт Космоса, повидимому, судил иначе. Можем-ли мы успешно бороться с этим темным инстинктом? Нет, пока не можем! Но мы можем бороться с теми, кто сгущает этот темный инстинкт, заражая им атмосферу двух миров — с правящим Советом Федерации Марса. Вспомните первую войну с марсианами, около 50 лет тому назад! Два мира, две величайших культуры, величайших и, как нам теперь доподлинно известно, — единственных в нашей планетной системе, полстолетия тому назад стояли перед лицом бездны, перед ужасом взаимного истребления. Тогда светлый Мировой Разум одержал победу над темными космическими силами, и обе культуры уцелели, чтобы продолжать свое божественное шествие. Протекло всего полстолетия. Многие из нас принимали непосредственное участие в этой борьбе миров. Пусть они сопоставят два момента развития техники — тогда и теперь. Надвигающаяся война, если ей суждено разразиться, — не будем неразумно закрывать глаза, — может погрузить в небытие все живое. Опасение, близкое к осуществлению еще полстолетия назад! Что же остается делать? Принять вызов и смело вступить в борьбу? Или, щадя себя и врагов, проявить Высший Разум и отказаться от сопротивления? В первом случае — могут погибнуть два мира. Может, при благоприятных условиях, частично уцелеть один из них. Во втором случае — оба мира физически будут сохранены, но один из них, а именно — Земля, — духовно перестанет существовать. Наша, сравнительно, молодая культура будет без остатка поглощена более зрелой культурой противника, которого никто не посмеет упрекнуть в недостатке предприимчивости. Процесс обращения нас в культурное рабство может завершиться быстро, в одно-два десятилетия. Таким образом,

*) Первое — имя, данное при рождении; остальное указывает на место рождения; в данном случае: Америка, Чикаго, — и является как бы фамилией.

многим из нас предстоит лично узреть закат нашей блестящей эры... Я ничего не имею добавить более...

Оратор умолк.

Глухой гул человеческих голосов, нарастая подобно приближающемуся грому, наполнил просторы бледно-зеленого зала. Пущенные на полный ход звукоглушители не в состоянии были справиться с грозным рокотом возмущения и негодования. Несколько минут стоял бурный рев человеческого прибоя, тотчас же подхваченный радио- и люксографом и с быстротою света разнесенный до обоих полюсов Земли. Население планеты жадно следило за всеми перипетиями этого исторического заседания, в котором решалась участь целого мира.

Непосредственно вслед за этим над поверхностью земного шара, от полюсов до экватора, повис возмущенный рев сотен миллиардов человеческих существ, позабывших в эту минуту обо всем, кроме возможности потерять свою независимость.

Старушка — Земля, казалось, раскрыла миллионвековые недра и изрыгнула из них весь запас своего огненного негодования.

Через две секунды колониальная база Федерации на Луне отметила возмущение своей метрополией. А через четыре минуты приемники люксо-волн на Марсе уже фиксировали события, происшедшие в стане будущих врагов *).

Давши несколько вылиться чувству негодования, охватившему Собрание, председатель поднял два пальца левой руки. Гул в зале умолк также внезапно, как и зародился. Наступила напряженная, зловещая тишина.

Председатель гордо выпрямился и продолжал:

— Воля Высокого Собрания для меня ясна! Жребий брошен! Или Земля будет существовать в условиях своей культуры, или мы, по всей вероятности, вместе с нарушителями мира, приобщимся к Великому Молчанию Бездны.

Собрание, как один человек, ответило на слова председателя троекратным всплеском рук.

— Слово о причинах, послуживших поводом к столкновению, принадлежит заведующему междупланетным политическим равновесием Альби Афрегу **), — провозгласил председатель, садясь на свое место.

На трибуне появился человек лет 60, с крутым, матовым лбом, с блестящими глазами, глубоко запавшими в орбиты.

— Высокое Собрание! — начал он низким, грудным голосом, исходившим как бы из под земли. — Буду, по возможности, краток. Вы все знаете, что такое элемент «небулий» и какую роль он играет в жизни человечества. Уже за пятьсот лет до нас ученые Земли смутно догадывались о его существовании, улавливая его следы в солнечном спектре. На Земле, не смотря на самые тщательные исследования, присутствие небулия не обнаружено до сих пор. Впервые небулий найден нашими учеными на Луне, при ее геологическом исследовании. С тех пор прогресс двинулся по новому пути, переполняющему гордостью человеческое сердце. С помощью небулия мы преодолели притяжение земли; его чудесные свойства помогли нам при выправлении земной оси; небулием преодолен закон инерции и побеждены колоссальные безвоздушные пространства, — и так далее, и так далее. К слову сказать, этому же чудесному элементу мы обязаны нашим коротким знакомством с Марсом, — знакомством, быть может, роковым для обеих сторон. Когда мы завязали правильные сношения с марсианами, мы убедились, что этот элемент имеется на Марсе в изобилии, однако он там не исследован

*) Расстояние от Земли до Луны — 360.000 километров, от Земли до Марса — в среднем, около 70 миллионов километров. Свет проходит в секунду 300.000 километров.

**) Альби, рожденный в Африке, Египет.

Гени Оро-Моск.

и совершенно не применяется в чрезвычайно высокой технике наших соседей. Мы дали марсианам толчек к эксплуатации небулия и в короткое время едва ли не были ими превзойдены в этом направлении. Это — одно. Теперь — далее. Каждому школьнику известно о существовании в солнечной системе, между Марсом и Юпитером, до 1000 мелких планет или планетоид. Около половины из них настолько малы, что совершенно не годны для целей эксплуатации. Другая половина в большей своей части эксплуатируется нашими соседями, а в меньшей, — числом до 150, — нами. Эксплоатация, разумеется, ведется в условиях искусственной атмосферы. Почти все эти планетоиды в изобилии насыщены небулием. Сейчас марсиане, в силу своего наибольшего приближения к этому потоку мелких планет через известные периоды времени, требуют от нас полного их очищения и передачи в свое распоряжение. Можем ли мы согласиться на подобные условия, идущие в разрез с элементарными законами культурного сожительства народов? Нет, не можем! Нам необходим небулий, как первооснова всей нашей техники. Так как залежи его на Луне совершенно иссякли, то получить этот элемент мы можем только или из наших отдаленных колоний, или же, — если судьбе угодно, — с самого Марса. Я кончил!..

Три удара в ладоши были ответом оратору.

— Слово принадлежит начальнику междупланетного флота Федерации Земли, — Гени Оро-Моску *), — провозгласил председатель.

На трибуну порывисто взошел человек лет 40, вполне отвечающий тому идеалу красоты, который господствовал на Земле в последнее столетие: легко-подвижной, гармонически сложенный, сухой и жилистый, с выпуклой широкой грудью и тонкой стройной талией, с превосходно развитой черепной коробкой, с молниеносным взглядом глубоких темных глаз и с чрезвычайно маленьким ртом, при далеко выдавшемся вперед подбородке.

— Высокое Собрание! Мой девиз — «не говорить, а действовать», поэтому заранее прошу извинения за те шероховатости, которые встретятся в моей речи. Междупланетный флот Федерации насчитывает сто миллионов крупных и пол-миллиарда мелких боевых единиц. Средства истребления вам известны, это — на мелких судах сигма- и тау-лучи небулия, на крупных фита-лучи того же элемента. Познакомлю вас со скоростью и свойствами этих средств нападения. Скорость лучей-сигма — 180.000 километров в секунду; они разлагают на составные части всякую сложную материю, встречающуюся на их пути. Тау-лучи, достигающие скорости 200.000 километров, испепеляют встречную материю в атомную пыль. Наконец, фита-лучи, имеющие скорость до 220.000 километров в секунду, превращают всё лежащее на их пути в стихийную силу нового вида, обращающуюся под их действием в попятное движение. Против каждого из видов этой разрушительной энергии существует контр-энергия, сущность которой является военной тайной и выражается формулами, понятными нашим специалистам. Охотно допускаю, что эти формулы известны нашим противникам, равно как и мы знаем все тайны нашего врага не хуже его самого. Разумеется, этим не стоит смущаться. Число боевых единиц Федерации Марса приблизительно на $\frac{1}{4}$ больше нашего. Средства истребления и защиты — те же

*) Гени, рожденный в Европе, Москва.

Кроме этого, как с нашей стороны, так, вероятно, и со стороны врага будут применены новые, секретные методы борьбы, — результат достижения военной техники последних месяцев. Этим так же не следует смущаться. В виде наглядной иллюстрации могу добавить следующее: если бы все средства разрушения, имеющиеся в распоряжении враждующих сторон, сегодня были направлены на известные мишени и не встретили противодействия, — завтра по путям эклиптики Земли и Марса клубились бы лишь скопления первичной туманной материи. Впрочем, и этим не следует смущаться. Я кончил, Высокое Собрание!..

Наступило мертвое безмолвие, — Безмолвие Бездны. Ни слова, ни звука, ни движения!.. Десять тысяч человек, как один, затаили дыхание.

Наконец, председатель собрания обменялся энергичным жестом с одним из сидящих за столом президиума. Тот ответил ему выразительным, но непонятным движением двух пальцев в воздухе.

— Жребий брошен, Высокое Собрание! — твердо сказал председатель. — Назад возврата нет! Заключительное слово принадлежит нашему величайшему ученому, начальнику всех технических сил Федерации, глубокопочтимому Роне Оро-Беру *).

Взрыв рукоплесканий, и на трибуне появился подвижной, маленький старичек с орлиным носом, в шапочке темно-фиолетового цвета и с массивными зелеными окулярами на глазах.

— Друзья и дети мои! — начал старый ученый, — мне 200 лет без года, я видывал виды на своем веку. Во время первой войны с марсианами я был уже человеком почтенного возраста. И тогда, пятьдесят лет назад, мы, два великие народа двух великих планет, имели полную возможность пополнить мировое пространство двумя новыми образованиями загадочных туманностей. Однако, мы этого не сделали и благополучно существуем до сих пор. Старушка Земля и старичек Марс, — эта достойная во всех отношениях чета, — имеют, по самому дамскому счету, по миллиардику лет. Пожелаем им прожить еще столько, и разлетимся каждый по своим делам. Победит тот, кто умеет надежно скрывать свои мысли. Здесь только-что глубокопочтимый начальник флота говорил о формулах. Верьте мне, дети мои, что в этой старенькой черепной коробке имеются сотни формул, известных только владельцу этого никуда негодного аппарата. Их не расшифрует ни один марсианин, а следовательно, — всё обстоит благополучно в этом прекраснейшем из миров. Так-то, дети мои! А ведь я не один, нас, таких ни на что негодных старичков, у Федерации много. Дело военных — пугать, а дело ученых — успокаивать. Войны были и до нас, будут и после нас. Для живых тварей, вроде нас, людей, войны — первое удовольствие! Ну, дети мои, на сегодня я наболтал, кажется, больше чем нужно.

Громовые аплодисменты и радостные крики восторга проводили знаменитого ученого до его места.

— Ставлю вопрос о войне на голосование! Кто «за» — прошу нажать кнопку А, — сказал председатель.

Роне Оро-Бер.

*) Роне, рожденный в Европе, Берлин.

Щелкнули счетные аппараты.

— 9.999 членов собрания за войну. Кто против? Никого! Кто воздержался? Тоже никого? Это странно!

— Гражданин председатель, — раздался голос с мест, — мой уважаемый сосед не голосовал. С ним случилось несчастье.

— Какого рода несчастье?

— Он скончался.

— Предлагаю почтить память почившего вставанием!

Все встали в торжественном молчании.

— Объявляю заседание закрытым.

По серебристым воздушным путям скользили вереницы птицеподобных существ. Через минуту зал опустел. Светящиеся стены померкли и зал заседаний погрузился в молчание. Было 12 часов дня.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КОГДА И ГДЕ?

С верхних наружных галлерей Дворца Совета открывалась обычная картина жизни Федерации.

Насколько хватал глаз, высились легкие, воздушные громады дворцов, гигантские башен, титанические конусы стройных, иглоподобных обелисков, смело брошенные ажурные заоблачных мостов и арок.

Большинство построек было сгущенного лунного цвета из прозрачного, флюоресцирующего металла.

Воздушные площади, парки и насаждения с тропической растительностью самых причудливых форм, искусственные висячие бассейны и озера, — ласкающей гаммой зеленых тонов, от сгущенно-темного до нежно-светлого, составляли одно гармоничное целое с феерическим колоритом общественных построек.

Нигде ни пяди голой, обнаженной земли. Гений человечества одел тело своей праматери в достойные ее одежды. Нагота земли показалась-бы современному человеку столь же неуместной и неприличной, как нагота драбного старческого тела народам древности.

Там, где когда-то свинцовым, гнетущим покровом носились тяжелые тучи, — ныне расстилались необъятные просторы голубого, дрожащего эфира. В его волнах, как стаи сказочных птиц, купались мириады стремительных обитателей воздуха — аэромашины всех возможных форм и размеров, от подавляющих воображение кодоосов общественного пользования до легких прозрачных папиллопланов *) специального или особого назначения. Они плавно подплывали к многочисленным башням-обелискам, — своим «береговым» пристаням, — выбрасывали на ажурные галлерей человеческую массу и исчезали в лазурной бездне, где-то там, где скорее угадывались, чем улавливались глазом отнесенные в недостижимые выси бледно-розовые облака.

Человек ушедших поколений, взглянув на эти раздвинутые просторы неба, удивился-бы обилию бледных лун, расбросанных по дневной лазури. Эти луны — воздушные пристани кораблей дальнего плавания.

Удивление этого человека достигло-бы своего предела, когда бы он узнал, что еще выше, за гранью земной атмосферы, с быстротой, ужасающей воображение, носятся, подобно астероидам, санаэрожабли **) межпланетных сообщений.

*) Легкие мотыльковые аппараты с небольшой грузоподъемностью.

**) Корабли безвоздушного пространства.

Точка, земного шара, где находился Дворец Совета Федерации, соответствовала географическому положению древнего Урала и носила название — Гроазур.

Начальник междупланетного флота Гени Оро-Моск, полюбившись знакомой картиной с верхней галереи Дворца Совета, готовился сесть в свой аэрожабль, чтобы отправиться на короткое время домой, на Нора-леско *). В 15 часов ему предстояло участвовать на секретном совещании командующих флотилиями, назначенном в Азилоне **). Почувствовав легкое прикосновение к своему плечу, Гени быстро обернулся и встретился глазами с зелеными окулярами знаменитого ученого Роне Оро-Бера.

Старик ласково улыбался:

— На пару мыслей, бесценный Гени!

— Я весь внимание, великий учитель! — ответил Оро-Моск, касаясь рукой своего виска, в знак глубочайшего уважения к ученому.

— Я хотел бы с вами говорить, только не здесь. Не забывайте, что и воздух имеет уши...

— Мое время в вашем распоряжении, дорогой учитель. Когда и где?

— Прочтите!.. — старик сдвинул на лоб свои окуляры.

«Сегодня, у меня в лаборатории на Казбеке, в 17 часов», — прочитал Гени, как в книге, в глазах ученого.

— Удобно это вам? — спросил тот.

— Да, дорогой учитель, вам не придется меня ждать. Ваше приказание записано в моих мыслях неизгладимо.

— Вот и прекрасно, — кивнул головой старик, водружая свои окуляры на место. — Советую и вам, мой друг, беречь ваши мысли от посторонних глаз, — добавил он.

— Благодарю вас, учитель. Я думаю в настоящую минуту о вещах, которые не могут интересовать никого, кроме меня. Тем не менее, воспользуюсь вашим советом, подсказанным глубочайшей мудростью.

Гени вскинул на глаза легкие окуляры голубоватого стекла.

— Во время!.. — старик покосился на промелькнувшую мимо очень высокую фигуру с головой, глубоко ушедшей в плечи, и с желтовато-бронзовым цветом лица. — Надо полагать, сегодня же последует временная изоляция всех граждан Марса, проживающих в Федерации?

— Приказ уже фиксирован Политическим Советом, — пояснил Гени, в свою очередь следя за удаляющейся фигурой марсианина. — Что касается этого гражданина, я ручаюсь, он безопасен. Это бесподобный автор «Гармонии Миров», ярый противник каких бы то ни было враждебных столкновений. Его имя Гро-Фезера-Мар, и он, хотя это и несколько странно, приходится мне родственником... Это брат моей жены.

— Так?... так... — протянул старик. — Разумеется, это не имеет никакого значения. Мало ли марсиан проживает на Земле и наших на Марсе!.. Итак, мы расстанемся, дорогое дитя...

— До условленного срока, мой великий учитель!

— Нет, дитя мое, мы увидимся раньше: я буду там же, где и вы, в 15 часов...

Гро-Фезера-Мар.

*) Север Аляски.

**) Азия, Вавилон.

Гени снова коснулся пальцами виска. Ученый, кивнув головой, направился к выступу галлерей.

Гени Оро-Моск, заметив у одного из обелисков свой аэрожабль, сделал в воздухе кругообразное движение рукой.

Машина, как по рельсам, подплыла к террасе дворца.

Около Гени вновь вырос марсианин. У него был скучающий вид и он рассеянно жевал мастику *).

— Сестра Авира с тобой? — спросил Гро тоном близкого друга.

— Вероятно, в аэро, — ответил Гени.

— Мой братский поцелуй ей!

— Спасибо, мой вдохновенный друг.

Гени сделал поэту знак рукой и вскочил в аэро **).

— Ты где проводишь вечер? — донесся до него голос шурина.

Гени не успел ответить. Аэро, сверкнув на солнце, мгновенно растаял в воздушной синеве.

Вслед за ним от террасы отделилась оригинальная гондола знаменитого ученого, — сильно вытянутая, сигарообразная, светло-зеленого цвета.

Ученый и начальник флота спешили на краткосрочный отдых к домашнему очагу. Первый — в свой уголок на Атлантиде, второй, любивший умеренные пояса — на Норалеско.

Гро Фезера-Мар втянул еще более голову в плечи, выждал, пока гондола ученого скрылась в пространство и вскочил в свой папиллоплан.

— На Атлантиду! — коротко бросил он аэровожатому.

В уютной кабинке, отделенной непроницаемой стеной от вожатого, марсианин сел к небольшому аппарату и люксографировал в пространство на условном языке, понятном лишь для начальника внешней разведки Марса:

«Война принята. Возможно, в ближайшее время буду изолирован. Сосредоточьте внимание на Гени Оро-Моске и, в особенности, на Роне Оро-Бере. Гро Фезера».

Выполнив свою задачу, поэт стал задумчиво смотреть на расстилающуюся под ним панораму.

Вдали сверкнула Атлантида.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СУПРУГИ С РАЗНЫХ ПЛАНЕТ.

Гени в минуты отдыха не любил быстроты лёта. Поэтому, очутившись в своем аэро и справившись с хронофором ***) о течении времени, прежде, чем поздороваться с женой, отдал приказание пилоту лететь с известной скоростью.

Машина начальника флота являлась последним словом техники для атмосферных аэро.

Никаких моторов и двигателей, столь типичных для первых шагов авиации. Аэрожабль, построенный на принципе преодоления земного притяжения, управлялся при помощи конденсации в специальном аккумуляторе потока электронов элемента небулия, достигающего на Землю с отдаленных звезд и автоматически извлекаемого из воздуха.

*) Во избежание потери зубов, ставших ненужными для человеческого организма с переходом на искусственное питание, у людей обратилось в привычку, в свободные минуты, жевать пахучую, укрепляющую мастику. Человечество стремилось сохранить зубы в целях чистоты и ясности произношения.

**) Сокращенное название всякой воздушной машины.

***) Прибор для проверки точного времени в любом пункте.

Авира Гени-Мар.

Камень преткновения древних механиков, — раскаляемость движущегося тела вследствие сопротивления воздуха, — был обойден остроумным приспособлением: само движущееся тело вырабатывало вокруг себя охлаждающую воздушную оболочку, позволяющую сохранять нормальную температуру, независимо от скорости движения. Аэрожабль имел форму сильно вытянутого эллипсоида и, — в расчете на сжатие при быстром движении, — был построен из упругого, эластичного материала, легко поддающегося деформации.

Никаких рычагов, требующих мускульной силы. Ряд кнопок на поверхности электрометра, регулирующих жизнь машины — и это все, весь аппарат управления, не считая капитана-пилота. Впрочем, машина, в случае надобности, могла управляться и автоматически.

Стенки аэрожабля, из специального прозрачного сплава, могли по желанию изменять свой цвет от самого светлого до абсолютно темного, непроницаемого ни для каких лучей и элементов, содержащихся в атмосфере.

Гени вошел в салон-кабину жены. Молодая женщина, полулежа в удобном кресле, читала книгу, — т. е., перед марсианкой, отпечатываясь на особом экране, с изумительной отчетливостью, протекали живыми нитями

мысли автора, стройные картины его вдохновенной фантазии, волшебством изобретателя заключенные в изящный аппаратик, именуемый книгой.

— Здравствуй, мое счастье!

— Здравствуй, моя жизнь!

Гени нежно поцеловал свою супругу.

Это была молодая женщина всего 15 марсовых лет, что соответствовало 28 земным годам. Ее принадлежность к другому миру сразу бросалась в глаза. Культура древней тысячевековой расы сквозила во всем. Изумительный изгиб линий тела, одетого в легкие, облегающие покровы. Несколько высокий для земной женщины рост, при чрезмерно развитом тазе и сильно выпуклой груди. Змеиная, эластичная быстрота движений. Маленькая изящная головка слегка вдавлена в плечи и сильно отклонена назад, как бы под грузом буйно выходящих волос цвета матового золота — исключительная принадлежность женщин, так как мужчины Земли и Марса давно утратили свои волосяные покровы. Откинута назад головка придавала желтовато-бронзовому лицу мечтательно-возвышенное, «небесное» выражение. Глаза огромные, слегка выпуклые, блестяще-черного цвета, и очень яркие от природы, будто искусственно окрашенные губы миниатюрного рта.

Женщина с улыбкой подняла глаза на мужа и спросила:

— Надеюсь, мы направляемся домой?

Голос музыкальный, грудной, прекрасно резонирующий; легко скользкое, неземное произношение.

— Домой, моя радость! Рассказывай, что ты подделывала в мое отсутствие?

— Скучала дома... Читала... Пела... Летала к подруге в Америке (нейро *). Вместе музицировали... Читали стенограммы вашего скучного заседания... Получила твою радиogramму и поспешила к тебе на встречу!

— Благодарю! — Гени поцеловал супругу в лоб и опустил около нее. Та по-детски доверчиво прильнула к его груди, заглянула в глаза.

— Сними свои противные очки. Мы одни и никто не прочтет твоих смелых мыслей.

— Изволь, мое счастье!

— Значит война?

— Да, дитя мое, война.

— У тебя будут неприятности из-за меня?

— Почему, дитя?

— Принадлежу к врагам народа.

— Ставши моей женой, ты получила права гражданства нашей Федерации. Твой брат Гро, вероятно, будет изолирован.

— Да, я знаю это. А я?

— Ты? Ты будешь навеки заключена... в моем сердце! — Гени крепко сжал супругу в своих объятиях.

— Тебе, мой дорогой, угрожает опасность и я страдаю!..

— Дитя мое, опасность, грозящая мне, не больше той, которая грозит тебе, твоим родным, знакомым и всему населению обеих планет. Не будем больше возвращаться к этому.

Они замолчали, прижались друг к другу и невольно залюбовались панорамой, раскинутой у них под ногами.

Аэро летел над древней Сибирью, центром и душой современной техники. Неиссякаемые недра этой части света давали миру почти всё, что требовалось для его счастливого, праздничного существования. Здесь были сосредоточены фабрики искусственного питания, мощные заводы, обрабатывающие радиоактивные продукты, — основу повседневного, домашнего быта современного культурного человечества.

*) Ю. Америка, Рио-Жанейро.

Бесчисленные эманатории, воскрешающие своей целебной мощью людей, обреченных смерти, были раскинута по берегам многоводных рек, в условиях, ближе всего соприкасающихся с нетронутой природой и сохранившихся почти только здесь на протяжении всего мира.

Колоссальные арки и виадуки, уходящие в небо гигантские подъемные краны, — ажурно-легкие, ритмически красивые в своих механических движениях, управляемые волей одного человека, — чередовались с висячими городами-садами рабочих могучей Федерации.

Окованные сталью берега кристально-прозрачных рек, извиваясь гигантскими серебряными змеями, обтекали острова буйной тропической растительности.

Физический труд отошел в область преданий. Человек являлся владельцем раба-машины, — сильного, точного и послушного. Сотни миллионов техников управляли миллиардами стальных титанов, чтобы дать возможность сотням миллиардов людей двигать мирный прогресс по пути его победоносного шествия.

Гени, наблюдая картину жизни, невольно задумался о предстоящем роковом столкновении, вспомнил древний миф и подумал:

«Хронос, пожирающий своих детей»...

— Не надо таких мыслей, Ген! — поймала его взгляд Авира и шутиливо провела рукой по лицу мужа.

Тот тряхнул головой:

— Нет, я так, невольно... Атавистический пережиток инстинкта смерти, неуверенного в своих силах существа...

— Это не хорошо, Ген. Ты у меня полубог и вдруг — неуверенность в своих силах! Скажи мне лучше, что тебе говорила эта зеленоглазая мумия — Роне Оро-Бер.

— Тебе, дитя, это не интересно.

— Как знать! — глаза молодой марсианки странно блеснули.

— Где вы с ним решили встретиться? — продолжала она.

— С кем?

— Разумеется, с Оро-Бером!

— А почему мы должны встретиться?

— Фи, Ген, как это не хорошо! За ложь наказывают детей, а ты... фи, фи!..

Гени рассмеялся:

— Ты хорошо читаешь мои мысли. Ты у меня проницательна, Авира! Я тебя очень люблю за твой не-женский ум, но только... только я не выношу, когда кто-нибудь мешает не в свои дела, — серьезным тоном договорил он и перешел на другую сторону кабины, как бы желая спрятать свои мысли.

Авира, за его спиной, закусил губы.

— Нехороший, нехороший! — капризно произнесла она.

Аэро плавно подплыл к ажурной вышке и остановился.

Гени сидел, облокотясь на столик, и о чем-то думал, глядя в пространство.

— Гени, мы дома!

— А? Дома? Вот и прекрасно!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЭМАНАТОРИЙ СМЕРТИ.

Гени, очутившись дома, разослал несколько спешных радиogramм, посоветовал жене, во избежание лишних разговоров, поменьше показываться в общественных местах, и отдал приказание старичку-домоуправителю приготовить радио-ванну. Он хотел перед важным заседанием командующих флотилиями и перед интересующим его свиданием с гениальным ученым зарядиться запасом энергии и привести в порядок утомленные нервы.

Пройдя ряд зал различных назначений и стилей, от строго делового до фантастически-изысканных, Оро-Моск спустился по нескольким ступеням вниз к домашнему эманаторию. В бледном полусвете заросшего зеленью и цветами коридора, близь двери в эманаторий, как показалось Гени, мелькнула какая-то тень и скрылась в густой зелени.

«Вероятно, обезьяна», — решил Оро-Моск, входя в аван-зал.

Глухая, неясная тревога, предчувствие какой-то опасности охватили всё его существо. Гени огляделся вокруг. Всё, как всегда, обычно и мирно. Обильно льется матовый свет сверху, блестят зеркально-прозрачные плиты стен и пола, дробя и отражая его фигуру в десятках поворотов.

«Пустяки. Нервы»... — заключил он и осторожно нажал кнопку вращающегося заслона в ванную комнату.

Заслон слегка приоткрылся и сухой звук, похожий на слабое замыкание электрического тока, чиркнул по слуху. С быстротой, опередившей мысль, Гени захлопнул заслон. Колющая боль в руке заставила его обратить внимание на это явление. Кисть руки покрылась красноватыми пятнами. Ясно — начинался распад материи.

«Ожог радия... Это похоже на умышленное преступление», — пронеслось в голове.

Гени позвонил домоуправителя. Тот через несколько секунд явился.

— Ириго, кто готовил ванну?

— Сего-Мар, ваша милость.

— Позвать его сюда. Да пришлите немедленно врача. Скажите: ожог радием...

— Великий Разум! Что такое случилось? — с тревогой воскликнул старик. — Разве в ванне, ваша милость?!

Ириго быстро протянул руку к кнопке, с намерением заглянуть в эманаторий.

— Ириго! — предостерегающе крикнул Гени, — исполняйте то, что я приказал, и пусть никто не входит в эманаторий без моего разрешения.

Старик, охая, исчез за дверью. Немедленно явился доктор.

— Что случилось, начальник?

— Взгляните, любезный доктор, — Гени протянул врачу руку.

Тот внимательно осмотрел руку с помощью лупы.

— Да, да... Несомненно... сильный ожог радия! Рука попала в атмосферу, в преизбытке насыщенную лучами альфа. Вот это поможет нам быстро восстановить пораженную ткань.

Доктор извлек из кармана своего фиолетового одеяния, похожего на мантию, миниатюрную аптечку и смазал пораженные места какой-то бесцветной жидкостью. Нормальный цвет ткани быстро восстановился.

— Поражение случилось всего несколько минут назад. Это счастье! — Но где, каким образом? — Доктор осмотрелся вокруг.

— А, понимаю! В эманатории! Но тогда здесь... Великий Разум! Это преступление!.. Вы хотели войти?!

— Да, я хотел войти в эманаторий.

— Рука ваша попала в поток лучей и вы почувствовали колющую боль?

— Совершенно правильно, уважаемый метр Дониас!

— Однако, вы успели быстро захлопнуть заслон? Отлично! Хорошо обладать быстротой молодости! Старость с этим не справилась бы... Эта ванна, ваша милость, рассчитана... на вечное молчание...

— Я это понял сразу, дорогой метр Дониас.

— Но с какой целью?

— И это мы узнаем, метр Дониас.

Вошел Ириго, бледный и дрожащий.

— Ваша милость!.. Этого бездельника, Сего-Мара, нигде не могут найти...

— Время терпит, Ириго. Только, когда он появится, присмотрите за ним хорошенько. А теперь, — я вас не задерживаю.

Пропустив обоих вперед себя, Гени остановился в дверях аван-зала и нащупал у бедра небольшой истребитель, заряженный страшными лучами, действия которых хватило бы на долгую человеческую жизнь, — подарок старика Роне Оро-Бера.

Через несколько секунд, в одном месте листья тропического папоротника слегка зашевелились.

Гени быстро направил на них свой истребитель.

— Кто здесь? Выходите!

Молчание.

— Или вы выйдете немедленно, или не выйдете никогда! — с угрозой сказал начальник флота.

Листья заколебались, из-за них показалась огромная голова с коричневым лицом и выпученными глазами, почти совсем ушедшая в плечи.

— А, это вы, мой милый друг Сего-Мар! Что вы здесь делали?

— Простите, ваша милость... Этот несносный попугай постоянно улетает...

— Идите в эманаторий! — жестко приказал Гени.

Коричневое лицо марсианина приняло землистый оттенок.

— Не заставляйте меня повторять...

Сего-Мар согнул свою огромную фигуру и колеблющимися шагами направился к ванной комнате. Войдя в зал, марсианин остановился.

— Откройте заслон и войдите в эманаторий, — приказал Оро-Моск.

Марсианин после момента колебаний, сделал какое-то неопределенное движение.

Гени поднял истребитель и уставился в выпученные глаза Сего-Мара.

— Я знаю, Сего-Мар, вы, состоя у меня на службе, являетесь агентом военной разведки Федерации Марса.

— Это неправда, ваша милость!

— Это правда, Сего-Мар, бесцельно запирайтесь! Вам поручено убрать меня... Не оправдывайтесь! Вы приготовили для меня смертельную ванну... Войдите в эманаторий!

Марсианин упал на колени.

— Простите, мой господин...

— Или вы исполните мое приказание, или... — Гени направил истребитель на грудь марсианина. Тот гордо и решительно вскочил.

— Хорошо, Гени Оро-Моск! Ты оказался проникательным на сей раз. Я все равно погиб! Но, выслушай, Оро-Моск, и ты не уцелеешь! Нас

Доктор осмотрел руку Гени с помощью лупы.

легионы! И у тебя в доме, быть может, в твоей интимной комнате... Впрочем... До скорого свидания!..

Марсианин смело нажал кнопку и исчез за вертящимся заслоном с такой быстротой, что Гени едва успел уклониться от потока лучей, прижавшись к стене.

Нажав другую, потайную кнопку, Оро-Моск тем самым запер эманаторий впредь до своего следующего прихода.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

В ШЕСТЬ ДНЕЙ!

Аэрожабль Гени Оро-Моска летел по направлению к Азилону в верхних, разреженных слоях атмосферы.

Приключение в эманатории вызвало в Гени бурю самых противоречивых чувств. Он чувствовал в глубине души, что несчастный Сего-Мар лишь слепая игрушка в руках кого-то более сильного и опасного и этот кто-то скрывается у него в доме. Но кто это? Этот страшный вопрос оставался без ответа и выбивал Гени из состояния равновесия, которое ему в настоящее время было так необходимо.

Перебирая в мыслях различные мелкие, незначительные факты и пытаясь построить из их звеньев цепь, чтобы по ней, как по путеводной нити, добраться до тайного и опасного врага, — Гени несколько раз упирался в своих выводах в самого близкого ему человека — жену — и каждый раз с негодованием отбрасывал всю цепь построений, решив, в конце концов, что одна из предшествовавших предпосылок была неправильной и потому выводы приобретают нелепый, чудовищный характер.

Однако, где-то в глубине души, помимо его воли, росло и ширилось глухое подозрение на любимого человека, которое никакими доводами рассудка нельзя было искоренить — и это чувство было мучительно.

Гени чувствовал, что если не явится какое-нибудь спасение извне, то он через несколько минут дойдет до безумия, до таких абсурдов, которые заставят его забыть и долг, и свои обязанности в отношении Федерации.

И это спасение явилось. Когда слабо зашелкал приемник люксографа, Гени обрадовался этим звукам, как умиротворяющей «небесной» музыке.

Он сел к аппарату. Отмечались короткие, сжатые сообщения с Марса, в чрезвычайно сложном шифре, ключ от которого был известен только четырем человекам во всем мире: ему, Роне Оро-Беру и двум агентам во вражеском стане.

Депеши эти гласили:

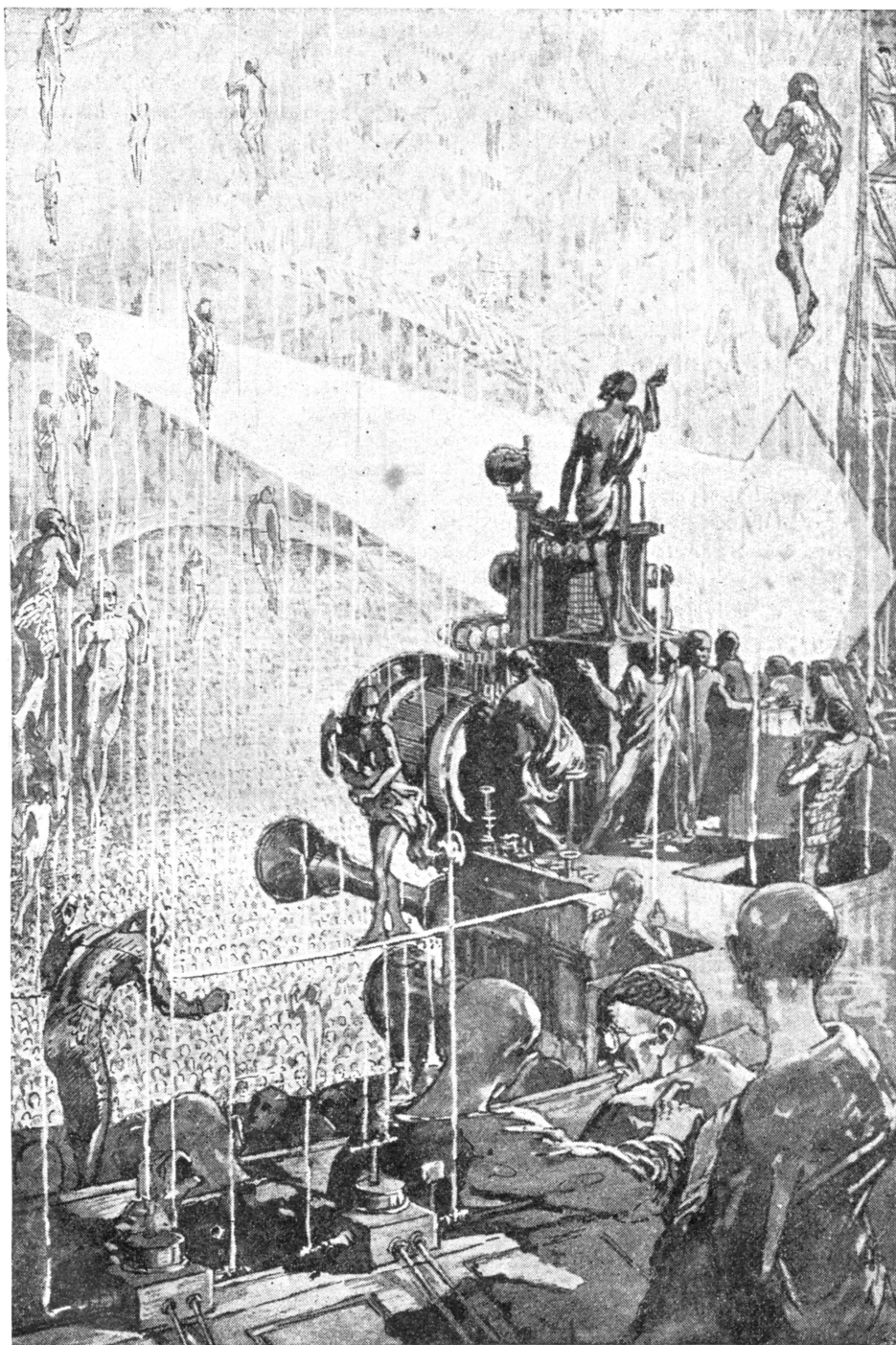
«Сильное возбуждение. Совет Марса не сомневается в победе. Лихорадочные приготовления к выступлению».

«Деймос» и «Фобос», как выяснилось, обращены в мощные небулиобазы. Если бы явилась возможность их уничтожить, шансы оказались-бы приблизительно равными».

«Неприятель далеко не в полной мере готов к выступлению. Пройдет, вероятно, около суток».

«Линия межпланетного пространства — 179°-W. Z. — 1127°-15'S. X. — минирована неизвестными, вновь открытыми элементами. Формулы их удалось добыть. Ключ выясняю».

«Главное направление атаки предположено на Луну. Существует детально разработанный, хотя и несколько фантастический, план, угнать спутника Земли в пространство».

Заседание Федерального Совета Земли.

«Штаб главнокомандующего расположен в столице Федерации — Марогеносе».

«Изобретено, по слухам, средство воспламенить атмосферу Земли. Необходимо принять соответствующие меры. Подробности выясняю».

В виду важности сообщений, Гени зафиксировал их в мозгу, с помощью специального приспособления, построенного на способности некоторых лучей бирадия *) раздражающе действовать на мозговые извилины и тем самым закреплять в памяти известные впечатления и мысли. Прием — известный очень немногим.

Хронофор показывал 14 час. 50 минут.

Аэро несся над владениями древнего Вавилона.

Заседание командующих воздушными флотилиями было назначено глубоко в недрах земли. Соблюдалась самая строгая конспирация. Чтобы попасть в зал заседаний, Гени должен был, предварительно проделав в окрестностях ряд сложных эволюций на своем аэро, оставить его в 50 километрах от места собрания, в одном из надежно защищенных от глаз посторонних ангаре, затем, пересевши в вагон подземной пневматической дороги, перекинуться по назначению.

Во избежание проникновения на совещание шпионов Марса, мысли каждого прибывшего фотографировались при входе, — метод, изобретенный тем же гениальным Роне Оро-Бером и построенный на принципе спектрального анализа. Спектр человеческих мыслей, подобно солнечному спектру, фиксировался на чрезвычайно чувствительной жемчужной пластинке. Самые мысли, разумеется, оставались достоянием владельца, но враждебность их общего направления отмечалась на линии спектра темными полосками.

Начальник 135 отдельной флотилии был обличен во враждебных намерениях, сознался в своем преступлении и немедленно был изъят из обращения, подвергнувшись моментальному действию испепеляющих лучей.

На совещании была разработана краткая диспозиция, в общих чертах. В отдельности начальникам флотилий предоставлялась неограниченная инициатива действий, не выходя из общего плана. В целях защиты Земли и Луны, в 500.000 километров от центра системы, устанавливалась заградительная линия — колоссальной мощности. Боевые суда, на равном друг от друга расстоянии, должны были непрерывной цепью передвигаться в сторону вращательного движения земли со скоростью, равной ее собственному движению. Это давало возможность аэрокораблям сохранять неподвижность относительно того пункта планеты, охранять который они были предназначены.

Благодаря этому, заградительная цепь составляла одно целое с лунно-земной системой и спутник Земли, отстоящий от нее в 360.000 километрах, таким образом, находился внутри охраняемого круга.

Целый ряд мощных эскадрилий из аэроистребителей новейшей конструкции получил боевое задание безостановочно атаковать спутников Марса — Дэймоса и Фобоса.

50 миллионов быстроходных судов должны были, перерезав орбиту Марса, ринуться к потоку планетоид, частью для охраны и защиты своих 150 колоний, главным же образом для истребления наиболее важных неприятельских баз.

Точка нахождения Марса в пространстве почти совпадала с прямой линией Земля-Луна-Марс, и неприятельская метрополия в данный момент

*) Элемент, родственник радио.

находилась в наибольшем приближении к Земле. Стратегическое положение последней представлялось в высшей степени благоприятным.

На заседании подтвердилось полученное начальником флота сообщение с Марса о неполной готовности неприятеля.

Решено было воспользоваться этим обстоятельством и назначить общее наступление через 12 часов, т. е. в 4 часа следующих звездных суток.

Согласно общему постановлению, флагманское судно начальника междупланетного флота, а равно и его местонахождение во время борьбы являлись неизвестными для всех без исключения, что и составляло строгую военную тайну. Приказы начальствующим должны были рассылаться по люксографу — в зоне солнечных лучей, и по хаосографу — в тени, отбрасываемой планетами. Последний способ, повидимому, был еще неизвестен марсианам.

Боевая задача в целом сводилась к возможно быстрому истреблению средств нападения и защиты противника, а также к уничтожению двух страшных баз марсиан, заключающих в себе колоссальные запасы энергии — спутников Марса. Последнее представлялось вполне осуществимым, в виду малых размеров подчиненных Марсу планет *).

Борьбу предполагалось закончить в шесть земных суток. На высказанное одним из начальников частей замечание о слишком коротком сроке, начальник технических сил Роне Оро-Бер не без сарказма заметил:

— Мой юный друг, количество жизненных впечатлений, которое вам надлежит получить в течение этих шести исторических дней, наверное, превзойдет сумму впечатлений целой томительно-долгой, но пассивно прожитой жизни иного старого трутя, вроде меня. Шесть суток — срок почтенный! Если бог древних в шесть дней сотворил все видимое и невидимое, то почему бы нам в такой же срок не уничтожить пару-другую ничтожных, негодных планетишек?

Взрыв восторга был ответом остроумному старику.

Ровно в 16 часов, получив последние инструкции, собрание растаяло в подземных галереях.

Роне Оро-Бер при выходе слегка взял начальника флота за локоть и тихо спросил:

— Вы не забыли о нашем утреннем условии? Сейчас 16 часов!

— Я в вашем распоряжении, великий учитель! — ответил Гени.

— Вот и прекрасно! Значит, вы составите мне компанию. отошлите-ка вашу машину к себе на Аляску, и пусть там этот допотопный рыдван отдадут маленьким детям. Для них это будет забавной игрушкой.

Гени с удивлением взглянул на ученого.

— Да, да, мое дитя! Подобный аппарат для начальника междупланетного флота в настоящий момент решительно устарел. У меня для вас имеется кое-что позамысловатее...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

МАРСИАНКА.

Авира Гени-Мар смутно чувствовала, что муж ей не доверяет. Чувство привязанности к любимому человеку и любовь к далекой, прекрасно родине боролись в сердце этой сильной и умной женщины.

На карту ставилось ее личное счастье — с одной стороны, и благо народа, давшего ей жизнь, — с другой.

*) Фобос — 8,3 килом. в диаметре, Деймос — 7,2 кил.

Здесь и там — вот два встречных течения, которые порождали бурю в ее смятенной душе.

Здесь — все реальное, что составляет жизнь. Там — все идеальное, что наполняет ее трепетным восторгом. Здесь — повседневные переживания супруги и матери, там — дрожат в золотистых лучах *) святые мечты юности, грезы о далеком, прекрасном, незабываемые ласки материнской руки. Там — зарождение ее внутреннего мира, сознания, родная стихия лучезарной, немеркнувшей жизни. Здесь — неизбежный конец, быть может, недалекий, небытие, урна с леплом ее некогда прекрасного тела. Что могло бы разбить, сгладить эти страшные противоречия? Любовь супруга? Она условна и непрочна! Ласки детей? Дети ей почти чужды, они — собственность Федерации, им почти незнакомо чувство детской привязанности к виновнице их существования. Они без остатка принадлежат враждебному ей народу.

Под наплывом этих мыслей Авира сжала виски руками и глухо застонала.

— О, будь ты проклята до конца дней, человеческая ненависть! Великий Разум мира! Когда же люди научатся относиться, как к святыне, к жизни себе подобных. Когда настанет золотой век любви и милосердия? Когда?

Но ответа не было. И не будет!.. Ибо некому ответить...

Несчастная женщина, спрятав лицо в колени, долго беззвучно рыдала.

Наконец, пароксизм миновал, а с ним исчезли и последние колебания.

Она гордо выпрямилась и сверкнула глазами по направлению к статуе мужа:

— Жребий брошен! Судьба создала нас врагами, и врагами же мы останемся до конца дней, несмотря... несмотря на мою любовь к тебе!.. Моя больная радость! Мое тревожное, мучительное счастье! Мы, несмотря ни на что, — враги! И наше назначение — бороться. Пусть будет так! Когданибудь, я это знаю, ты простишь меня!..

Авира приказала позвать управителя дома.

— Ириго, где начальник?

— Не могу знать, ваша милость.

— Он дома, по крайней мере?

— Вернее, что нет.

— Улетел на «Гермесе»?

— Не могу знать, ваша милость.

— Вы вечно ничего не можете знать, Ириго! Это становится скучным!..

— Как вам угодно, ваша милость.

— Начальник был в эманатории?

Старик исподлобья взглянул на марсианку.

— Не могу вам ответить.. может быть, да...

Авира впиалась в старика колющим взглядом своих черных, блестящих глаз.

— Что за странные ответы, Ириго? Может быть начальник еще там?

— На этот вопрос могу ответить определенно: его там нет. В ванной комнате витает смерть...

Марсианка насторожилась.

— Начальник отказался от ванны, так как это грозило его драгоценной жизни... Какой-то преступник чрезмерно эанировал ванную комнату, — медленно договорил старый управитель, искоса взглянув на женщину.

*) Атмосфера Марса не голубоватого цвета, как на Земле, а красновато-золотистого.

Бронзовое лицо марсианки потемнело. Однако, она быстро оправилась и воскликнула уже другим тоном:

— Какой ужас! Почему же начальник не сообщил об этом мне? Надеюсь, Ириго, вы распорядились привести в порядок эманаторий и выяснить виновного?

— Да, ваша милость. Эманация выкачена, и виновный будет найден и понесет заслуженное наказание.

Старик слегка поклонился марсианке и как бы про себя добавил:

— На Земле, у нас на Земле, ничто не остается без возмездия!..

— Я не нуждаюсь в ваших сентенциях, любезный, я приглашала вас совсем не для этого. Можете идти!

Управитель, приложив руку к виску, медленно удалился.

Авира порывисто накинула на себя темное покрывало из искусственной ткани, вырабатываемой на ее родине, и быстро пошла по направлению эманатория. Осторожно подойдя к выходу в аван-зал, она оглянулась вокруг и скрылась за дверью. Заперев на всякий случай наружную дверь, она закуталась поплотнее в покрывало и нажала потайную кнопку эманатория.

Заслон легко повернулся. Убедившись в безопасности атмосферы, женщина осторожно проникла в помещение, освещенное фосфорическим полусветом.

В кресле из темно-красного металла, не поддающегося действию лучей радия, в позе древних египетских фараонов, слегка откинувшись назад, сидел скелет мужчины с черепом, глубоко ушедшим в плечи.

Марсианка вздрогнула от неожиданности, но быстро оправилась и бросилась к скелету. На согнутом локте последнего блестел браслет. Авира быстро нагнулась и прочла надпись на браслете:

«Сего-Мар».

Крик ужаса вырвался из ее груди.

— Сего-Мар! Мой славный, верный Сего-Мар! Мой дорогой учитель и руководитель детских игр! Да почиет над твоим прахом невозмутимый покой Вечного Молчания! Ты — первая искупительная жертва вражды двух великих миров! Вечный мир тебе! Вечный покой! Вечная память!

Марсианка благоговейно склонилась перед скелетом на колени и дотронулась рукой до почерневших костей, с намерением коснуться их губами.

Кости скелета с сухим звоном рассыпались по розовому, блестящему полу эманатория.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ.

Роне Оро-Бер полулежал с закрытыми глазами в покойном кресле и, казалось, дремал.

Сидевший напротив него Гени Моск, не решаясь прервать молчания, с чувством, близким к благоговению, смотрел на великого ученого.

Аэрожабль последнего направлялся сейчас к горам Кавказа умышленно круглым путем.

После искусственного выправления земной оси водные пространства Земли значительно изменили свои очертания. В этой части света Персидский залив, устремившись на соединение с водами Красного моря, покрыл собою большую часть Аравийской пустыни. Средиземное море поглотило острова Архипелага и, расширив проливы между Европой и Азией, властно

влилось в Черное море. Последнее, в свою очередь, приняв в себя огромные массы воды, ринулось на соединение с Каспием, вдоль подножия Кавказского хребта. На месте лежавших когда-то вокруг необъятных степей простерся обширный водный бассейн. Таким образом, образовался новый колоссальный полуостров — Кавказский.

Над этим-то полуостровом и кружилась сейчас машина Роне.

— Вы утомлены, мой учитель? — спросил, наконец, Гени.

Ученый открыл глаза, на этот раз не защищенные окулярами.

— Я? Нет, дитя мое! Состояние, о котором вы упомянули, для меня непонятно. Просто, воспользовавшись свободной минутой, я задумался над разрешением одной проблемы. Дело в том, что я не могу не чувствовать над приближением неизбежного конца, а расставаться с моим прекрасным, любимым миром еще не хочется. Так вот я и соображаю, нельзя ли как-нибудь обмануть природу. Перед человечеством в недалеком, быть может, будущем, намечаются такие возможности, о которых жутко подумать! Хотелось бы увидеть эти возможности хоть одним глазком. У меня давно уже шевелится одна идея, так сказать, созидательного свойства. К сожалению, разработка очередных разрушительных идей не оставляет времени подумать об этом посерьезнее... Вопрос — насущный для всего человечества, но, кажется, заставляют меня заниматься им не совсем почтенные побуждения: — самому пожить подольше!

Старый ученый добродушно рассмеялся.

— Вы клевете на себя, дорогой учитель! В эгоизме вас едва ли кто посмеет заподозрить, — с улыбкой сказал Гени. — Интересы человечества...

— Так ведь и я — часть человечества! Каждый заботится сначала о части, а уже потом — о целом. Все мы из одной материи! Идея же моя вот какова. Средняя продолжительность человеческой жизни на Земле, к настоящему времени, благодаря всевозможного рода прививкам, достигла 150 лет. Раньше люди жили гораздо меньше. Марсианин в среднем живет столько же, т. е. те же 150 лет, — своих лет, заметьте. А ведь их год почти вдвое дольше нашего. Следовательно, фактически, марсиане вдвое долговечнее нас. В условиях земной обстановки жизнь марсианина укорачивается, применяясь к счету наших годов. И, наоборот, век уроженца Земли, акклиматизировавшегося на Марсе, соответственно удлинится, в виду большей продолжительности тамошнего года. Следовательно, все зависит от продолжительности обращения планеты вокруг солнца. Вы когданибудь задумывались над этим явлением, дитя мое?

— Откровенно говоря, — нет, — как бы извиняясь ответил Гени.

— А вот я задумываюсь и частенько. Очевидно, мы здесь имеем дело с одним из неисследованных еще законов природы. Если бы на Юпитере или Сатурне проживали особи вроде нас с вами, продолжительность их жизни, по моей гиппотезе, также приближалась бы к 150 годам... Их годам! Ну, а если переведем на наше счисление? Это будет для жителя Юпитера в 12 раз больше нашего, а для сатурнянина — почти в 30! Разница — над которой есть смысл подумать!..

Старик улыбнулся тихой, ласкающей улыбкой. Его глубокие глаза блестели молодым огнем.

— Какая головокружительная идея! — в восторге воскликнул Гени. — Но как подойти к ее осуществлению?

— Пути подхода найдутся, следует только не жалеть мозгов. Вот хотя бы... Но, Великий Демиург! Посмотрите, что там творится впереди!!

Ученый быстро вскочил, увлекая за собою Оро-Моска. Далеко под их ногами, как тело чушуйчатого дракона, сверкало на солнце Кавказский хребет. Там, где высокие горные пики, словно гигантские кегли возвышались над поверхностью, — вставали густые клубы дыма, седыми шапками

поднимались над горами и медленно расплывались в голубом пространстве атмосферы.

Ученый торопливо открыл звуковую отдушину. В тот же момент до них донесли, с небольшими промежутками, несколько взрывов, от которых, казалось, содрогнулось небо, и аэро, силою течения воздуха, отбросило несколько в сторону.

— Моя лаборатория! Моя лаборатория!.. Они взорвали мое любимое детище!.. — с чувством глубокого возмущения воскликнул ученый.

Гени гневно нахмурил лоб, глаза его засверкали.

— Клянусь вам, учитель, что негодяи!..

Гени не договорил. Он взглянул на ученого и широко раскрыл от изумления глаза.

Момент возбуждения у старика прошел, он ласково улыбался и, положив руку на плечо Гени, по обычному, мягко заговорил:

— Мы с вами чрезвычайно остроумно поступили, сделав такой большой крюк на нашем аэро. Война началась! Неприятель проведаль о нашем свидании и решил покончить одним ударом и с лабораторией, и с двумя опасными для него людьми.

— Великий Разум! Какое несчастье! Клянусь Космосом, им это преступление дорого будет стоить! — Гени задышался от гнева.

Ученый стоял посреди каюты. Вокруг его глаз собралась целая сеть мелких морщин, а старчески красивая фигура слегка колыхалась от внутреннего, беззвучного смеха.

— Несчастье? Нет, это величайшее счастье, дитя мое! Нас — нет! Вы понимаете: нас нет!! Мы больше не существуем для наших врагов! Мы погибли при взрыве лаборатории! Оставим их в этом роковом для них заблуждении!..

— Что вы думаете предпринять, мой славный учитель?

— Что я думаю предпринять? Что мы думаем предпринять? Это скоро узнают наши враги. У нас, слава Демиургу, не одна лаборатория, что под шапкой старого Казбека. Хе-хе-хе!.. Мы найдем для себя убежище понадежнее!..

Ученый подошел к сигналу в капитанскую каюту и коротко приказал:

— На Гималай!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ПЕВЕЦ «ГАРМОНИИ МИРОВ».

Гро Фезера-Мар, автор поэмы «Гармония Миров», прозванный у себя на родине «Божественным», путешествовал по Земле «ради собственного удовольствия». У себя, на Марсе, поэт состоял председателем тайного союза, поставившего себе целью всеми средствами добиваться осуществления культурно-политической гегемонии марсиан на всех заселенных планетах. Этот союз являлся грозой не только для правящей Федерации Земли, но и для самого правительства Марса. Членами тайного союза состояли знаменитые ученые, виднейшие поэты, члены правительства, начальники боевых флотилий, гениальные техники и проч. и проч., — в подавляющем большинстве — потомки разгромленного лет 500 тому назад правящего класса «ларгомеров», властвовавшего над жителями планеты в течение сорока марсовых веков безраздельно.

Величайшая революция марсиан, происшедшая в двенадцатом году

СССХХVII века новой эры *), разметала могущественную олигархию ларгомеров.

Первое время, казалось, ларгомерогии, как класс, совершенно перестали существовать. Однако, спустя два столетия, потомки некогда всемогущих властителей вновь подняли головы, сплотившись в сильнейший союз.

Все члены союза взаимно связаны тягчайшими обязательствами до конца жизни. Вхождение в союз обставлено строжайшим ритуалом, надежно фильтрующим элементы, мало пригодные для целей союза.

Как прямая измена знамени союза, так и неумышленное раскрытие непосвященным тайных намерений этой страшной организации, карается уничтожением провинившихся и всего их потомства до пятого колена. Приговор приводится в исполнение в течение суток.

Все члены союза являются на заседания в масках. Личность председателя известна лишь Совету Пяти. Состав Совета Пяти известен — Большому Совету Пятидесяти. Далее, каждый из Совета Пятидесяти известен лишь одному из Секторальных Советов, состоящих из пятисот человек. Таких секторов пятьдесят. Всех членов Секторальных Советов 25.000. Каждый из этого числа управляет Подсектором, в который входят рядовые члены союза. Подсекторы насчитывают от 5 до 10 тысяч членов каждый.

Правящий Совет Федерации Марса является лишь жалкой игрушкой в руках этой могущественной организации, составляющей государство в государстве, и всецело находится под ее гнетом.

Война с Землей фактически предпринята союзом ларгомеров и лишь post factum официально фиксирована правительством Марса.

Жена начальника междупланетного флота Земли, Авира Гени-Мар, по своему происхождению, со дня рождения являлась членом союза ларгомеров. Ее брак с Гени Оро-Моском являлся политическим шагом, к которому бедную женщину готовили с детства.

Автор «Гармонии Миров» знал наверное, что в распоряжении военного командования Земли имеются тайные, неизвестные официально, средства борьбы, и с целью раскрытия этих тайн, лично, уже в течение довольно продолжительного времени, следил за каждым шагом видных военачальников, главным же образом за гениальным ученым Роне Оро-Бером, — предоставив начальника междупланетного флота заботам своей сестры.

Проследив за ученым, после заседания Совета Федерации, до его места жительства на Атлантиде и зная, что старик никогда подолгу не остается дома, Гро Фезера, причалив к одной из изумительнейших террас Атлантики, остался ждать.

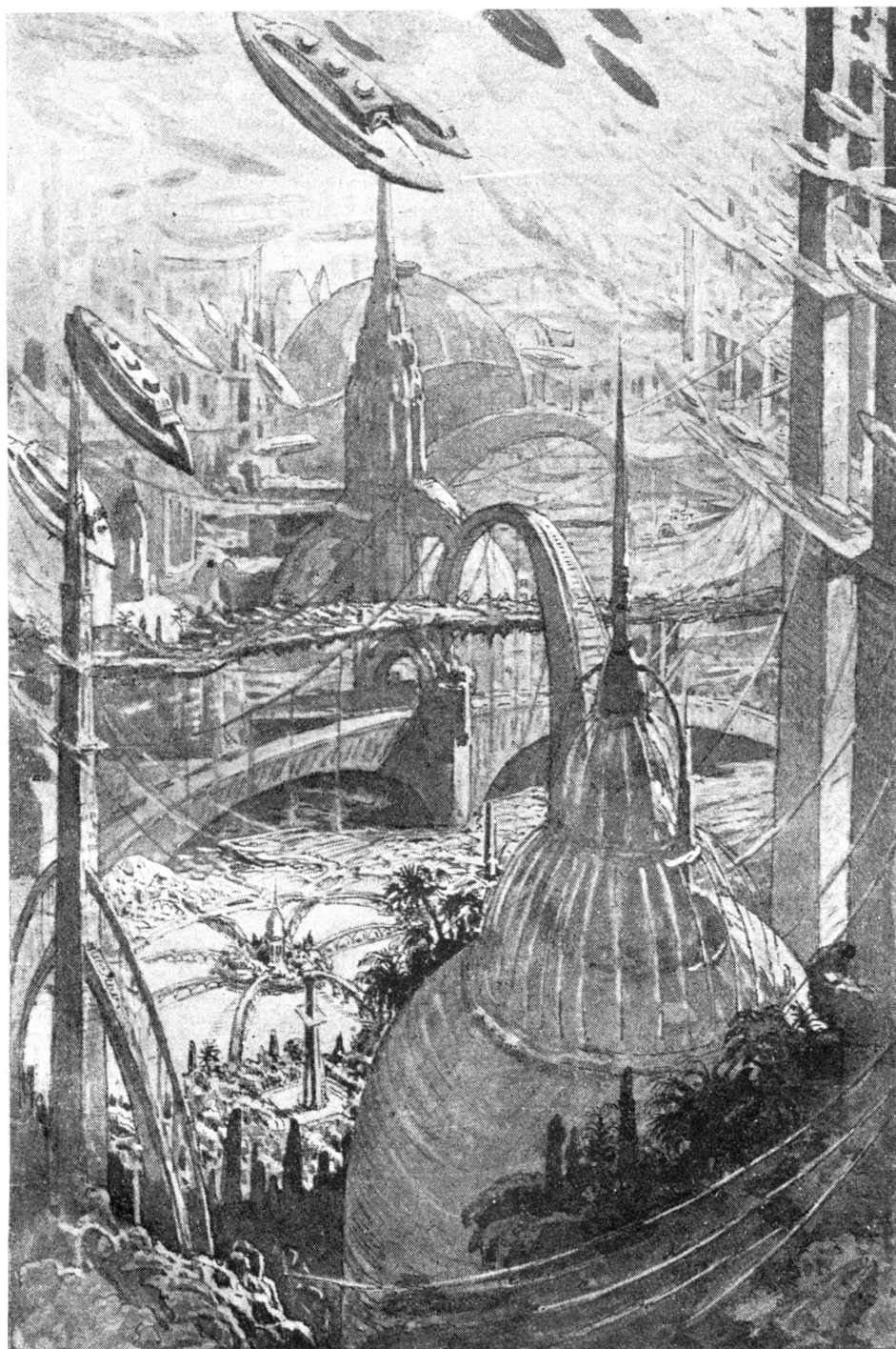
В это время, снесаясь с Марсом, председатель союза ларгомеров был поставлен в известность о принятом там решении начать наступление не позднее 15 часов **).

В аэро поэта находилось несколько человек. Его личный секретарь, математик Аль-Загроо, — потомок марсианина, родившийся на Земле; Эйрейя Тоозе, — возлюбленная поэта, красавица с бледно-жемчужным лицом, уроженка одного из отдаленных астероидов, капитан аэро, — марсианин и двое ученых техников, — по документам — граждане Земли, в действительности — марсиане, обладающие более светлым цветом кожи. Все — члены союза ларгомеров.

— Наше наступление начнется через 15 часов, — сообщил Гро Фезера.

*) Летоисчисление марсиан ведется от начала грандиозных работ по прорытию оросительных каналов, разносящих воды двух океанов, расположенных у полюсов, по всей планете. Этот период искусственного орошения и называется в истории Марса «Новой Эрой».

**) Продолжительность суток на Марсе 24 часа 37 м.

Гроазур, столица Федерации Земли

— А противник? — спросил Аль Загроо.

— Это мы узнаем в ближайший срок, — ответил поэт.

— Но каким образом? Разве уже было собрание Военного Совета? Ведь решение подобных вопросов зависит от него, — вмешалась Эйрейя тоном человека, посвященного решительно во все тайны.

— Военный Совет собирается через два часа. Или около того, — подумав, сказал Гро.

— Тогда что же мы здесь стоим? Нам необходимо спешить, мы можем опоздать и пропустить момент!.. — заволновалась Эйрейя.

— Куда спешить, дорогая? — Поэт насмешливо вскинул на нее глаза.

— Туда, где будет происходить совет! — резонно ответила красавица.

— А вы знаете это место? — уже не скрывая тона насмешки спросил Гро.

— Я — нет, но вы — должны знать!

— И я не знаю...

— Но разве ваша сестра... — волнуясь, начала Эйрейя.

— Тсс...! поэт нахмурил лоб и, глубоко втянув голову в плечи, с досадой отвернулся.

— О, женщины, женщины! — улыбнулся математик.

— Всё приходит в свое время! — сказал первый ученый.

— И минует в свое время! — поддержал второй.

— Но, лишь с посторонней помощью! — вновь улыбнулся Фезера. — Если во время направить, причалить и оттолкнуть...

Он повернулся к секретарю:

— Аль, вы следите за пространством?

— Да, божественный, — ответил тот, не отрываясь от аппарата. Ага, редкостная птичка взвилась под облака. Zeuzo?

— Zeuzo! Не теряйте из вида...

Разговор происходил на одном из древних мертвых языков Марса, воскресшем в среде ларгомеров.

Машина марсиан последовала в отдалении за аэро Оро-Бера. Все со вниманием следили за экраном на стене, по которому скользила тень аэро ученого, в то время, как машины не могли видеть друг друга за дальностью расстояния.

— Несомненно, старая мокрица поползла на заседание Военного Совета, — сказал Гро.

— О, с каким удовольствием я раздавила бы это насекомое! — с гримасой отвращения кинула красавица.

Неожиданно воздушная машина Роне Оро-Бера исчезла с экрана. Все всполошились и вскочили на ноги.

— В чем дело?

— Куда исчез аэро?

— Не испортился ли экран?

— Где мы находимся?

Проверили аппарат. Увеличили радиус действия. Пропустили через экран десятки машин, отстоящих на сотни километров, — сигарообразной машины Роне нигде не было, как в воду канула.

— Где мы находимся?

— Над пустыней Сирии.

— Странно, не здесь же у них заседание Совета?

— Все возможно!..

Пока происходило заседание Военного Совета, машина марсиан облетала колоссальные пространства, отыскивая пропавший аэро.

Взбешенный неудачей, Гро Фезера решил уничтожить лабораторию ученого на Казбеке, о существовании которой ему было известно от се-

стры. Он имел основание предполагать, что Роне скрылся именно в это убежище, где, возможно, собрался также и Военный Совет.

Машина подлетела к горам Кавказа с севера. Поэт невольно залюбовался чарующей панорамой горной цепи, развернувшейся под ногами:

— Когда то вершины этих гор были покрыты вечными снегами, — задумчиво проговорил он. — Клянусь, это, вероятно, было божественно красиво!

— Если бы таяние снегов не произошло раньше, это случилось бы сейчас, — сказал один из техников, устанавливая истребитель. — Как прикажете взять прицел, божественный?

— Погрейте самую лысину старика Казбека, дорогой Микорос. Zeuzo?

— Zeuzo!

— Во славу освободительного союза ларгомеров! — торжественно провозгласил Гро Фезера.

Каждый поднял левую руку вверх и все на несколько секунд застыли в этой позе.

— Война начинается! — сверкнула глазами Эйрейя.

— Да, война начинается, — повторил поэт и тихо, с грустью добавил: — и вместе с ней рушится неустойчивая «гармония миров»...

Над вершиной Казбека что-то зашевелилось.

Через несколько секунд густые клубы дыма, как седыми кудрями, обволокли развенченную главу порабощенного старца.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

МЕРТВЫЕ ПОВЕЛЕВАЮТ!

Сигара Роне Оро-Бера скользила над горными цепями центральной Азии. Эта часть земного шара представляла собою запрещенную зону, зорко охраняемую воздушными постами Федерации. Воздушные пространства беспрерывно пронизывались радио-токами высочайшего напряжения, кругообразно обтекающими охраняемый район.

Пересечь своеобразную орбиту этого смертоносного круга можно было только в известных пунктах, через узкие воздушные «ворота», и только тем кораблям, которые имели специальные приспособления, парализующие действия радио-волн.

Эти высочайшие в мире горные кряжи были превращены в гигантскую лабораторию, где выковывалось невидимое оружие для врагов Федерации.

Чудную картину являли эти застывшие каменные волны, расходящиеся концентрическими кругами и напоминающие панораму лунных ширков и кратеров.

Взбуждающая каменная поверхность, такая мирная, первобытная, ничем не выдавала тайн, скрытых в ее недрах. А эти недра, на огромные пространства изрытые и просверленные колоссальными артериями, кипели творческим трудом.

Дети Земли вытягивали из сосцов своей старушки-матери живительные соки, необходимые для поддержания их сложного существования.

Ученый указал своему молодому другу на одну из горных вершин:

— Вы видите, Гени, этот природный обелиск? Это высочайший горный пик на Земле. Наши предки называли его — Гауризанкар. Ныне это — мирная пристань воздушных кораблей. К ней то мы и пристанем.

Аэро снизился на небольшую площадку и проворно уполз в невидимый сверху туннель.

— Вот мы и дома! Здесь мы надежно защищены от наших врагов,—

сказал ученый и сейчас же добавил, положив руку на плечо Гени и с грустью смотря ему в глаза:

— А также и от некоторых «друзей», что гораздо важнее.

— Что вы хотите сказать этим, учитель? — несколько удивился Гени.

— Ничего, дитя мое, кроме того, что уже сказал. Просто вспомнилась древняя пословица: «Избави меня бог от друзей, а от врагов я сам избавлюсь». Будем надеяться, что мы собственными силами, с помощью одного умения, избавимся как от одних, так и от других.

Они вышли из аэро и по движущейся подвесной дороге, в небольшом вагончике, начали опускаться в самые недра Земли.

Картина поражала своей необычностью даже начальника флота, привыкшего к виду грандиознейших технических сооружений.

Одна за другой сменялись исполинские, высеченные в каменном массиве шатрообразные залы, освещенные фосфорическим светом. По всем направлениям, точно гигантские змеи-удавы, бесшумно бежали, с неуловимой быстротой, сверкающие провода. Тысячами крутились, сливаясь в прозрачные сферические тела, отливающие всеми цветами радуги, огромные лопасти-пропеллеры. Методически двигались гигантские, башнеподобные поршни.

Можно было подумать, что именно эти, скрытые в недрах земли, колоссы являются причиной движения старушки Земли в пространстве, что здесь бьется ее никогда неуставшее сердце.

— Но я не вижу здесь людей, великий учитель! — Кто же управляет этими молчаливыми титанами? — с удивлением и восторгом спросил Гени.

— Еще больший титан — Человеческий Гений, друг мой! Он научился управлять подвластными ему силами на расстоянии, а потому — в присутствии людей здесь нет ни малейшей необходимости.

Миновав сотни зал, они пересели в сигарообразный, герметически закрытый прозрачный аппарат. Этот аппарат скользнул по рельсам и не без некоторого усилия, вызываемого каким-то внешним сопротивлением, вынес их по темному туннелю на широкий простор нового, безграничного зала, феерически засверкавшего тысячами разноцветных радуг.

Гени, пораженный невиданным зрелищем, быстро схватил ученого за руку.

— Учитель! Моя мысль отказывается понять окружающее!

— Ничего непонятного здесь нет, — улыбнулся ученый, — эти радуги — явление кажущееся. Мы находимся в призме из граненого горного хрусталя. Радуги — результат преломления лучей — и только. Выйдем наружу.

Поражающий своими размерами зал пронизывался золотистым светом из невидимого источника.

Здесь царствовал покой. Ни одной движущейся точки. Ни единого звука. Нити проводов и трансмиссий легкой ажурной сетью уходили в высоту купола на тысячи метров. Пропеллеры, лопасти, поршни, как будто только-что остановившиеся в своем движении, застыли во всевозможных ракурсах.

— Здесь собрано всё, что изобрёл человеческий гений от седой древности до сегодняшнего дня, — сказал ученый своему спутнику. — Отсюда я имею возможность в любую минуту следить за своими врагами и... наблюдать друзей, которых, как вы знаете, очень часто нельзя оставить без повышенного внимания. Вход сюда закрыт для всех, за исключением... впрочем, вы видите это исключение сами. Почему я так поступаю? Это я вам объясню как-нибудь на досуге... Хрустальная сигара пронесла нас через туннель, наполненный конденсированным воздухом. Других путей сообщения с миром отсюда не существует, а способ управления хрустальной машиной известен только одному человеку в мире...

— Этот человек — вы, мой гениальный учитель!

— Зачем повторяться, дитя мое?.. — улыбнулся старик. — Приступим лучше к делу. Здесь — технический пост вашего старого друга. В случае крайности, отсюда непосредственно можно управлять даже борьбой миров и следить за их разрушением.

— Это непостижимо! — вырвалось у начальника флота.

— А между тем, это — так. И вам, как одному из первых руководителей этой борьбы, необходимо знать все тайные пружины, ведущие к победе. Явные — вам, разумеется, известны лучше меня. Сейчас — 17 ч. 20 мин. Через 10 часов с небольшим начнется атака неприятельских позиций. Все наши части, разумеется, вполне готовы и только ждут приказа к выступлению. Приказ этот может последовать и раньше. Не так ли?

— Совершенно верно, дорогой учитель. Командующих флотилиями смущает только одно обстоятельство, а именно: неизвестность назначения новых аппаратов, которые только-что установлены на всех воздушных судах, по вашему распоряжению. Признаться, меня это, как начальника боевого флота, несколько волнует и даже... удивляет, — тихо договорил Гени.

— Не удивляйтесь и не обижайтесь, мой друг. Вы увидите, что я имел чрезвычайно веские причины скрывать назначение новых аппаратов даже от вас, дорогое дитя. Через час у нас не останется никаких неясностей, никаких сомнений. Ну-с, с чего бы нам начать? Вас что больше всего интересует в настоящий момент?

— Прежде всего — вопрос о готовности неприятеля к борьбе и час его выступления. В общих чертах я, конечно, догадываюсь...

— Не нужно строить своего благополучия на догадках, когда есть возможность точно установить факты, — прервал Роне начальника флота.

Ученый взял Гени под руку и поднялся на небольшую огороженную площадку. Площадка плавно поплыла в высоту и остановилась в самом куполе, перед целой системой сферических тел, от огромных круглых колоссов до миниатюрных шариков.

— Это — теллурий, точная модель части солнечной системы между Землей и Юпитером. Тела движутся по своим орбитам с математической точностью их оригиналов.

— Я знаком с этим, учитель. В моем распоряжении имеется несколько таких приборов, только в более скромном масштабе, — заметил Гени.

— Здесь есть некоторые приспособления, которых вы, вероятно, не имеете. Наблюдайте за Марсом.

Они стояли на спиралеобразной галлерее, уставленной сотней приборов и машин неизвестного назначения.

— Сядем, так будет удобнее, — сказал ученый, дотронувшись до рычага.

Зала погрузилась в полную темноту. В красновато-желтом свете выделялись лишь рельефные очертания Марса.

— Оденьте на глаза этот маленький рефрактор, — предложил ученый. — Что вы видите?

— Сильно увеличенную картину Марса.

— Нажмите слегка вот эту кнопку. Что вы видите теперь?

— Поразительно! — воскликнул Оро-Моск. — Я различаю общественные постройки... Да это площадь Марогеноса — столицы Марса!.. Легкие тучки... Нет, это не тучки, это — стан воздушных машин!.. Какое сильное оживление... А вот и человеческий муравейник!..

— Нажимайте кнопку еще!..

— Отдельные фигуры... Все так знакомо... Будто я нахожусь в десяти шагах... Какая масса людей!.. Здесь десятки, если не сотни миллионов!..

— Что вы слышите, друг мой?

— Ничего, кроме вашего голоса, учитель!

— А теперь? — ученый прижал к виску Гени какую-то трубочку.

— Слышу шум далекого прибоя... Нет, это не прибой, это шум человеческой толпы... Яснее... Все яснее... Я различаю отдельные звуки, отдельные голоса...

— Прислушаемся внимательно и сосредоточим все свое внимание на площадке дворца Военного Совета. Не правда ли, какое оживление?

— Да... Заседание только-что кончилось... Шумный обмен мыслей... Выступление назначено... Возможно ли? В один час с нами! В 4 часа следующих суток!.. Вот новое подтверждение... Об этом говорят члены Совета, я узнаю их по золотым застегкам, — задыхаясь от волнения, бросал Гени.

— Я думаю, сын мой, мы узнали все, что нам нужно знать.

— Значит, неприятель был осведомлен о часе нашего наступления, — вывел заключение Гени. — Но каким образом?

— Если мы знаем о всех его действиях, почему ему не знать о наших? А теперь будем поумнее и примем новые меры. Мы должны начать наступление на 4 часа раньше, — решительно закончил Роне.

— Я с вами согласен, учитель.

— Я сейчас разошлю повестку всем командирам частей об экстренном собрании здесь, по близости, через 2 часа.

Роне подошел к радиографу и воздушные волны разнесли во все концы Земли краткую, ничего не говорящую формулу:

X. L. y°. S'. Z''. 19. 20

— Кстати, все прибывшие получают инструкции относительно новых установок, — пояснил Роне. — А теперь обратим наше милостивое внимание на старую знакомую — Землю, — весело заметил жизнерадостный ученый.

Они спустились несколько ниже.

— Для меня неясно одно, дорогой учитель... — начал Гени.

— Что именно, друг мой?

— Ведь нас больше не существует... Каким же образом?..

Старик рассмеялся и договорил:

— Каким образом мертвые могут повелевать? Самым реальнейшим, и вы в этом убедитесь. Совет назначен под шапкою Годвин-Остена*), а мертвые повелевают с Гауризанкура. Ну-с, мы вернулись с заоблачных высей. Обратим наше внимание на один островок Великого океана. Вот на этот. Что вы видите?

— Огромный зал... Вернее, сталактитовую пещеру... Небольшая группа людей за столом. Полумрак мешает рассмотреть их лица...

— А теперь? — спросил ученый.

— Мгла редет... Я ясно различаю фигуры... Идет заседание... О, силы бездны!.. Мой шури — Гро-Фезера и...

— Что же вы не договариваете, Гени?

— И моя... Авира Гени-Мар!..

— Да, ваша жена, дитя мое! Вы не ошиблись! Вас интересует характер этого собрания?

— Интересует ли меня это? О учитель! Умоляю вас, не испытывайте моего терпения! Но как она печальна!..

— Ваша жена имеет на это некоторое право, — грустно сказал Роне, — нажмите эту кнопку и слушайте.

В аппарате послышался жесткий, ясный голос автора «Гармонии Миров».

— Вы понимаете язык собрания? — тихо спросил ученый.

Гени кивнул головой и весь обратился в слух.

Гро-Фезера делал доклад.

*) Самая высокая вершина Каракорумского горного хребта, смежного с Гималаями.

«... Именем великого союза ларгомеров, наше наступление назначено в 4 часа следующих суток. Борьба обещает быть стремительной, беспощадной и разрушительной. Мне удалось в последние часы узнать чрезвычайно важные военные тайны неприятеля, о чем я немедленно должен сообщить нашему военному командованию. Есть указания, что час наступления врага будет ускорен. Я осведомился также и о характере новых истребителей, установленных на всех неприятельских судах. Не скрою, возможность победы марсиан, в которой до сего времени никто не сомневался, становится проблематичной. Необходимо добыть секрет действия новых аппаратов, если он известен хотя бы одному человеку. Есть основание полагать, что Роне Оро-Бер и Гени Оро-Моск погибли при катастрофе на Казбеке, вызванной нами»...

Гени, не будучи в силах сдерживать своего негодования, заскрежетал зубами:

— О!.. И она!.. Она!.. Которую я так любил!..

— Тсс... — предупредил тихо ученый. — Она не могла поступить иначе... Объясню после, а теперь слушайте...

Снова послышался голос председателя ларгомеров:

«... Итак, у нас есть слабая надежда, что тайна, в которой для нас заключается вопрос бытия, погребена под развалинами Казбека. Однако, будем осторожны в выводах. Лично я не сомневаюсь, что такой хитрец, каким был старик Роне, даже погибнув сам, нашел способ передать секрет истребителей одному из своих помощников. Раскрыть этот секрет является нашей неотложной задачей».

Голос умолк.

Гени с легким стоном закрыл глаза.

— Вам ясно, в чем тут дело, сын мой? — осторожно спросил ученый.

Гени кивнул головой.

— Какие же меры мы примем, чтобы обеспечить сохранение тайны, а быть может и существование нашей культуры?

Гени быстро вскочил на ноги.

— Умоляю вас, летим немедленно туда, чтобы достойно наказать этих подлых преступников! — закричал он.

— Но ведь там — ваша жена!.. — тихо заметил ученый.

— Моя жена! Да разве у меня есть жена? Ту женщину, которая считалась моей женой, я казнию собственными руками! — в бешенстве кричал начальник флота.

— Пока нам нет надобности никуда спешить. Нажмите, для первого раза, вот эту кнопку...

Гени быстро, без колебаний, выполнил указание ученого.

Густые клубы дыма заволокли картину заседания.

Сейсмограф отметил страшной силы взрыв.

— Мертвые повелевают! — серьезно и торжественно сказал ученый.

Начальник флота стоял с высоко поднятой головой и гневно сверкающими глазами:

— Они не только повелевают, но и карают изменников!

Ровный золотистый свет вновь разлился по залу и картина катастрофы исчезла.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ХОД СОБЫТИЙ УСКОРЯЕТСЯ.

Командующие флотилиями, получив экстренную радиограмму с магической формулой — $X. L. y^0. S'. Z''$. 19. 20 — собрались к назначенному времени в недрах Каракорума.

Эта радиограмма предназначалась только для тех лиц, у которых на левом плече были выжжены каленым железом начальные буквы формулы «Х. Л.» — знак, налагаемый в момент принесения страшной клятвы на верность Федерации, после многолетней испытанной службы в высших командных должностях, — как символ непогрешимости.

Факт клеймения содержался в строжайшей тайне. Носители знака обязывались никогда и никому, не исключая самых близких лиц, не говорить о знаке, ни тем более показывать его.

Это был своего рода условный адрес «на предъявителя».

В собраниях, подобных настоящему, знак секретно предъявлялся при входе специальным контролерам в отдельном помещении, после чего ревизуемый допускался на собрание.

В небольшом сравнительно зале собраний, глубоко под землей, царило необычайное волнение. Всему миру было известно о катастрофе в Кавказской лаборатории. Большинство считало погибшими в этой катастрофе великого ученого Роне Оро-Бера и начальника междупланетного флота Гени Оро-Моска, а потому находилось в гневно-возбужденном состоянии.

Председатель Совета Федерации Омер Амечи и заведующий междупланетным политическим равновесием Альби Афрег, выступавшие докладчиками на историческом заседании минувшим утром, находились здесь же.

На случай, если бы подтвердился факт гибели Оро-Моска и Оро-Бера, Омер Амечи имел на руках мандат, выданный Советом Федерации, на право выбора, из числа кавалеров «Х. Л.», новых начальников междупланетного флота и технических сил Федерации.

Собрание находилось в недоумении, по чьей инициативе была разослана чрезвычайная повестка? Лица, имевшие право на подобное действие, были все здесь за исключением двоих, которых считали погибшими.

Тем не менее, заседание началось строго в назначенную минуту.

Альби Афрег, по праву старшинства, занял председательское место.

Наступила тишина, в которой слышно было биение собственного сердца.

— Высокие кавалеры знака Х. Л., — начал председатель, — мы собрались в исключительную для Федерации минуту. К глубочайшему своему прискорбию, мы не видим среди нас двух наших незаменимых вождей, — величайшего гения техники Роне Оро-Бера и храбрейшего водителя боевых сил Федерации, испытаннейшего стратега Гени Оро-Моска. Есть косвенные указания на то, что оба гения погибли жертвами вероломства наших врагов. Это тяжелый удар! Их отсутствие среди нас в этот решающий момент служит печальным подтверждением подобного предположения. Предлагаю почтить вставанием память наших незабвенных товарищей, павших первыми жертвами великой борьбы.

Все бесшумно поднялись и застыли в торжественном безмолвии, прикрывши лица руками.

Мелодичный, вибрирующий звук приемника радиофона над председательским столом заставил всех в одно мгновение изменить положение.

Председатель перевел усилитель звука. Ясно раздался всем хорошо знакомый голос великого ученого:

— «Во славу Федерации»!

— Во славу Федерации! — радостно, в один голос ответили собравшиеся.

— «Высокие вожди знака Х. Л.! Все обстоит прекрасно в этом лучшем из миров! — продолжал голос. — Примите инструкцию по ведомству Технических Сил:

Вновь установленные на боевых судах истребители, названные мною «Телескопосом», заряжены новооткрытыми комбинированными лучами не-

булия и некоего элемента, гостя далеких солнечных систем, имя которому — «Тайна». В случае возможной моей гибели, формулу «Тайны» найдут записанной в Золотой Книге Федерации, под сегодняшним числом. Ключ к формуле находится у хранителя тайн Федерации, имя которого известно председателю совета Федерации и его заместителю; ключ может быть раскрыт одному из этих лиц после моей смерти. Вновь открытая сила названа мною, для краткости, «Омега-лучами небулия». Скорость лучей — 280.000 километров в секунду. Дальность метания — неограниченная. Основное свойство — превращать всякую встречную материю в некий первичный элемент. Формула действия — $H. D. \frac{15}{VF. K. \frac{05}{10}}$ Подробности — в особой инструкции, заключенной в самом истребителе: нажать одновременно кнопки 3 сверху и 7-ую снизу. Дальнейшие распоряжения по ведомству Технических Сил будут рассылаться своевременно и обычными путями. Слава Великой Федерации!»

Слава величайшему Роне Оро-Беру! — восторженно крикнули члены собрания.

Раздался голос Гени Оро-Моска:

— «Привет вождям «Х. Л.»!

— Привет гордости Федерации — Гени Оро-Моску! — ответили присутствующие.

— «Полномочные члены Военного Совета! Достоверно известно, что час наступления наших сил и сил противника — совпадает. Побеждает тот, кто опережает. Предлагаю ускорить момент нашего выступления и считать началом открытия военных действий 24 часа текущих суток, вместо фиксированных ранее 4 часов следующего дня. Вам известно, что все приготовления закончены и аэрофлот может выступить в любую минуту. Жду согласия правомочного собрания!»

Гени Оро-Моск умолк.

Ставлю вопрос на баллотировку. Кто за предложение начальника международного флота? — объявил председатель. — Единогласно!

Радиофон ответил:

— «Благодарю высокое собрание за доверие и постараюсь его оправдать! Час наступления установлен. Предлагаю командующим частями в назначенный срок быть на своих постах. Очередные распоряжения — обычным путем. В целях спокойствия членов собрания, считаю не лишним заметить, что настоящий обмен мнений произошел по тайному подземному кабелю радиофона и не может быть известен никому, за исключением собравшихся кавалеров Х. Л. Слава Федерации!»

— Слава Федерации! Честь нашим вождям!

Присутствующие поднялись со своих мест и торжественные звуки гимна Федерации огласили своды подземного зала.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО.

В 23 часа 40 мин., на исходе текущих суток, флагманское судно начальника междупланетного флота, подаренное Роне Оро-Бером, покинуло пределы земной атмосферы и окунулось в мертвящий холод безвоздушного пространства.

На первый взгляд санаэрожабль не отличался от миллионов других, подобных ему, боевых единиц. Та же бесцветность вида, та же сигарообразная форма, рассчитанная на деформацию, тот же строительный материал, непрерывно излучающий теплоту, те же средства преодоления закона инерции и те же приспособления для искусственного дыхания.

Внутреннее устройство существенно разнилось от обычного типа. Здесь нашло применение все, что дала новая техника последних месяцев.

Весь арсенал средств истребления и защиты был заключен в самом корпусе судна и составлял с ним как бы одно органическое целое.

Два небольших, портативных, но колоссальной силы рефрактора, свободно движущиеся на своих осях, помещались в передней и задней частях судна.

Измерители времени, скорости движения, сжатия тела, силы давления окружающей среды, указатели нахождения в пространстве, равно как и рассеиватели встречной космической пыли, — действовали автоматически и непрерывно, записывая свои указания на многочисленных циферблатах.

Ряд небольших перископов, расположенных снаружи, улавливал каждый луч света, откуда бы он ни исходил. Вся световая масса автоматически собиралась в специальных баллонах, где распределялась по свойствам электронов и шла на пополнение энергии, израсходованной теми или иными аппаратами санаэрожабля.

На корабле находились: командующий флотом Гени Оро-Моск, ученый Роне Оро-Бер, капитан-пилот и два механика. Последние трое помещались в носовой машинной каюте.

В точке подъема, на Гималаях, в это время царила ночь. Аппарат высоты показывал 50.000 километров над поверхностью Земли.

— Сделаем «обход» Земли в восточном направлении, — предложил Гени.

— Да, это будет не лишнее, — согласился Оро-Бер.

Колоссальный абрис Земли в это время плыл внизу бледно-пепельным пятном неправильной формы, с более светлым восточным краем, закрывая почти половину черного полого неба, обильно испещренного разноцветными, не мерцающими точками. Сияние на востоке быстро увеличивалось. Ярко выделился гигантский радужный серп. Безформенное пепельное пятно расплзлось вширь. Более светлое его ядро, в виде сдавленного круга, как крепнущая стальная пружина, разжималась, принимая округлые очертания. Еще несколько секунд — и радужный серп достиг нестерпимой яркости. Вот он на момент вспыхнул ослепительным огнем и стал гаснуть. Из огненного моря выплыл небольшой кроваво-красный диск, повисший в зияющей черноте неба, — взошло солнце.

Машина людей обгоняла плетущуюся черепашим шагом старушку-Землю.

Внизу, ровным, темно-синим бархатом проплыл Тихий океан, сверкнули под солнечными лучами части разорванного на двое материка Америки и быстро ускользнули из под ног.

Красный, лишенный лучей, шар солнца, торопливо миновав зенит, падал куда-то вниз. Вот он снова погрузился в земную атмосферу, на момент зажег ослепительный пожар и исчез за быстро тающим гигантским полукругом.

В несколько минут сутки миновали и наступила снова ночь.

— Все, как обычно, и ничего нового, — проговорил, позевывая, ученый.

— Ну, а пока старушка-Земля плетется своим проторенным путем, я полагаю, будет не лишним проведать ее подневольного спутника, — шутливо сказал Гени. — Вы как смотрите на это, учитель?

— Пусть будет так. Эта Луна для нас — настоящая Ахиллесова пята. Возможно, что неприятель, действительно, обратит на нее сугубое внимание.

Санаэрожабль, увеличив ход, направился к Луне, серебристым диском висевшей на черном фоне.

Для находившихся внутри сигары получалось впечатление полной

неподвижности, и только измеритель скорости отмечал на светящемся циферблате, что закон инерции преодолевается успешно и скорость движения машины увеличивается прогрессивно.

Вокруг стоял абсолютный мрак, как будто все окружающее было задернуто густым черным покрывалом, изрешеченным тысячами крошечных, спокойных, немигающих отверстий. Человек, незнакомый с обстановкой, даже при самой пылкой фантазии, не мог бы себе представить, что эти пулевые отверстия — звезды, — такие живые, ласково манящие с Земли и такие жалкие, ничтожные отсюда.

Диск Луны заметно рос и увеличивался по мере движения вперед. Позади за кормой корабля, заполнив собою едва ли не четверть горизонта, плыл другой бледно-туманный диск. Он быстро уменьшался в объеме и по мере уменьшения один его край вырисовывался яснее.

Скоро настал момент, когда оба диска сравнялись в величине, и в то время, как впереди лежащий, неудержимо ширясь и все ослепительнее сверкая, как бы падал вниз, — лежащий позади, тускнея, поднимался к зениту.

Роне Оро-Бер и Гени Оро-Моск сидели в покойных креслах, погруженные каждый в свои думы.

Навстречу им плыло, неудержимо разбухая, круглое, слегка сплющенное тело, неравномерно освещенное, с изодранными краями, все испещренное яркими воронкообразными арабесками, — как будто густо усыпанное гвоздями с огромными блестящими, но помятыми шляпками.

Скоро это тело заслонило весь горизонт и как-то незаметно наступил момент, когда слабо ощутилось падение машины вниз.

Проверив могучую заградительно-сторожевую линию судов, начальник флота отдал по хаосографу последние распоряжения.

— Момент, когда наш молчаливый Спутник находится между Землей и Марсом. Хотя и ненадежный, а все же — шит, — заметил ученый.

Гени взглянул на светящийся хронометр.

— Абсолютное время показывает 23 ч. 50 м. Через десять минут должно начаться наше наступление.

— Наше присутствие здесь необходимо? — спросил Роне.

— Нисколько. Я отдал все нужные распоряжения, — ответил начальник флота.

— Тогда — вперед!

Машина, на подобие юркого спутника, понеслась, огибая планету.

Светлые арабески на Луне танцевали бешеный танец, переливаясь как в калейдоскопе и постепенно угасая. Скоро на месте диска осталось слабо светящееся матовое пятно неправильной, расплывчатой формы.

— Обратная сторона медали! — сказал шутливо ученый.

— Да. Вечные снега, которые с момента своего образования не видели ни одного солнечного луча, — отозвался Гени.

Старик рассмеялся:

— Мне пришла в голову забавная мысль, мой друг. Что, если бы поэты древности, исписавшие томы о красоте царицы ночей — Луны, могли увидеть свою возлюбленную в таком ночном неглиже, так сказать, как вы полагаете, это не остудило бы их пылких чувств?

Гени засмеялся в свою очередь.

— Ваша мысль, учитель, подтверждает лишний раз старую философскую истину, что в мире — «все относительно».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ПОХОРОНЫ В БЕЗВОЗДУШНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

— 500.000 километров от Земли, — сказал Гени Оро-Моск, следя за измерителем пространства.

— А, наша заградительная линия! — отозвался ученый, выходя из задумчивости.

— Проверим расположение истребителей!..

Начальник флота перешел в соседнее отделение, ученый последовал за ним.

Там, занимая собою целую стену, слабо светился жемчужный экран, в центре которого плыли два сферические тела неравной величины.

Гени и Оро-Бер поместились у аппарата перед экраном и надели на глаза специальные окуляры.

Тела отодвинулись в глубь, выросли и стали отчетливее. Теперь каждый без труда узнал бы в них Землю с ее спутником. Вокруг планет, на равном друг от друга расстоянии, пестрела целая гирлянда точек.

— Все на месте! — с удовлетворением констатировал начальник флота. Теперь взглянем, что делается у неприятеля.

Поворот рычага — картина исчезла. На месте ее появилась новая. Ярko сверкнула замысловато разграфленная планета, с близко плывущими около нее двумя крошечными спутниками.

На стороне Марса, обращенной к Земле, был день. Увеличив систему до желаемой величины и яркости, наблюдатели увидели картину сильного оживления, царившего в стане неприятеля. Там и здесь, бросая скольльзящие тени на поверхность планеты, проносились, как бы легкие тучки: это эскадрильи воздушных кораблей проделывали свои, быть может, последние эволюции.

— Малютки пока защищены слабо, — обратил ученый внимание Гени на спутников Марса.

— Да, момент благоприятный. Через два часа один из них спрячется за спину матери и будет для нас недосыгаем, — пошутил Гени. — Не будем медлить, учитель? — добавил он полувопросом.

— Во славу Федерации! — ответил старик.

— Да будет! Во славу Федерации!

Гени переключил картину. Снова показалась лунно-земная система в ореоле точек.

Начальник флота по хаосографу отдал распоряжение начать передвижение:

«Всем участвующим в атаке! Движение вперед на 35 миллионов километров! Скорость — 100.000 килом. в секунду. По выполнении задания остановка до новых распоряжений. Марш!»

Миллионы точек на экране, черкнув по светлому фону, в мгновение ока исчезли из поля зрения. На месте осталась лишь поредевшая цепь передовой линии.

Убедившись в выполнении распоряжения, начальник флота восстановил на экране картину Марса и отдал приказание в машинное отделение:

Скорость 100.000 кил. в секунду. Вперед!

Наступило недолгое молчание.

— Великая эпопея начинается! — не без торжественности проговорил Гени.

— Эпопея ли, дитя мое? Скорее — эпизод. Эпизод, и притом довольно непродолжительный. Через 6 минут мы будем на полпути между Землей и Марсом. А еще через шесть — многое может измениться в обстановке на-

шего крошечного муравейника... Однако, взгляните на экран!.. Неприятель, несомненно, заметил наше движение, — неожиданно закончил ученый.

Действительно, от ярко освещенной поверхности Марса протянулись по всем направлениям темные линии, расходящиеся радиусами.

— Да, неприятель строится в боевой порядок, — подтвердил Гени. — Посмотрите, какие силы направляются к обоим спутникам!..

Картина на экране начала бледнеть и заволакиваться сероватым туманом.

— Ого! Это что-то новое? — с интересом воскликнул Роне.

— Они выбросили искусственные пары, — слегка заволновался Гени.

— «Замутили воду», — так сказать. — Прием, к которому в животном мире прибегают многие особи. Однако в таком колоссальном масштабе этот прием применяется, несомненно, впервые. Это делает честь изобретательности неприятеля! — почти с восторгом закончил ученый.

— Пары все сгущаются!..

Роне Оро-Бер задумался и даже потер свой высокий лоб.

— Какое это может иметь практическое значение? — размышлял он.

— 33 мил. километров... 34... — считал Гени. — Через десять секунд мы будем на месте.

— А! Понимаю! — вскрикнул ученый. — Иррадиация! Они рассчитывают, что мы не в состоянии будем метко нащупывать мишени! Посмотрим! Жалкая уловка аиста!

— 35 мил. километров. Стоп! — скомандовал начальник флота в машину.

— Уже? Неужели пролетело шесть минут? Однако, как быстро течет человеческая жизнь, даже в междупланетном пространстве, — добродушно ворчал старик, снова входя в свою роль спокойного наблюдателя.

Оро-Моск проверил, точно ли выполнено задание.

— Превосходно! — констатировал он. — Дорогой учитель, мы на месте.

— Да, это заметно и по окружающему. Я уже «задернул шторы». Смотрите, как сверкает наша машина... Это указывает на то, что нас догнали самые ленивые из солнечных лучей, так как мы давно уже вышли из тени, отбрасываемой Землей. А вот и старый наш знакомец — Солнце. Как же ты устал, утомился старина, побледнел и съежился!..

Гени оглянулся назад. На черном фоне бездны висел бледно-красный диск, величиной с десертную тарелку. Недалеко от солнца, на черном пологие, слабо светились два отверстия — одно с орех, другое с горошину, почти сливаясь одно с другим.

— А вот и наша нора, — не унимался ученый. — Смотрите, какая она жалкая и неудобная. Право, у меня пропадает всякое желание вернуться во-сво-сяси.

— Учитель, вы в хорошем настроении духа, — улыбнулся Гени.

— Не вижу причин унывать! Однако, этот час — час сюрпризов. Взгляните, что это за хаос там, впереди? Уж не заблудились ли мы в двух соснах, дорогое мое дитя?

Гени с любопытством взглянул по направлению, указанному ученым. На них надвигалась какая-то хаотическая бозформенная масса, местами ярко освещенная.

— Уж не неприятель ли опередил нас, выслав для нашей встречи свои корабли? — продолжал Роне.

— Это что-то не похоже на космические мелкие тела, которые здесь в изобилии, — сказал Гени.

— И которые для нас не опасны, в виду известного вам свойства наших кораблей отталкивать от себя встречные тела, — пояснил ученый.

Гени навел на странное явление небольшой рефрактор.

— Учитель! — с грустью воскликнул он. — Я с благоговением склоняю колени...

— Что с вами, друг мой?

— Блуждающие жертвы прошлой великой войны. Обломки наших и неприятельских кораблей. А вот и те, которые были когда-то людьми...

— Это любопытно, — живо отозвался ученый. Быть может, я увижу среди них своих бывших друзей, обреченных блуждать в пространстве.

Перед неподвижным кораблем неторопливо проплывали нагромождения из обломков машин давно устаревших, музейных конструкций, какие-то искореженные цилиндры, сплюснутые человеческие тела, такие странные, плоские, похожие на вырезанных из папки игрушечных солдатиков.

Ученый снял свою шапочку.

— Мир вам, наши ушедшие братья! А что, сын мой, не устроить ли им приличные похороны? Пятьдесят лет блуждания в просторах вселенной, разумеется, не так много. Но если представить всю колоссальность предстоящего им впереди плавания, все по одному и тому же надоевшему пути, — можно и пожалеть несчастных.

— Вы правы учитель. Я сейчас...

— Постойте, сын мой. Уступите мне эту честь. Кстати, я попробую лишний раз свое новое изобретение.

Роне Оро-Бер подошел к новой установке в передней каюте и произвел какое-то несложное действие.

Через секунду по всей линии бесконечной вереницы обломков за клубились легкие дымки и новые образования первичной космической материи в торопливом беге исчезли из поля зрения.

— Вот вам и новая загадочная туманность в мировом просторе!.. — с тихой улыбкой сказал Роне.

— Это изумительно! — воскликнул Гени.

— Главное — просто и без лишних затрат. Ну, а теперь, дитя мое, продолжайте дальше делать то, что вы находите нужным.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

КАТАСТРОФА.

После непродолжительного совещания с начальником технических сил, Гени Оро-Моск отдал распоряжение по всей линии начать атаку.

Отдельные бесчисленные флотилии, с быстротой, на много превосходящей быстроту самых стремительных обитателей пространства, ринулись на перерез орбиты Марса, с целью прорваться к широкому потоку планетонид и зайти, так сказать, в тыл неприятелю.

Легкие эскадрильи рассыпались по всему колоссальному кругу астероидного потока.

Главные неприятельские силы также далеко выдвинулись вперед. Расстояние между сторонами не превышало 5 миллионов километров.

Теперь на экране перед начальником флота обозначились уже две сплошные линии точек, как будто проведенные пунктиром. По обеим этим линиям, с быстротой молнии, непрерывно вспыхивали розоватые дымки и лопались, как дождевые пузыри. Количество этих дымков было так велико, что обе линии, казалось, находились в безостановочном кипении.

Стояла невозмутимая, могильная тишина.

Борьба продолжалась уже около двух часов. Экран переливался вспышками, как гранулирующее небесное тело. Точки-корабли таяли, но на их место откуда-то из-за края экрана мгновенно появлялись новые.

Два человека с сосредоточенным вниманием наблюдали за этой феерической борьбой двух культур.

В то же время Гени ни на секунду не забывал своей колоссальной ответственности командующего этими силами небесной бездны, непрерывно отдавая приказания и играя на кнопках аппаратов, как на клавишах.

— Вы не находите, что численное превосходство неприятеля больше, чем мы предполагали? — спросил наконец Роне.

— Может быть, — отвечал начальник флота. — Но несомненно и то, что превосходство потерь также на его стороне.

— Согласен с вами, — кивнул головой ученый. — Разумеется, этим мы обязаны вашему искусному стратегическому приему, так как наши суда, находясь в непрерывном движении по всем трем измерениям, представляют собою весьма призрачные мишени. Я бы сравнил это движение с толчением мошкары в воздухе...

Гени улыбнулся.

— Настало время перенести центр внимания в другое место, — сказал начальник флота, убедившись в устойчивости положения на главном фронте.

После короткого обмена мнений было решено сосредоточить все свое внимание на атаке Фобоса, с помощью резервных флотилий. Другой спутник Марса к этому времени был покрыт планетой.

После четвертьчасового накаливания планетки всевозможными лучами истребления, без всякого заметного успеха, было отдано распоряжение пустить в ход новое изобретение Роне Оро-Бера. Маневр дал блестящие результаты.

Через несколько минут Фобос за клубился розовым паром, а еще через несколько — вспыхнул яркой огненной точкой.

— Учитель, мы одержали блестящую победу! — торжествовал Гени.

— Поздравляю вас, дитя, с успехом! — скромно отозвался ученый.

— Не меня, не меня, а только вас! Ваш гений сотворил это чудо!

— Чудо?

— Да, да, чудо! Даже с точки зрения современной техники!

— Какое отжившее понятие. Всякие чудеса давно сданы в архив старика Хроноса, — по обыкновению отшучивался ученый.

При проверке положения на Земле бросилось в глаза одно странное обстоятельство. Спутник Земли, обычно тусклый и незаметный, на этот раз казался ярче и больше обыкновенного. Край серпа, освещенный солнцем, ярко сверкал на черном фоне неба.

— Посмотрите, дитя, что такое творится с Луной? Она как будто пробуждается от своей спячки, — с любопытством сказал ученый.

Гени бросился к рефрактору.

— Учитель! На Луне кипит новая жизнь! Клубы какой-то очень прозрачной материи местами заволакивают ее ясный, блестящий лик!

— Покажите, это любопытно...

Ученый занял место у рефрактора.

— Это довольно странно... — сказал он. — Гм... Понимаю!.. На нашем спутнике появилась атмосфера. Сомнений нет!.. Это результат таяния вечных льдов. Неприятель нагревает ее поверхность какими-то лучами чрезвычайной большой силы.

— Но тогда наши поселения там погибли! — вскрикнул Гени.

— Подобный вывод может оказаться преждевременным, — спокойно сказал ученый. — Во всяком случае, считайте это, как реванш за уничтожение Фобоса.

— Тогда я знаю, что делать!

В пространство неслись новые распоряжения главнокомандующего.

Части, проникшие за орбиту Марса, должны были немедленно атаковать второго его спутника — Деймоса.

Другие силы были брошены на важнейшие стратегические пункты марсиан на планетоидах.

Наконец, все запасные, свежие силы получили приказ штурмовать самого Марса.

Заградительная линия вокруг Земли, сильно поредевшая, должна была проявить максимум энергии, охраняя свою метрополию и отражая с помощью своих противодействующих средств губительные потоки смертоносных лучей марсиан.

Небывалая война миров в короткий срок достигла апогея ожесточенности.

Догорал Фобос, превращаясь в первичный хаос. Пылал Деймос, подожженный с противоположной стороны. Десятками гибли от губительного огня и столкновений друг с другом колонии-астероиды как одной, так и другой стороны.

Луна уже в течение нескольких часов выдерживала беспримерной силы потоки огненных лучей, растопивших ее ледяной покров и одевших ее густой атмосферой, в которой бушевали страшные электрические грозы.

Во многих пунктах Земли и Марса кипел ад... Атмосфера обеих планет была раскалена до чрезвычайности. Титанические постройки лежали в развалинах... Живые существа закапывались глубоко в каменные недра.

Линии сосредоточения главных сил, казалось, кипели в гигантском котле, грозя поглотить друг друга без остатка.

Прошло двенадцать часов.

Гени Оро-Моск, как гений бездны, как архистратиг невидимых сил, с сверкающими глазами и пылающим лицом, ни на секунду не отходя от аппаратов, отдавал приказания одно другому сложнее, одно другого разрушительнее.

Приемники беспрерывно записывали донесения командующих частями, как с Земли, так и из всех пунктов боевого пространства.

Наиболее важные из них Роне Оро-Бер спокойно прочитывал вслух, в результате чего неслись новые приказы по всему колоссальному фронту.

— Столица Марса — Марогенос — перестала существовать... От 40 до 50 планетоид обращены в пар... До двухсот миллионов неприятельских судов нужно считать уничтоженными... Наших меньше... Во вражеском стане паника... — коротко бросал ученый.

В ответ на эти сообщения новые распоряжения летели в пространство.

— Эти жалкие планетки валяются, как кегли от удара сильной руки! Эти кегли мироздания! — подшучивал знаменитый ученый над планетоидами.

Сильный толчок извне заставил обоих потерять равновесие и опуститься на пол.

— Что это значит? — вырвалось у Гени.

— Как это могло случиться? — недоумевал ученый.

Гени быстро вскочил и бросился в носовую каюту. Через момент он появился бледный, но спокойный, придерживаясь за косяк двери.

— Мне пришла одна идея... — начал ученый.

— Поздно... Машина отказывается повиноваться.

— А!.. Тогда, действительно, — поздно!

Ученый с трудом приподнялся с пола и грустно улыбнулся:

— Возможно, что мы застряли здесь надолго.

— Да, если ничто не подоспеет на выручку.

Прозрачные стенки санаэрожабля начинали светиться нестерпимым блеском, от которого резало глаза.

— Они нащупали нас, сын мой... Какие-то неизвестные лучи парализовали нашу волю... Вам не душно, дитя?..

— Я положительно задыхаюсь!.. — с трудом проговорил Гени. — Неужели — конец?! Необходимо передать верховное командование!..

Он с усилием дотащился до аппарата.

— Да... Если и аппараты не перестали действовать... — с шумом переводя дыхание, сказал ученый.

— О, проклятье! — закричал Гени. — Вы правы!.. Мы попались в мышеловку! Эта негодная машина, минуту назад такая подвижная, неуязвимая, стала нашим воздушным гробом!..

— Славно они нас поджаривают!.. Я теряю силы!.. — Ученый, сидя в кресле, задыхался от недостатка воздуха.

— Дыхательный газ улетучивается... Машины перестали его вырабатывать... Проклятие!.. Мы должны напрочь последние силы... сделать героическое усилие... во что бы то ни стало выйти... из потока этих убийственных лучей...

Гени, сделав страшное усилие воли, скрылся в машинном отделении. Прошло несколько напряженных, убийственных секунд.

Ученый чувствовал, что теряет сознание.

Гени ошупью появился в дверях и медленно начал опускаться на пол.

— Все кончено!.. капитан... и техники... потеряли сознание!..

Старый ученый сделал попытку приподняться, но силы изменили ему.

Он откинул голову назад, широко раскрытым ртом глотнул отравленный воздух и тихо проговорил:

— Вечное Молчание!... Вечное Молчание!..

Гени лежал без дыхания...

Николай Муланов.

Из записок доктора Ватсона.

Рассказ В. С.

Иллюстрации И. Владимирова.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Помещаемый ниже рассказ заслуживает особого внимания. И прежде всего — по теме. Юбилей Шерлока Холмса, завершающий его многопрославленную деятельность... Какая благодарная канва! В живом, все время нарастающем действии, в сменяющихся непрерывно картинах, чуткий читатель не может не уловить филигранно-тонкую, художественную проию над произведениями, которые еще недавно, к сожалению, составляли излюбленное чтение наших юношей, — да и одних ли только юношей?..

Чрезвычайная динамичность повествования может служить образцом современных литературных достижений. По великому завету Тютчева, здесь тесно словам и мыслям просторно. В этом нет ничего удивительного.

Автор рассказа — один из самых популярных наших профессоров, заслуженный исследователь русской словесности, написавший ряд научных и литературных трудов. Имя его известно всей грамотной России. Но мы должны подчиниться воле автора, пожелавшего подписать свою прелестную вещь, родившуюся в редкие часы досуга, — только инициалами.

1.

К серии рассказов об удивительных похождениях моего гениального друга я считаю необходимым прибавить рассказ о странных приключениях его, связанных с торжественным днем его юбилея.

Сегодня, 20-го Января 1891 г., исполнилось двадцать пять лет его научно-детективной деятельности. Сегодня в честь его готовились в Лондоне торжества: здание главного бюро лондонской сыскной полиции было украшено снаружи и внутри зеленью и национальными флагами. Над главным входом был укреплен огромный лавровый венок с инициалами моего друга, с римской цифрой XXV. Вечером этот

веночек должен был быть иллюминирован разноцветными электрическими лампочками. В зале должен был быть сервирован ужин. Предполагались тосты, чтение телеграмм. Весь церемониал торжества был разработан совместно с Холмсом. Без его одобрения не решались устроить торжество, т. к. знали особенности его характера и опасались, что он совсем отвергнет всякие чествования. Шерлок Холмс значительно сократил церемониал, постарался придать ему более интимный характер. Он не любил публичных торжеств, не любил больших собраний и обедов, когда юбиляру приходится выслушивать немало напыщенных речей, в которых, обычно, нет искренности. На все эти речи приходится отве-

ПРЕЗИДИУМ ЛОНДОНСКОГО КЛУБА ВОРОВ.

Председатель
«Стальной Лом».

Товарищ преде.
«Пистолет».

Секретарь
«Смокинг».

Члены Президиума:
«Воробей». «Отмычка».

чать такими же речами. Это было не по душе Холмсу, — вот почему он и постарался сделать свой праздник более скромным. Отказаться от праздника Холмс не пожелал, т. к. заслуги свои перед человечеством признавал и всегда говорил, что такие праздники имеют воспитательное значение для граждан, приучая их ценить заслуги великих общественных деятелей.

Итак, сегодня, в 10 часов вечера, депутация из самых видных чиновников главного королевского детектив-бюро должна была заехать за ним на автомобилях, украшенных флагами и цветами и свезти его в главное полицейское управление. Там он должен был выслушать несколько речей и полученные со всех концов мира поздравительные телеграммы. Обещал приехать сам министр полиции. Говорили, что Шерлок Холмс получит подарок от короля.

Накануне я довольно долго засиделся у Холмса, и мы весь вечер говорили о предстоящем торжестве. Не скрою того, что друг мой, великий Холмс, был несколько взволнован, курил сигару за сигарой и говорил гораздо больше обыкновенного.

«Да, милый Ватсон — говорил он — 25 лет сосредоточенной, упорной работы все в одном направлении, работы не только практической, но и научной, теоретической — это, должен сознаться, при всей моей скромности, дело большое»...

Я, конечно, не мог не согласиться с ним... И мы дружески беседовали с ним, перебирая в памяти различные

приключения, в которых нам приходилось принимать участие вдвоем.

Я забыл сказать, что хотя чествовали собственно Холмса, но не забыли и меня: я был тоже приглашен на ужин и должен был выехать вместе с ним.

Признаюсь, я волновался с самого утра, и если бы не жена, я наверно опоздал бы. В 9 часов я был готов. На мне был фрак, украшенный докторским значком. Я торопливо натянул пальто, попрощался с женой и поспешно вышел из дома.

2.

На входных дверях снаружи я увидел письмо на мое имя. Оно было приколото кнопкой.

Я торопливо вскрыл письмо и не мог не воскликнуть от изумления: в письме было поздравление от... лондонских воров и грабителей! В изысканно вежливой форме поздравляли меня, как неизменного спутника Холмса и историографа его подвигов, выражалось пожелание многих лет «совместной работы». Письмо было подписано председателем «главного лондонского клуба воров» — известным грабителем Джоном Джемсоном, по прозвищу «Стальной Лом». Его подпись была скреплена секретарем Вильямсом Пэджем, по прозвищу: «Не зевай». Далее следовали подписи около 30 членов клуба, которые добросовестно выписали свои имена и прозвища — «Пистолет», «Буравчик», «Лакетка», «Воробей», «Тюльпан», «Чортик», «Выгребай», «Маркиз», «Дан-

тист», «Экспресс» и мн. др. В письме лежала свежая фиалка, которую воры рекомендовали мне одеть в петлицу фрака.

Признаюсь, это письмо меня встревожило. Я почувствовал в этой проделке что-то угрожающее не мне, конечно, а другу моему Холмсу. Я вернулся домой, бросился к телефону, дал номер Холмса. Из телефонного бюро мне ответили, что № 1667091 «не действует». Смутная тревога, мною овладевшая, превратилась в твердое убеждение, что Холмсу что-то угрожает. Жена, увидев мое расстроенное лицо, кинулась ко мне с расспросами: «Что случилось? Почему ты вернулся?»

Я вкратце рассказал ей о своих опасениях, показал письмо. Она побледнела, но, сохраняя присутствие духа, сказала дрожащим голосом: «Спеши к Холмсу!.. Ты ему нужен и господь храни вас обоих!... Возьми револьвер!».

Я хотел, было, звонить в главное сыскное бюро, но не решился этого сделать, не узнав, в чем дело. Холмс, с его самолюбием, не простил бы мне фальшивой тревоги, которая могла его поставить в смешное положение.

Едва я выбежал из подъезда, как со мной столкнулся какой-то джентльмен, прекрасно одетый. Это столкновение было так неожиданно, что у меня с головы слетел цилиндр. Едва я успел сообразить, в чем дело, как подбежал какой-то мальчишка, схватил мой цилиндр и исчез — словно в воду канул. Я посмотрел на господина, который

стоял растерянный, тоже с обнаженной головой.

«У меня украли шляпу» — пробормотал он. «И у вас тоже?» — учтиво осведомился он.

«Побежим догонять воров» — сказал он. Я видел, как мальчишка с вашим цилиндром побежал туда» — и он махнул рукой в переулок, начинавшийся у моего дома. «А мою шляпу утащил вон тот оборванец... Я его догоню. Честь имею...» —

И джентльмен понесся в сторону, противоположную той, куда убежал мой цилиндр.

Я сразу понял, что джентльмен — участник проделки с моим цилиндром. Но мне некогда было заниматься такими пустяками — надо было спешить к Холмсу.

«Возвращаться домой за шляпой, или ехать так?» — подумал я, стоя у подъезда. После краткого колебания я решил ехать без шляпы.

Едва я сделал несколько шагов, как ко мне подкатил кэб и кэбмэн любезно предложил везти меня. Я занес уже ногу на подножку экипажа, но сразу отдернул ее — я понял, что экипаж был подослан преступниками. Я поспешно отскочил от кэба и побежал к трамваю. Кэбмэн свирепо плюнул в мою сторону, хлестнул лошадь и быстро скрылся.

Едва я добежал до трамвая, который только-что подошел, как около площадки оказалась толпа каких-то джентльменов, которые все зараз упорно лезли в вагон. Произошла давка, и какой-то верзила подставил мне ножку, и я растянулся на мостовой. Не успел я подняться, как с меня сдернули левый ботинок и вдруг толпа рассеялась.

3.

«Что делать? ехать к Холмсу без шляпы и ботинка? Это было и смешно, и рискованно. Стоял Январь... Возвращаться домой? Но, ведь, этого, повидимому, и хотели преступники. Я решил ехать во что бы то ни стало. У Холмса были и цилиндры, и ботинки, и костюмы. У него переоденусь» —

...не успев я подняться, как с меня сдернули левый ботинок...

решил я и влез в трамвай. Я уселся, поджав под себя разутую ногу, а голову обернул шарфом.

Пассажиры вытаращили на меня глаза и стали перешептываться. Я стал пытливо всматриваться в их лица. Я чувствовал, что среди них есть мои враги. Но кто? И сколько их?

Какая-то толстая женщина вдруг встала и, желая выйти из вагона, пошла к выходу. По дороге она тяжелым сапогом наступила на мою единственную ногу. Я зашипел от боли, но мужественно выдержал адскую боль: я понял, что меня вызывали на скандал, на полицейский протокол... Хорошенькая девочка, лет девяти, сидевшая против меня с мамашей, долго порывалась что-то сказать мне, наконец, не выдержала и спросила:

«Сэр! а где у вас вторая нога?».

Я промолчал. Холмс научил меня хладнокровию и выдержке. Кондуктор подошел ко мне и предложил взять билет. Я опустил руку в карман. Кошелек не оказался. Вместо кошелька я вытащил изящную карточку с надписью: «Доктор Ватсон — осел». Часов, моих любимых часов, золотых часов, которые так долго служили мне, тоже не оказалось!

Я не мог удержаться от проклятия. Приходилось выходить из трамвая. Франт, сидевший против меня, неприлично заржал. Я невольно сжал кулаки: самообладание покидало меня!

«У меня украли деньги» — сказал я кондуктору.

— «Это случается очень часто», не без иронии протянул кондуктор. «Тем не менее вам придется выйти из вагона».

Вдруг хорошенькая девочка, сидевшая против меня, конфузливо протянула мне деньги и сказала:

«Сэр! Мне жалко, что вы на одной ноге и без шляпы. Позвольте вам помочь!».

Я мысленно благословил маленькую спасительницу и, взяв у нее деньги, хотел ей дать мою визитную карточку. Совсем забыв, что было написано на той карточке, что в карман подсунили воры, я протянул ей карточку с надписью: «Доктор Ватсон — осел».

Девочка прочла. Недоумение выразилось на ее личике и вдруг она, прижавшись к матери, воскликнула: «Он... Он — сумасшедший. Мама!.. боюсь».

Франт сорвался с места и кинулся к кондуктору, с требованием немедленно остановить трамвай и высадить меня. Кондуктор подошел и стал внимательно смотреть на меня. Смотрел долго, потом вдруг спросил:

«Вам нездоровится, сэр?».

— «Нет, сэр» — ответил я, напрягая все силы, чтобы сохранить хладнокровие. «Я совершенно здоров, чего и вам желаю».

«У вас голова в порядке?» — вежливо осведомился кондуктор.

— «В совершеннейшем» —

Кондуктор с недоумением покачал головой и обратился к пассажирам с вопросом, мешаю ли я им, или нет. В вагоне поднялись споры: одни кричали, что я мешаю, что сумасшествие заразительно, что они требуют моего удаления. Другие заступались за меня и уверяли, что я заслуживаю только сожаления. Некоторые, однако, выскочили на площадку и следили за мной оттуда, ожидая, когда я начну безумствовать. Выскочила и моя маленькая спасительница с матерью.

Кондуктор не знал, что ему делать. Франт горячился, рассказывая, что я сбежал из дома сумасшедших, что меня ищут по Лондону... Я был спокоен,

Сэр!.. а где у вас вторая нога?..

...В углу на стуле сидела какая-то странная фигура...

как уличный фонарь, и ни на какие провокации не поддавался. В вагон явился контролер. Кондуктор начал ему что-то с жаром объяснять, показывая на меня пальцем. Контролер угрюмо посмотрел на меня, потом медленно стал приближаться. Остановился от меня шагах в четырех и, не подходя далее, сказал:

«Эй вы! Как вас там?».

Я спокойно назвал свою фамилию. Франт сорвался с места и закричал:

«Он — самозванец! Он назвал именем одного из самых почтенных лондонских врачей! Я д-ра Ватсона прекрасно знаю... Я лечусь у него».

Контролер посмотрел на него, посмотрел на меня, потом опять заговорил, обращаясь ко мне:

«Вы что же врете? Какой же вы Ватсон?»

— А вам какое дело, кто я? — вдруг, теряя терпение, закричал я. Ведь у других пассажиров вы не спрашиваете их имен?!

Контролер опешил, тупо посмотрел на кондуктора и потом промямлил:

«Вы бы лучше вышли из вагона!»

— Почему это?

«Публика требует!»

Тут в вагоне опять начались споры: одни заступались за меня, — другие настаивали на моем удалении... Но мне было уже все равно: мы подъезжали к дому Холмса. Я встал вдруг на обе ноги и стремглав кинулся к выходу... Несколько человек устремилось за мной. Теперь я видел своих врагов.

4.

Выйдя из трамвая, я устремился к дому Холмса. К удивлению моему, около дома стояла толпа и дико хохотала, читая какое-то объявление. Я подбежал, втиснулся в толпу, совсем забыв, что я без шляпы и без ботинка. Я впился в афишу... Это был огромный плакат с карриатурами на Холмса. Тут же было витиеватое поздравление... от лондонских воров... Меня оттиснули в толпе. Какой-то усач давил меня плечом, какой-то оборванец отчаянно давил мне живот... Я понял, что все это не просто и стал выбираться из толпы. Это было адски трудно: минут пять пришлось поработать локтями, выслушать кучу ругательств, подвергнуться тычкам и вдруг... вдруг оказалось просторно — толпа расступилась, и мне был предоставлен выход... Но, боже мой, в каком я был виде! Пользуясь давкой, негодяи обрезали полы моего нового пальто, причем обрезали и фалды моего фрака. Я оказался в какой-то детской курточке... Что было делать? Бежать к полисмену и требовать снятия плаката, позорящего моего друга? Но я был в таком виде, что уж тут-то, наверно, меня прямо отвезли бы в дом сумасшедших. Я бросился к подъезду, сопровождаемый диким хохотом негодяев... Я стремглав понесся по лестнице, прыгая через две ступеньки. У двери Холмса я перевел дух и дал резкий звонок. Никакого ответа!.. Я стал колотить кулаками в дверь... Ни звука! Мне стало страшно!.. Ужасные мысли зашевелили мои волосы. Сердце останавливалось...

Я возобновил стуки. Вдруг одна из дверей на лестнице тихонько приотворилась и чей-то нос тревожно выглянул из-за двери. Я бросился к этим две-

рям... Но дверь моментально захлопнулась. За дверью раздался возглас ужаса и дверь стали запирать на ключ, на цепочку, на какие то крючки и затворы. Повидимому, я был действительно страшен, со своим перекошенным лицом, без шапки, без сапога, в какой то детской курточке.

Я терялся. Я не знал, что делать!.. Спуститься вниз?.. Позвать полицию? Но я был в таком виде! Да к тому же я не хотел вмешивать полицию. В такой торжественный день и вдруг полиция спасает того Холмса, который на тысячу голов выше полиции всего мира! Я стал осматривать дверь и вдруг увидел, что она заколочена снаружи несколькими крупными гвоздями. Их можно было выдернуть. Но чем? Я стоял и беспомощно озирался вокруг себя. Вдруг внимание мое было привлечено каким-то мешком, который лежал на площадке лестницы. На мешке была записка. Я схватил ее и с изумлением прочитал: «Доктору Ватсону». Текст записки был следующий: «Многоуважаемый доктор! Предвидя затруднения, которые вы, вероятно, испытаете, если пожелаете проникнуть к уважаемому юбиляру — мы великодушно предоставляем вам необходимые инструменты. Передайте наше искреннее поздравление маэстро. Мы были у него сегодня, но, к сожалению, некоторые обстоятельства помешали нам лично поздравить его и пожать его честную руку». Следовали подписи — те же, что и в записке, полученной мною сегодня утром.

Я принялся за дело. Медлить было невозможно. Надо было поспеть все уладить до приезда депутации. Я работал так, что моментально стер себе руки до крови. Но я не обращал внимания. выворачивал гвоздь за гвоздем. Наконец, дверь открылась. Но боже мой! Что это?.. Вся прихожая была перевернута вверх дном. Огромный шкаф был придвинут к дверям кабинета Холмса. Дверцы шкапа были открыты настеж. Он был пуст. В углу на стуле сидела какая-то странная фигура в белых панталонах. Головы не было видно, рук тоже. Фигура не двигалась. Я выхватил револьвер и, протянув его

перед собой, медленно стал подходить. Вдруг мне показалось, что белые штаны стали дрыгать. Я невольно отскочил. Послышалось какое-то мычание. Я постоял. Потом решительно подошел к мычащей фигуре и увидел, что передо мной женщина, юбка которой была поднята на голову и завязана выше головы веревкой. Я быстро развязал веревку, обдернул юбку и увидел почтенную Алису Кембридж, экономку Холмса, полумертвую от ужаса с завязанным ртом и руками... Я освободил почтенную даму... Она, повидимому, узнала меня, но, не говоря ни слова, немедленно ударилась в истерику. Боже мой! я, доктор, такой истерики никогда не наблюдал в своей практике! Лекарств у меня под рукой не было — приходилось действовать внушением. Я рывкнул на нее со всей яростью, какую только мог проявить, крепко тряхнул ее, даже, признаться, слегка треснул ее по шее. И она успокоилась.

Всхлипывая и дрожа всем телом, она стала рассказывать мне, что в шесть часов она услышала звонок, открыла дверь — и немедленно ей в нос бросили какого-то порошку, от которого она сейчас же лишилась сознания. Больше она ничего не помнила.

Увидев беспорядок в прихожей, пустой шкаф, переменивший свое обычное место, она всплеснула руками и хлопнулась в обморок на пол... Я решил не обращать на нее внимания и кинулся к шкафу. Хотел его отодвинуть. Но сил моих не хватило... Я вошел в шкаф и стал через заднюю стенку кричать: «Холмс! Холмс! Отзовись!». И вдруг, к великой радости моей, до меня донесся голос моего друга из кабинета: «Ватсон?.. Это вы?».

Голос Холмса заметно дрожал.

«Я! Я!» — радостно орал я... «Как вы? здоровы?»

— Здоров. Но только выйти не могу... Дверь не поддается... А телефон не действует. Я — в заключении. Пожалуйста, помогите мне выбраться!

Я сбросил с себя свою курточку, — остатки фрака, жилет, засучил рукава и навалился на шкаф. Но это мону-ментальное строение из тяжелого рез-

ного дуба не поддавалось... Я чувствовал, как жилы напряглись у меня на лбу, кровь прилила к голове. Шкаф только вздрагивал, но с места не двигался. Я бросился к экономке, все еще лежавшей на полу, стал трясти ее, тер ей уши, дул ей в нос. Я кричал на нее, я ей грозил. Наконец, она открыла глаза. «Идите скорее к соседу... напротив» — стал я торопливо говорить ей. Только не делайте тревоги!.. Бога ради не спускайтесь вниз!.. Скорее!.. Скорее!.. Попросите придти сейчас же»...

Старуха поплелась, трусливо озираясь по сторонам. У выходной двери она остановилась и залопотала:

«Я боюсь! Я не пойду!»

Но я так посмотрел на нее, что она моментально юркнула из двери на площадку. И через две — три минуты явился сосед Холмса. Увидев меня, он шарахнулся было в сторону, но я успел его удержать и вкратце рассказал, в чем дело.

Вдвоем мы налегли на шкаф, и он поддался. Образовался проход в кабинет. Холмс уже стоял у дверей. Секунда — и он вышел в прихожую. Вышел в халате, спокойный, хотя и бледный, с неизменной трубкой в крепко стиснутых зубах.

«Глупая проделка!» — пропустил он сквозь зубы, и в стальных холодных глазах его загорелись искры гнева.

«Необходимо все привести в порядок» — сказал он холодно.

Общими усилиями мы передвинули шкаф на старое место. Закрыли дверцы. Сосед ушел домой. Холмс просил его держать все в секрете.

5.

Я вошел в кабинет. Холмс уселся в кресло и еще раз сказал:

«Глупая проделка!»

— Но, дорогой Холмс! что же нам делать? Сейчас явится депутация, а вы в халате! Ведь, весь ваш гардероб раскраден!

Холмс затаился и, выпустив целый клуб дыма, спокойно сказал:

«Ну и вы, дорогой Ватсон, не в праздничном костюме!»

Я огляделся. Я был в потной, мятой рубашке. Я совсем забыл все, что произошло со мной. Теперь все вдруг припомнилось и я стал торопливо и довольно несвязно рассказывать о том, что случилось со мной.

Холмс слушал с холодным вниманием. Ни один мускул не дрогнул на его стальном лице. Только бровь (левая) подымалась все выше и выше, да клубы дыма делались все больше.

«Покажите остатки вашего костюма!» сказал он, наконец, когда я кончил свой рассказ.

Я пошел в прихожую и вернулся с остатками моего одеяния.

«Оденьтесь» — спокойно сказал Холмс.

Я натянул на себя жилет, фрак без фалд и детскую кацавейку, вместо моего изящного, нового пальто.

Холмс холодно посмотрел на меня и сказал:

«В этом костюме вам нельзя ехать на ужин».

Такое равнодушие к моему несчастью меня задело.

— Ну и вам, дорогой Холмс, тоже неудобно ехать в халате!

Холмс промолчал. Но, видимо, мое замечание кольнуло его.

— Почему вы через окно не позвали кого-нибудь? — спросил я, желая переменить тему разговора.

Холмс посмотрел на меня и сквозь зубы процедил: «Холмс помогает полиции, но у нее помощи не ищет».

Я смутился. Я понял, что мой вопрос был некорректен. Я не учел безграничного самолюбия Холмса. Я понял, как сейчас, в этот торжественный день своего юбилея, он страдал.

Вдруг раздался звонок. Экономка взвизгнула и кинулась на кухню. Мы посмотрели друг на друга.

«Я пойду открою» — нерешительно сказал я. У меня с собой револьвер!»

— Я сам открою, — холодно сказал Холмс.

«Но, бога ради!.. Впрочем, это, вероятно, депутация?»

— Нет еще рано. Они приедут в одиннадцатом часу, а сейчас без десяти минут десять.

Холмс взял противогазовую маску,

одел ее на лицо, а мне приказал быть на-готове. Мы отправились к двери. Впереди стоял Холмс, а я за ним, положив к нему на плечо мой револьвер.

«Кто там?» — спросил Холмс, не отбояря дверей.

— «Из телеграфа... Депеши» — слышался ответ. Мы переглянулись. Мой револьвер дрогнул на его плече.

«Самообладание» — презрительно бросил мне мой друг и вдруг широко распахнул дверь. Перед нами стоял почтальон с пачкой телеграмм и каким то узлом в руках. Увидев перед собой, вместо человеческого лица, противогазовую маску, он дико вскрикнул и собрался, было катиться вниз по лестнице, но Холмс сбросил маску и успокоил его.

«Фу! как я напугался!» — тяжело дыша, произнес почтальон. «Разве можно так пугать людей?» — уже сердито стал он ворчать. «Вот примите... Для вас куча депеш... Да еще у ворот кто-то сунул этот узел. Просил вам занести».

Холмс забрал депеши, а до узла не прикоснулся.

«Положите узел на площадку» — сказал он.

Почтальон с недоумением положил узел на каменный пол и, пожимая плечами, стал спускаться с лестницы, оглядываясь на нас.

Мы забрали депеши и смотрели на узел, лежащий у наших ног. По лицу Холмса я видел, какая гигантская работа происходила в его гениальном мозгу.

«Принеси, Ватсон, мою складную удочку» — сказал он, наконец.

Я принес из кабинета складное удище.

«Теперь мы отойдем от узла. Пойдем за дверь» — сказал Холмс. Мы отошли. Дверь совсем не закрыли — оставили щель. Холмс просунул в щель удище и стал давить узел, постепенно усиливая давление. Жадными глазами наблюдал я узел. Признаться: я ждал взрыва. Но узел ворочался с боку-на-бок и только!

«Там что - то мягкое» — сказал Холмс. «Адской машины нет! Разверни узел, Ватсон».

Признаюсь, я бы предпочел, чтобы Холмс сам это проделал, но самолюбие заставило меня повиноваться. Присев на корточки, дрожащими руками я с трудом развязал узел и... там оказались два фрака, две жилетки, пара панталон и два пальто. Была и записка на имя Холмса... Опять поздравление от воров и любезное предложение ему и мне воспользоваться костюмами. Прибавлено было, что костюмы выкрадены из гардероба лорда Стуккея и что, конечно, лорд может признать на Холмсе свои костюмы, но что же делать? Других костюмов они предложить не могут: фрак и панталоны Холмса они решили поместить в музей, открытый при лондонском воровском клубе. Следовали подписи.

На этот раз я увидел ясно, как по лицу Холмса пробежала какая-то судорога. Мой друг терял свое хладнокровие.

«Негодяи» — процедил он сквозь зубы.

— Однако, надо торопиться! — сказал я. — Придется одеться в костюмы уважаемого лорда Стуккея!

Холмс ничего не ответил и, сбросив халат, стал натягивать на себя панталоны лорда Стуккея... Я тоже... Через несколько минут мы были готовы. В костюмах лорда Стуккея нам обоим было тесновато.

6.

Был уже одиннадцатый час... Депутация опоздала. Холмс ходил по комнате, большими шагами — явный признак душевного волнения, которое он старался скрыть. Я хорошо изучил натуру моего друга.

«Это им так не пройдет» — наконец сказал он... «Подай депеши, Ватсон».

Я подал пучек депеш.

Но, о ужас! Все депеши были от лондонских воров... От Буравчика, от Стального Лома, Незебая, Пистолета, Выгребая, Экспресса — словом, от всех, от всех членов воровского клуба.

Все они посылали свои сердечнейшие поздравления и пожелания дальнейшей «совместной работы».

Холмс был бледен, как полотно. Мне было страшно смотреть на него. Вдруг звонок. Холмс решительно отправился к двери. Я схватил его за рукав.

«Бога ради!.. Дорогой Шерлок!.. Возьмите маску» — лепетал я.

— «Оставьте меня, Ватсон!.. Мне все равно». И он остановился у дверей. Я стоял за ним с револьвером в руках.

Холмс спросил:

«Кто там?»

— «Отворите, дорогой Холмс» — раздался знакомый нам голос Чарльза Скотта, одного из полицейских агентов Лондона, — того Скотта, которого Холмс выделял среди бездарных его товарищей. С ним он работал всегда с особым удовольствием. Тот благоговел перед Холмсом и гордился своей близостью к нему, считая себя его учеником. Холмс, однако, не торопился открывать дверь. Он сказал:

«Если вы действительно Скотт, то скажите, что у меня в нижнем правом жилетном кармане?»

— «Зубочистка!.. зубочистка! из слоновой кости, в серебряной оправе!» — раздался радостный голос из-за двери.

«Зубочистка» — это был условный пароль Холмса. Этот пароль знали только я, да Скотт.

Холмс открыл дверь и в прихожую ворвался Скотт.

«Бога ради!.. Маэстро!.. Почему вы отказались ехать на торжество?»

— «Я?.. отказался?»... — не без удивления переспросил Холмс. «Я уже с полчаса жду обещанной депутации. И, признаюсь, ожидание это мне несколько наскучило!»

«А ваша телефонограмма?»

— Какая телефонограмма?

«Да вот, что вы послали четверть часа тому назад? Это знаете... такая неприятность! Министр вас ждет... Все готово... А вы вдруг отказываетесь!.. Я приехал, чтобы вас уговорить и немедленно вас привезти...»

Мы переглянулись с Холмсом.

— «Это... недоразумение» — сказал Холмс. «Я никакой телефонограммы не посылал... У... меня... даже телефон почему-то не действует сегодня».

«Ах, как я рад. Как рад!.. Так скорее! скорее!» — засуетился Скотт.

Мы стали надевать пальто. Еле влезли.

Потом мы поспешно стали спускаться с лестницы. Скотт на ходу рассказывал нам, какая с ним приключилась беда. На пути испортился его автомобиль. Шофер почему-то потерял сознание. Пришлось по дороге взять наемный автомобиль.

У подъезда какая-то толпа радостно приветствовала Холмса. Он холодно раскланялся... В толпе хохотали... Я почувствовал, что дело неладно. В толпе я узнал несколько знакомых лиц. Как будто здесь торчал и трамвайный франт.

Стиснув в руке револьвер, я поспешно юркнул за Холмсом в автомобиль и из предосторожности задержал занавеску. Автомобиль помчался, сопровождаемый какими-то нелепыми криками.

Холмс был холодно-мрачен. Ни один мускул не дрожал на его лице. Скотт суетился и заметно волновался. Очевидно, и он сознавал, что творится что-то странное... Чтобы рассеять неприятное молчание он стал рассказывать о предстоящем торжестве. Холмс молчал. Скотт говорил, что он счастлив, безконечно счастлив, потому что ему, простому смертному, выпала высокая честь везти великого человека... Потом... Он стал говорить все медленнее... медленнее... Вдруг чихнул... Раз... Два... склонил свою голову ко мне на плечо (мы сидели с ним рядом на передней скамейке — Холмс один на задней) и уснул. Я хотел было разбудить его, но почувствовал, что и со мной творится что-то странное... Голова переставала работать... Обессиленный, я откинулся назад. Как сквозь сон я услышал сдавленный крик Холмса: «Откройте окно! окно!.. Нас усыпили!»... И больше я ничего не помню.

7.

...Я очнулся в большой освещенной зале. Около меня суетился какой-то субъект в маске, почему-то напоминавший мне трамвайного франта. Он старался привести меня в чувство. Давал

...Вот он сам среди нас!..

что-то нюхать... На голове у меня был компресс. Около меня сидел бледный Холмс... С другой стороны какие-то два оборванца, тоже в масках, поливали голову несчастного Скотта, который, однако, не подавал признаков жизни.

Наконец, очнулся и он. Мы удивленно смотрели друг на друга, смотрели вокруг... Зала была декорирована зеленью, цветами и национальными флагами. На возвышении стоял стол, покрытый красным сукном. Около стола, окруженный лавровыми деревьями, был поставлен бюст Холмса. За столом сидело несколько человек. Все в масках. В зале было много народу в самых разнообразных костюмах: были кавалеры во фраках, дамы в ослепительных костюмах, — были оборванцы в лохмотьях. Были красавцы и красавицы, были такие неприличные хари, что у меня мороз стал подирать по коже...

— «Ну что, они готовы?» — спросил какой-то джентльмен, сидевший по середине стола, (очевидно, председатель).

«Готовы» — отвечал субъект, суетившийся около меня.

— «Посадите уважаемых гостей на отведенные им места!.. Маэстро—на это кресло!» — сказал председатель.

Мы уселись на указанные места.

— «Объявляю торжественное заседание лондонского воровского клуба открытым» сказал председатель. «Займите свои места». Он встал и произнес следующую речь:

— «Прекрасные дамы и уважаемые кавалеры! Сегодняшнее заседание нашего клуба посвящено чествованию величайшего в мире детектива — известного вам всем Шерлока Холмса. Вот он сам среди нас. Я предлагаю собранию поблагодарить юбиляра за его любезность, оказанную нам его посещением».

Раздались оглушительные рукоплескания. Поднялся крик и хохот.

Холмс был недвижим, как мраморное изваяние.

Председатель позвонил в колокольчик и шум стих.

— Прежде всего, уважаемый Холмс! — продолжал председатель, позвольте высказать вам наше общее пожелание, чтобы вы в нашем обществе чувствовали себя легко и непринужденно. Вы

поступили благоразумно, что предпочли нашу теплую компанию казенному холодному празднику в обществе бездарных полицейских ищек, которые вас никогда не любили, вам всегда завидовали. Мы же — искренние поклонники вашего исключительного таланта... С вами работать нам было и лестно, и приятно. Вы многому научили нас. За это мы вам благодарны в высокой степени. Позвольте представить вам наш президиум. Я — Джон Джемсон, по прозвищу «Стальной Лом» — председатель воровского клуба. Моя специальность — громила. Несгораемые ящики, американские и французские замки... Он вежливо поклонился Холмсу... «Товарищ председателя» и Стальной Лом грациозным жестом указал на какого-то мрачного бродягу, сидевшего около — «Имени его точно не знаю, а прозвище — «Пистолет», беглый каторжник. Солидный человек, с хорошим стажем, и вам, как кажется, известен... по делу... по делу... По какому, бишь, делу ты известен Холмсу?» — спросил он Пистолета.

«По делу о фиолетовом брильянте... Потом еще трагедия в Ливерпульском экспрессе» — важно прохрипел Пистолет.

Я вздрогнул. Это были мрачные, кровавые дела.

Холмс был неподвижен.

...— Секретарь клуба... Вильям Смоккинг. По прозвищу: «Не зевай». Это юноша, как вы видите, из высшего света. Его специальность такая интимная, что я предпочитаю об ней умолчать».

Секретарь поднялся, сделал изящный полупоклон в сторону Холмса и сел на место.

... — Члены президиума... «Воробей»... «Тюльпан»... «Чортик»... Все они вставали и отвечивали поклоны Холмсу.

...— «Теперь, господа!» — торжественно произнес председатель «Я предоставляю слово нашему уважаемому товарищу «Выгребаю», который сообщает вам биографию юбиляра».

Выступил «Выгребай» и прочел по бумаге краткий очерк жизни Холмса. Очерк был составлен объективно и

дельно. Я услышал упоминание и моего имени.

Выгребай окончил, поклонился Холмсу и отошел в сторону.

...— Слово предоставляю «Воробью» — сказал председатель. — «Он сообщит нам статистические данные, хранящиеся в нашем архиве в двух шкафах, носящих название: «Холмс № 1» и «Холмс № 2». Должен сказать вам, как представителю королевской полиции — обратился он к Скотту, что уважаемый юбиляр в нашем архиве занимает места более, чем сыскная полиция всего Соединенного Королевства».

Скотт сконфуженно крикнул.

Вышел Воробей. Он имел вид настоящего ученого, в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, в очках, одетых на маску... Тусклым, монотонным голосом он стал приводить цифры, одни цифры дел, раскрытых Холмсом, дел нерешенных им, цифры лиц, попавших из-за Холмса в тюрьму, на срочное заключение, на каторгу, на виселицу...

В зале сделалось тихо. Я слышал явно, как колотилось мое сердце. Тук... Тук... Холмс был бледен.

Когда Воробей насчитал, как сейчас помню, 83 повешенных, он сделал паузу...

Председатель встал и сказал: «Прошу всех присутствующих почтить память погибших вставанием»... Все поднялись... «Уважаемые гости» — обратился к нам Стальной Лом, — «будьте любезны, встаньте и вы».

Мы поднялись.

Секунду все постояли молча. Председатель дал знак, и все опустились на места.

Воробей продолжал свою статистику. Он сравнивал на цифрах работу официальной полиции и Холмса. Сравнение было уничтожающее для полиции Лондона... Я помню, что по данным Воробья, в 1889 году один Холмс открыл удачно 545 дел, а лондонская полиция, в составе более тысячи агентов, раскрыла лишь 31 дело... В зале раздалась смешка. Скотт усиленно пыхтел.

Воробей закончил свой доклад сопоставлением цифр дел, открытых разными «мировыми сыщиками», «чемпиона-

ми сыска». Оказалось, что Холмс раскрыл около 12000 дел, Нат Пинкертон — около 5000, Картер — 2000... Следовали имена французских, итальянских, испанских детективов. На последнем месте стоял русский сыщик Путилин. За ним значилось 9 открытых дел... Зал огласился хохотом, рукоплесканиями, криками: «Да здравствует Холмс! чемпион сыска!.. Король детективов!»..

У меня отлегло от сердца... Я искоса посмотрел на Холмса. Легкая краска показалась на его лице... Он тихо поднялся и сделал неопределенный поклон в пространство.

Зала пришла в неистовый восторг... Все ревели от восторга. Председатель дал зале выразить свой бурный восторг и позвонил.

8.

— Слово предоставляется нашему историографу — товарищу «Отмычке». — возгласил он.

Вышел Отмычка, толстенный, кругленький субъект, и в пространной речи стал излагать историю замечательнейших преступлений, открытых Холмсом... Должен сказать, что речь его направлена была, главным образом, против меня. Ведь, я был, так сказать, «официальным историком» Холмса. Оратор указал, что основная точка зрения моя неправильна, что я стою на устаревшей «идеалистической точке зрения» и совсем не учитываю новых идей «исторического материализма». Это было справедливо. Не умаляя достоинств Холмса, оратор ловко провел идею о значениях масс, говорил, по моему, слишком много о «классовом самосознании». Закончил он свой доклад перечнем фактических ошибок, которые я допустил в своих очерках, слишком субъективно представив деятельность Холмса. Признаюсь, мне было немного неловко. Я вспомнил, что и Холмс неоднократно удерживал меня от излишней идеализации.

Отмычка кончил и отошел с поклоном в сторону. Председатель предоставил слово «Маркизу».

— «Господа — сказал он. Это будет заключительное слово! Оно будет по-

священо выяснению той роли, какую в истории и развитии воровства сыграл Холмс. Товарищ наш Маркиз, как вы знаете, отлично окончил курс в Оксфордском Университете. Он — юрист по образованию и только обстоятельства жизни заставили его переменить профессию, хотя он и не прервал еще связей с тем обществом, из недр коего вышел. Прошу внимательно вслушаться в его речь!».

Маркиз заговорил. Голос его показался мне страшно знакомым. Я заметил, что и Холмс словно насторожился.

Маркиз говорил красиво и очень толково. Он говорил о том, что Холмс первый воспользовался в деле сыска индуктивным методом. Честь применения и развития этого метода принадлежит ему. Он первый поставил дело сыска на научную почву. Но этим самым он содействовал тому, что поднял интеллектуальное развитие воров. Изучая поневоле его приемы, тонкие и научные, и они стали подводить научные обоснования своей работе. Раньше воров были примитивны. — теперь они — тонкие специалисты, которым приходится изучать и логику, и психологию, а также химию, физику, следить за своим умственным и физическим развитием, за быстрым ростом наук во всех ее областях. Всем этим мы обязаны гениальной деятельности уважаемого юбиляра — говорил он. «И мы можем почтить его лучше всего тем, если существующие при нашем клубе «Высшие курсы воровства» украсим его знаменитым именем» — так закончил Маркиз свою речь, которую я передал вкратце.

Едва он произнес последние слова, зала огласилась восторженными криками.

Председатель позвонил и сказал:

— Согласно ли почтенное собрание с предложением Маркиза, которое им сделано с согласия президиума?

«Согласны! согласны!» — раздались восторженные голоса.

— Баллотировать не надо?

«Нет! Нет! Протестов нет!» — кричали все... «Единогласно!».

Председатель обратился к Холмсу: — Я счастлив — сказал он — довести до

вашего сведения, что в сегодняшнем торжественном заседании нашего клуба единогласно постановлено наши молодые курсы украсить вашим почтенным именем. Чтобы вы были уверены, что просветительное учреждение наше вполне солидное, я прошу секретаря сообщить вам некоторые сведения касательно жизни наших курсов».

Секретарь поднялся и сообщил, что курсы существуют уже пять лет, состоят из пяти отделений по специальностям: «воровство», «грабеж», «убийство» — курсы практического характера и два курса «теоретические»: «воровская технология» и «воровская медицина». Каждое отделение разделяется на секции. Читаются лекции и ведутся практические занятия. Цель курсов — создание кадра узких специалистов. Окончило курсы в текущем году 556 лиц. Из них мужского пола — 285, женского — 269, — неизвестного пола — 2 (в зале смех). По первому отделению (все виды воровства) — 234 (75% женщин), по второму (виды грабежа) — 119 (90% мужчин), по третьему (виды убийств) — 149 (60% женщин), по четвертому (технология) 58 (41% мужчин), по пятому (медицина) — 11 (90% женщин). «Женщины все по секции отравлений» — прибавил он.

Секретарь окончил. Председатель обратился к Холмсу с вопросом, не пожелает ли он услышать поздравления от окончивших в текущем году курсы. Холмс молчал.

— Молчание ваше принимаю за согласие — галантно сказал председатель и дал знак. К нам подошла группа воровской молодежи с высшим образованием. Сказано было несколько приветственных речей. Поднесен был венок из бледных роз.

Потом председатель дал знак, и оркестр сыграл туш в честь юбиляра. Снова бешеные крики восторга. Холмс опять поднялся и поклонился в пространство.

Когда радостные крики замолкли, председатель торжественно сказал:

— Официальная часть нашего торжества закончена. Сейчас мы перейдем к развлечениям. Но прежде я считаю

своим долгом, в знак уважения к юбиляру, поднести ему то, что для него является одной из самых драгоценных и необходимых вещей... Секретарь, передайте юбиляру этот предмет».

Секретарь подошел к Холмсу и протянул ему что-то. Я вытянул шею, сгорая от любопытства. Холмс взял поданную вещь в руки и... вздрогнул. Я увидел, что у него в руках была его собственная трубка, его любимая неизменная трубка, оставленная им на письменном столе, когда мы выходили с Скоттом.

Я понял, что в наше отсутствие воры опять залезли в комнату Холмса.

Председатель заметил волнение Холмса и сказал:

— Сначала мы хотели приобщить эту трубку к вашим вещам, которые украшают наш музей, комнату вам посвященную. Там ваш фрак, ваши панталоны и пальто. Но потом, обсудив вопрос в президиуме, мы решили, что лишать вас трубки было бы жестоко. А потому не откажитесь принять ее обратно... Если желаете, можете курить... Секретарь, подайте табак уважаемому Холмсу».

Секретарь подал коробку с табаком. Холмс с недоверием покосился на табак и не решился взять.

Заметив это, председатель сказал:

— Уважаемый Холмс. Сегодня вы — наш гость, почетный гость. Поверьте, мы — джентльмены. Сегодня Вы нас не опасайтесь. Завтра — мы враги, сегодня — друзья. И, поверьте, мы так ценим ваше любезное посещение, что не позволим себе ничего для вас неприятного или опасного. Законы гостеприимства священы и для воров.

Холмс набил трубку табаком и стал курить. Я инстинктивно полез в карман за портсигаром, забыв, что на мне чужие панталоны. Опустил руку в карман... и вытащил связку отмычек.

Председатель дал знак секретарю и тот подал мне и Скотту ящик с сигарами. В зале наступило оживление... Задымились папиросы, сигары, трубки. Раздался смех. Какая-то воровка громко взвизгнула — очевидно, ее щипнули.

Председатель позвонил и сказал:

— В последний раз «ура» В честь Холмса и его друзей!

«Урра!!» — заревела зала.

— Теперь — продолжал председатель — мы перенесем Холмса на руках в наш кабаре. Прошу товарищей убийц и грабителей исполнить эту торжественную церемонию. Заседание объявляю закрытым!».

К Холмсу подошли какие-то мрачные субъекты с ужасными рожами и подняли его на своих могучих плечах.

Процессия тронулась. Мы с Скоттом шли за Холмсом.

9.

В кабаре мы с председателем уселись за отдельным столиком. Подано было шампанское... отличной марки... Пили за Холмса, за меня, за Скотта... Он сиял от удовольствия... Все кричали «ура». Потом что-то закусывали. Опять пили шампанское. Погреб воровского клуба был оборудован великолепно. Пили ликеры с кофе. В это время шло на эстраде представление кинематографа. Все картины были посвящены деятельности Холмса, и мы имели удовольствие видеть отрывки из самых замечательных наших подвигов. В одной сцене фигурировал и Скотт. Надо было видеть его блаженную физиономию. «Очаровательно!» — шептал он, глотая рюмку за рюмкой. Признаюсь, и мне делалось все веселее и веселее. В сущности, эти воры оказались преотличными ребятами. Надо им было отдать справедливость, — они прекрасно организовали наш праздник. Такое оживление и изысканная любезность в то же время! Даже Холмс, видимо, оживился. Легкая улыбка, не лишенная тени тщеславия, иногда скользила по его выразительным тонким губам. Первое отделение кончилось. Признаюсь, я был здорово набеселе и блаженно поглядывал вокруг себя. Вдруг на экране появилась надпись: «Похищение экономки Шерлока Холмса» — «сильно комическая». И мы увидели хорошо знакомую мне квартиру Холмса, увидели, как там суетились какие-то неизвестные мне люди в масках около почтенной Алисы

Кэмбридж, которая отбивалась от них кухонным полотенцем. Сцена была смешна до того, что я начал хохотать до слез. Кабаре грохотало от хохота. Вдруг я нечаянно взглянул на Холмса. Он широко открыл глаза и даже рот. Такая тревога была на его лице... Я сразу перестал хохотать и не спускал с него глаз. Признаюсь, это было нелегко. Глаза закрывались сами собой, а руки делали в воздухе какие-то непонятные и ненужные движения.

«Что... это... значит?», — слегка запинаясь, спросил Холмс председателя. Тот ласково наклонился к Холмсу и отчетливо, (я помню, что он сказал именно очень отчетливо):

— Это значит, маэстро, что мы произвели полную выемку в вашем помещении! Вплоть до вашей экономки.

— Когда вы... это... успели сделать?.. — спросил Холмс.

— Часа два назад!

— А... теперь... который час? — заплетающимся языком спросил Холмс.

— Сейчас?.. Сейчас... второй час ночи! — сказал председатель, посмотрев на часы.

— Как же вы... успели все снять на фильм? и проявить? — спросил Холмс.

— Постарались, маэстро! Для вас! У нас имеются усовершенствованные аппараты, своя мастерская, — с улыбкой ответил председатель.

— Но что же вы... еще увезли?.. кроме экономки, — тревожно спросил Холмс.

— Все!.. Только шкаф дубовый остался! Даже туфли взяли!..

— А архив мой?

— И архив тоже изъяли!

Холмс приподнялся. На него было страшно смотреть.

— Мой архив? в ваших руках?..

— Весь, маэстро, весь! И лаборатория ваша! Все в музее!.. у нас... Можете убедиться!..

Холмс дышал тяжело. Пот выступил на его высоком энергичном лбу. Потом он вдруг опустился на стул и закрыл лицо обеими руками. Председатель сочувственно смотрел на великого человека. Вдруг Холмс отнял руки от лица. Его прекрасные глаза были полны слез. Я никогда не

...Я очнулся у себя в комнате.

видал его таким!.. Я никогда не забуду этого лица! Хмель соскочил с меня. Я хотел подбежать к нему, поднялся со стула, но вдруг покачнулся и икнул на всю залу.

Председатель укоризненно посмотрел на меня и покачал головой. Я грузно опустился на стул.

— Вы... победили меня, — глухо сказал Холмс... И потом вдруг закричал на всю залу (я даже вздрогнул от неожиданности. Да, я помню ясно, что я вздрогнул).

— Эй вы! как вас там! чорт вас возьми!.. Давайте бутылку виски.

— И содовой? — спросил председатель.

— К чорту содовую! — заревел Холмс.

— Вот так-то лучше будет, — радостно сказал председатель, хлопнул в ладоши, и через минуту перед Холмсом стояли две бутылки виски.

Он стал пить. Боже мой! Как он пил! Я хотел дать ему дружеский совет воздержаться, но икнул опять на всю залу.

— Пей. Ватсон! Пей, старый друг! Мы... побеждены! — говорил Холмс, вливая в себя стакан за стаканом.

Я не осмелился спорить с ним и тоже стал глотать стакан за стаканом... Мы чокались с ним. Чокались с председателем... Еще с кем-то... Я помню смутно... будто Холмс пил с председателем на брудершафт. А, может быть, это я пил... Помнится, Холмс обещал председателю прочесть на воровских курсах специальный курс об окурках. Случайно я посмотрел на Скотта... Но его за столом не оказалось. Я заглянул под стол... Он был

там. Лежал на спине, блаженно улыбался и заплетающимся языком повторял: «о...чча...ро...ва...тель...но!». На сцене что-то пели, плясали. Потом помню, что председатель скомандовал: «маски долой». Потом помню, что все плясали и на сцене, и в зале. Мне тоже хотелось плясать, но я не мог. Качали Холмса. Потом качали меня... После чего мне сделалось совсем нехорошо... Больше ничего не помню...

10.

...Я очнулся у себя в комнате... На голове был компресс... Около кровати на стуле сидела моя жена и скорбно смотрела на меня. Я приподнялся и сначала ничего понять не мог. Потом я вспомнил всё и стал подыматься...

— Лежи! Лежи! — сказала мне жена. Укоризной зазвучала ее речь. Так говорят с опасно-больным. И вдруг мысль о Холмсе пронизала мой мозг.

— Где Холмс? — быстро спросил я.

— Где же ему быть?.. Вероятно, дома... — недовольно ответила жена и потом, не будучи в состоянии сдержать себя, прибавила:

— Как ты неосторожен!.. Ты же — доктор! Сам понимаешь, как вредно так пить!

— Как я попал домой? — спросил я.

— Тебя привели... Вернее принесли, если какие-то незнакомые мне люди, — тихо ответила жена. — Признаюсь, мне было стыдно за тебя!

— Ах, Мери!.. Если бы ты знала!.. Какой ужас! Какой вчера произошел ужас! — воскликнул я. Вероятно, лицо мое выразило такое страдание, что добрая жена моя испугалась.

— Прими *cali bromati*... Я приготовила... Дай я перемену компресс... Ты нездоров... Не волнуйся... Лежи спокойно...

— Ах, Мери, не надо *cali bromati*. Дай скорее стакан виски. Это необходимо. И скорее одеваться. Скорее! скорее!

Она покачала головой и сказала:

— Я не знаю, что с тобой вчера было. Но ты явился... вернее тебя принесли в какой-то кацавейке, без шля-

пы, в одном ботинке... Где ты был вчера? Ведь, ты поехал к Холмсу?

Я вскочил на ноги и бессвязно стал рассказывать ей о случившемся... Она, повидимому, плохо понимала меня. Но по мере моего рассказа лицо ее покрывалось бледностью. Глаза расширялись. Она даже ухватила за спинку стула. Когда я кончил, она воскликнула:

— Боже мой! Я ничего не понимаю! Или ты рассказываешь мне свой кошмар или... действительно произошло что-то страшное! Поезжай к Холмсу. Я поеду с тобой. Знаешь... что? Позвони к нему по телефону!

Я подбежал к телефону. Позвонил. «Скорее: № 1667091... Что? Вы Холмс?.. А кто? Кто говорит? Что?.. Доктор Ватсон... Да-да... Ммм... Что такое? Следы преступления. Не понимаю. Ааа... Хорошо! Через полчаса? Хорошо». Я бросил трубку и в отчаянии упал в кресло.

— Что такое? Что тебе сказал Холмс? — дрожащим голосом заговорила жена с испугом глядя на меня.

— Ах, Мери!.. Холмса нет! Там хозяйничают они!

— Кто они?

— Да все эти негодяи! Они мне сказали, чтобы я не смел приезжать раньше, чем через полчаса! Они сказали, что «оставляют следы преступления»... Ничего не понимаю. Ключ от квартиры будет на лестнице на подоконнике, — сказали они.

— Что это значит?

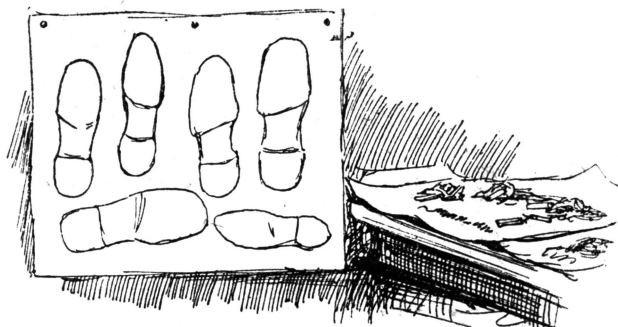
— Не понимаю...

11.

Через полчаса я выбежал из своей квартиры. На улицах газетчики кричали: «Удивительное приключение. Пропал знаменитый детектив Шерлок Холмс. Предполагается преступление. Воры скрали сыщика. Исключительное событие. Сыскная полиция на ногах».

— Опоздал! — подумал я.

Но оказалось, что газеты раньше полиции узнали о случившемся. И, когда я входил в подъезд дома Холмса, туда же к подъезду подкатил автомобиль

— снимки с наших подошв...

начальника полиции. Он вышел из автомобиля, сытый и довольный, пожал мне руку и с усмешкой сказал мне:

«Вот так история! Ну кто бы мог предполагать, что с нашим маэстро произойдет такой казус? Добро бы с нами, грешными».

Нескрываемое злорадство слышалось в его речи.

— Радуетса скотина, — подумал я.

Несколько агентов следом за нами поднялись по лестнице. Без труда я отыскал ключ, открыл дверь и мы вошли.

Квартира была пуста. Один дубовый шкаф зиял открытыми дверцами.

На подоконнике в кабинете Холмса я нашел аккуратно разложенные кучки грязи — и около записку: «это для анализа — грязь с наших сапогов». Рядом правильные кучки пепла от папирос и десяток окурков — и опять записка: «пепел и окурки для установления табачных фирм». Тут же висел лист бумаги с аккуратно вычерченными размерами сапожных подошв с запиской: «снимки с наших подошв». На стене углем было написано: «Доктор Ватсон — осел».

Начальник полиции громко захохотал, и от хохота затрясся его живот.

— Мерзавцы! Они еще издеваются!.. Ну и доберусь я до них!

Повертевшись по квартире некоторое время, он сказал:

— Ну, кажется, здесь мне делать нечего. Заезжайте через час ко мне в бюро. Побеседуем. А пока посидите здесь. Сейчас явится следователь. Расскажите ему, что знаете. — И он ушел.

Я остался один. Трудно передать словами, какая безумная тоска овла-

дела мною, когда я ходил один по пустым комнатам, когда я стоял в «бывшем» кабинете Холмса. Здесь стояло его любимое кресло. Здесь были полки с его книгами, с его архивом, — замечательным, единственным архивом!

«Это ужасно! Это ужасно!» — говорил я вслух, и голые стены какими-то невнятным отзвуками откликались на мои восклицания. Было жутко.

Явился следователь. Стал записывать мое длинное показание, причем несколько раз, ухмыляясь, поглядывал на меня и даже пожимал плечами.

«Может быть, проспится и явится. Вот, как вы», — наконец, сказал он с усмешкой. Я чуть не наговорил ему дерзостей. Кажется, он весь мой рассказ принял за бред пьяного человека.

Через час я был у начальника бюро. Сперва и он позволил себе шутливо отнестись к моему рассказу, но я сумел убедить его, что дело серьезное. Мой рассказ о «воровском клубе» в Лондоне, о «воровских курсах» озадачил его.

«Быть не может! У меня в Лондоне? Воровской клуб? Воровские курсы? Чорт возьми! этим стоит заняться», — сказал он.

Через два часа я был дома и уже все толково рассказал жене. Я терял голову. Не знал, что делать... Вдруг я вспомнил о талантливом помощнике Холмса — маленьком Джеке, который с толпой товарищей не раз оказывал услуги моему другу. Может быть, он знает что-нибудь. Его лукавую мордашку я как будто видел в толпе, стоявшей около автомобиля, когда мы сядились в него. Я позвонил по телефону к тому лавочнику, через которого мы всегда вызывали Джека.

Через час мальчишка был у меня. Я его не сразу узнал. Взъерошенный и бледный, он был неузнаваем. Я сразу набросился на него с вопросами. Он сначала упорно молчал, а потом вдруг решительно сказал:

«Знаете, уважаемый доктор Ватсон. Я больше в это дело вмешиваться не стану. И на ваши вопросы отвечать не желаю».

— Что это значит, — воскликнул я.

«А то значит, что когда вы усадились в автомобиль, я сзади уцепился».

— Ну?

«Что, ну?.. Меня заметили, отцепили, отвели в какой-то подвал. да так выдрали, что я всю жизнь помнить буду?»

— Тебя выдрали?

«Так, как и отец родной меня никогда не драл! Вот, как. Драли, да приговаривали: «Тебе, щенок, в школе учиться надо, а ты по улицам шляешься! Слежкой занимаешься!.. Учись! Учись! Учись! Вот как выпороли!.. А теперь прощайте, доктор. Мне некогда!.. Надо уроки готовить».

И он ушел, нахлобучив картуз.

Я развел руками.

12.

Прошел день. Прошел другой. Газеты трещали всякую ерунду. Мое участие в этой истории сделалось общеизвестным, и мне отбоя не было от интервьюеров. В конце-концов они почему-то знали больше, чем я им рассказывал. Например, меня допрашивали: «правда-ли, что в ваших брюках вы нашли карточку с надписью: «Доктор Ватсон — осел». Этого я никому не говорил. Откуда они это узнали?

Мне сделалось известным (все от этих всеведущих газетчиков), что министр полиции делал доклад королю о пропаже Холмса. Но так как его величество в момент доклада был рассеян, то на докладе написал резолюцию: «прочел с удовольствием». Министр полиции осмелился повторить свой доклад, и тогда его величество, вникнув в дело, над словом с «удовольствием» надписал «не» и волнистой линией соединил «не» с «удовольствием». В вечерних газетах было сообщено, что король выразил не удовольствие по поводу исчезновения Холмса!

Через несколько дней пропал величайший бриллиант из короны короля. Потом исчезло драгоценное кольцо ко-

ролевы. Обнаружены были дерзкие кражи со взломами в нескольких банках. Лондон всполошился. Полиция потеряла голову. Без Холмса она была беспомощна. Министр полиции пригласил начальника бюро и так намылил ему голову, что тот вызвал меня и стал советоваться, что ему делать. Я не знал, что ему сказать.

«Не вызвать ли из Америки Ната Пинкертон и Ника Картера, а из Парижа Арсена Люпена?», спросил он.

Я пожал плечами. Мне было больно за Холмса. Приглашать из заграницы второстепенных детективов, чтобы спасти его, великого Холмса! Самая мысль об этом была оскорбительной для меня! Но, пожалуй, это было единственное средство спасти Холмса. На лондонскую полицию я не надеялся!

«Вызовите», — сказал я со вздохом.

Я забыл сказать, что Скотт заболел белой горячкой и бушевал в больнице, упорно гонял чертей с докторских носов и просил свезти его обратно в «воровской клуб».

Через две недели я имел «удовольствие» беседовать с тремя мировыми детективами, которые заседали у начальника бюро в его кабинете. Я подробно (в сотый раз) повторил всю историю. Нат Пинкертон слушал внимательно, задавал вопросы. Он показался мне самым дельным из трех. Картер был просто болван. От него несло спиртом так, что сидеть с ним рядом было неприятно. Он совсем не слушал меня и только рассматривал свои огромные кулаки, покрытые рыжей шерстью. Люпен спросил только, были ли хорошенькие между воровками и каковы были туалеты.

Выслушав мой пространный доклад и мнение начальника полиции, Пинкертон деловито спросил: зачем его, собственно, вызвали — искать Холмса, или драгоценности, похищенные ворами? Картер попросил стакан грогу, а Люпен зевнул и небрежно сказал, что во всем этом деле он не видит для себя ничего интересного, так как, повидимому, в настоящем деле не замешаны женщины, а он интересуется исключительно «дамскими» делами.

...Я подробно в сотый раз повторял всю историю.

Начальник полиции торопливо ответил Пинкертону, что просит его заняться обоими делами. Пинкертон ответил сухо, что это его «не устраивает», так как раздвоит его внимание и потому он предпочитает заняться только отысканием драгоценностей. И тут же с американской беззастенчивостью стал торговаться о премии.

Я попытался отстоять интересы моего друга, стал говорить об «идейном интересе» дела, вытащил из портфеля кусочки грязи и пепла, все окурки и снимки с подшив (все «следы преступления», оставленные ворами в квартире Холмса).

Пинкертон усмехнулся и сказал, что вся эта дрянь (он так и сказал: дрянь; это его собственные слова!) его не интересует, что у него «другие приемы», «другая школа». Я мысленно выругал его «дубиной» и тщательно завернул в бумажку все «следы преступления».

Начальник полиции поспешно прервал меня и сказал Пинкертону:

«Коллега! Конечно вы правы! Ну займитесь сначала бриллиантами. Холмс подождет. Ведь, если он жив (а я убежден, что он здоровствует), то, конечно, и останется жив; а бриллианты могут заплывать так далеко! Значит, я могу доложить г. министру, что вы согласны заняться бриллиантами?»

Пинкертон сухо поклонился.

На следующий день по телефону я был вызван к Картеру. Он был болен. Голова была перевязана. Физиономия с правой стороны опухла страшно и глаза не было видно. Огромный синяк красовался вместо глаза.

«Видите, доктор... Я немного занемог!» — прохрипел он. Подлечите меня, чтобы я через два дня мог уехать в Америку!».

— Что с вами?

«Пустяки!.. Вчера зашел в бар. Немного перехвятил! Вышло недоразумение с одним субъектом. Ну я его боксировал. Самое замечательное, что сегодня получил неизвестно от кого письмо с предложением немедленно уезжать в Америку. А в письме чек на весьма внушительную сумму и билет на пароход. Это меня устраивает!».

Я прописал ему примочку и посоветовал воздержаться от посещений бара.

Люпен тоже уехал очень скоро. Рассказывали, что и он получил чек.

Нат Пинкертон повертелся около недели в Лондоне и тоже скоропалительно отправился во-свояси, заявив,

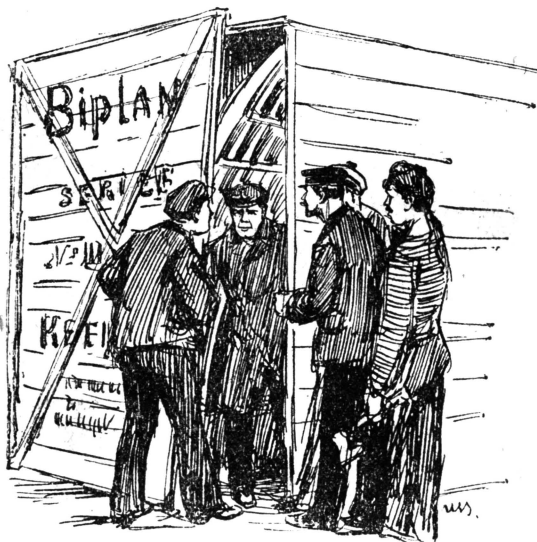
что телеграммой вызван в Америку «по экстренному делу».

13.

Прошло еще с неделю времени. Как-то утром мне подали письмо. Я узнал руку Холмса. Письмо было из Норвегии, из Бергена. Друг мой писал с парохода «Морской Лев», который отплыл из Англии в полярную экспедицию. Из письма я узнал, что Холмс пришел в себя в ящике с аэропланом, который был погружен на пароход для нужд полярной экспедиции. Придя в себя, он стал стучать. Стуки его привлекли внимание команды. Он был извлечен из ящика. Он решил принять участие в экспедиции, цели которой его очень заинтересовали. Кроме того, он серьезно стал изучать рациональную постановку рыбных промыслов. Возможно, что этим он и займется.

Тяжело было читать это письмо! Бедный Холмс! Бедный «король детективов». Мир лишился тебя!

В. С.

...он был извлечен из ящика...

Рассказ С. А. Тимошенко.

Иллюстрации И. А. Владимиров.

Глава I.

Тревога.

Газеты писали: «Черная тень над городом».

Этот заголовок стал появляться все чаще и чаще.

Вчера на улице Риволи, днем, совершенно неожиданно, несколько оконных стекол магазинов обрушились на прохожих.

Сегодня на Севастопольском бульваре — взорвалась адская машина.

Завтра — будет очередной список отравившихся губной помадой, пудрой и ядовитым шоколадом.

Цепь преступлений увеличивалась с каждым днем.

Взрывы, яд, падение стекол на гуляющих — события, происходившие уже целый месяц, являлись делом одних и тех же рук.

Полиция выбивалась из сил, но безрезультатно. Парижане ужасались, ругали префекта полиции и боялись ходить по тротуарам и покупать сладости и парфюмерию.

Когда же начались таинственные взрывы, всех охватила уже настоящая паника.

Газеты на плане Парижа ежедневно ставили новые крестики, отмечая новое преступление. И весь план был усеян этими знаками смерти.

Ночью Париж напоминал 1915 год, когда немцы были в тридцати километрах от Парижа. Город был пуст и яркие фонари освещали ночные полицейские караулы и военные авто.

Преступники были неуловимы. И каждый день — несмотря на все меры, которые принимались ночью, каждый день прибавлялись новые крестики на карте.

Черная тень витала над Парижем.

Это она мазала неизвестным составом стекла витрин, которые днем рассыпались на тысячи мелких осколков.

Это она распространяла с фабричных кладовых ящики с ядовитым шоколадом, отравленной парфюмерией.

Это она подкладывала адские машины под плиты тротуаров.

Иногда полицейские, казалось, настигали темные фигуры на ночных улицах.

Тогда слышалась стрельба, но никто из преступников не был пойман.

Президент лично посетил министерство внутренних дел и вместе с министром и префектом объездил все полицейские учреждения с выговорами, увещеваниями и обещанием всяческих наград.

Но преступления не прекращались. Замирая на два или три дня, они с удвоенной силой на следующие дни сеяли еще больший ужас.

Днем совершенно неожиданно несколько окопных стекол магазинов обрушились на прохожих...

Глава II.

Вагон, потерявший номер.

Ночь на 18-ое июля. Бульвар Инвалидов. Комиссар полиции Лекорб медленно идет вдоль стен. В руке Лекорба — браунинг, в кармане — второй. На цепочке висит свисток. Под жилетом — легкий панцирь. Во взгляде Лекорба — мрачная решимость. Через неделю — или отставка, или арест преступника. Или позор, или слава!.. Чтобы не испытать первого или добиться второго — нужно рисковать жизнью. И Лекорб три ночи подряд один обходил улицы разных кварталов.

Ночь на 18-ое — ночь третья.

Лекорб миновал фонтан на Эспланад Дез'Инвалид, вышел на набережную Сены, перешел мост д'Альма — и с чувством полнейшего бессилия и уверенности в том, что и третья ночь не даст ничего нового, медленно пошел по Авеню Дантэн к улице Елисейских Полей.

Черная тень!

Высокая фигура в широком пальто

и кэпи шла от комиссара по направлению Авеню де Фридланд.

Сердце комиссара Лекорба тревожно забилося. Лекорб надвинул шляпу на лоб, поднял воротник и, прижимаясь к стене, следовал за незнакомцем.

Незнакомец вышел на Авеню де Фридланд.

Вот он подходит к станции новой линии подземной железной дороги, открывает ключом дверь.

Вот он опускается под землю. Лекорб понял, что настало время действовать.

Он выстрелил три раза, свистнул. Вблизи, с соседних улиц, ответили свистки полицейских и сирены дежурных автомобилей из парка Монсо.

Лекорб еще раз выстрелил и бросился по лестнице станции за незнакомцем.

Свет карманного фонаря Лекорба осветил фигуру, убегавшую за угол подземной линии в ста шагах от Лекорба. Лекорб кинулся вперед...

Никого... Лекорб добежал до сторожа подземной линии, шедшего на выстрел на встречу Лекорбу.

— Мимо вас никто не проходил? — спросил Лекорб.

— Нет — удивленно отвечал сторож. — Я пошел, услышав выстрелы. Но что это?

Лекорб оглянулся и увидел вагон метро, мимо которого он только-что пробежал.

— Вагон — сказал он сторожу. — Я осмотрел его. В нем никого нет.

— Дело не в этом — продолжал сторож. — Его не было здесь, когда я осматривал линию полчаса назад.

Лекорб и сторож подошли к вагону. С другой стороны подбежали полицейские, последовавшие за Лекорбом после выстрелов.

— Вы никого не видели? — спросил их Лекорб.

— Нет, мы слышали выстрелы, кинулись сюда. Никого, кроме вас, впереди нас не было. Добрый вечер, господин комиссар.

В это время сторож крикнул:

— Это не наш вагон. На этом вагоне нет номера.

Глава III.

Господин Вальтер Борнхейм приглашает к себе.

Доктор Гансен, известный ученый, известный филантроп, получивший недавно Нобелевскую премию, объездивший весь земной шар, много помогавший человечеству в его горьких испытаниях — при голоде, нищете и эпидемиях — разразился громовой статьей в парижской газете по поводу таинственных злодеяний.

Доктор Гансен слал свои упреки полиции и возмущался преступниками, бессмысленно и зверски сеявшими смерть в Париже.

Господин Гансен обедал в номере гостиницы и читал свою статью.

— Вам письмо, господин доктор! — сказал вошедший бой.

— От кого?

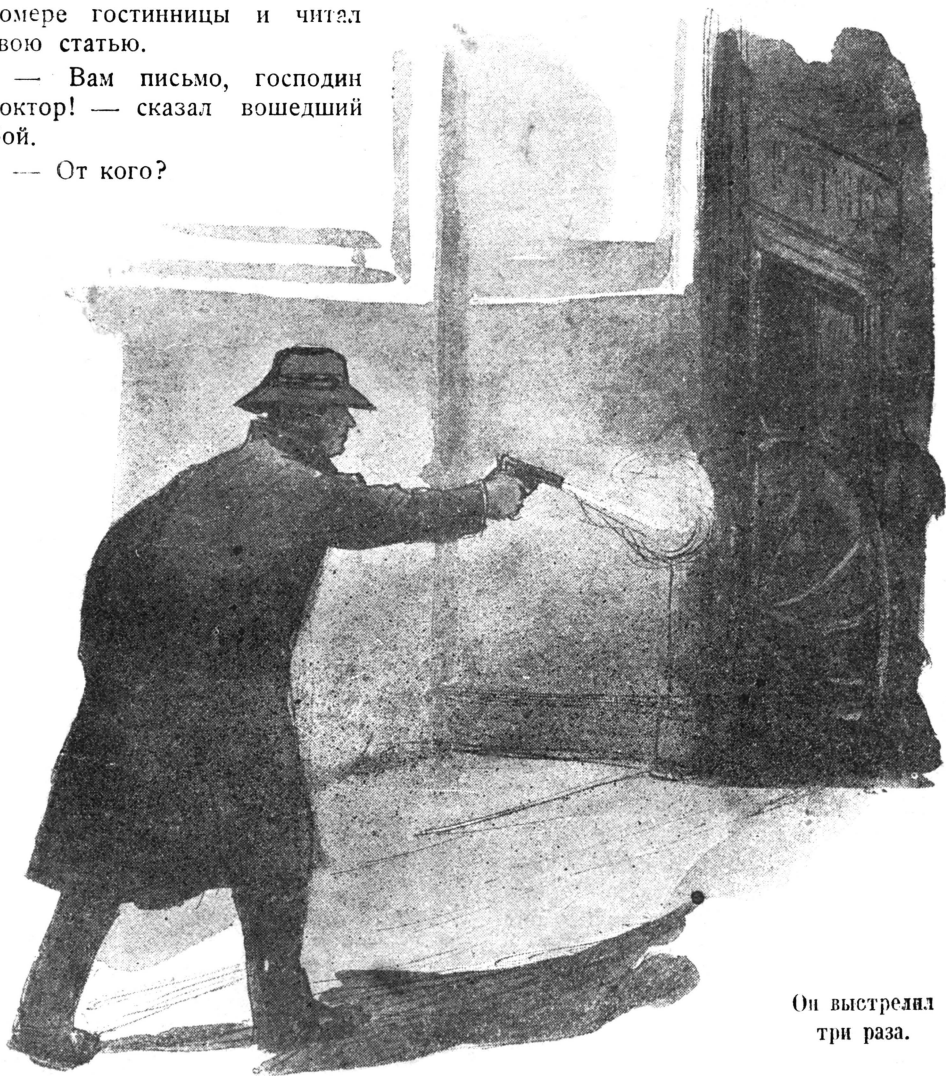
— Передал посыльный! Ответа не надо.

Господин Гансен оборвал большой квадратный конверт, вынул лист бумаги и прочел:

Господин Вальтер Борнхейм имеет честь просить достославного доктора Гансена к себе для дачи ему объяснений по многим вопросам, затронутым доктором в его газетной статье. Доктора Гансена просят быть сегодня в 12 часов ночи на площади Эйфелевой башни и довериться авто с шофером в белой куртке.

Это приглашение—просьба держать в тайне.

Господин Вальтер Борнхейм надеется, что доктор Гансен будет удовле-

Он выстрелил
три раза.

творен теми объяснениями, которые он получит.

Глава IV.

Визитные карточки доктора Гансена.

Было без четверти двенадцать, когда доктор Гансен вышел из гостиницы.

Решив ничего не заявлять полиции, он все же взял с собой — как меру предосторожности — браунинг и сотню визитных карточек. Относительно своих визитных карточек Гансен имел особые соображения.

Шофер в белой куртке, к которому Гансен подошел на площади Эйфелевой башни, молча раскрыл ему дверцу авто. Человек, сидевший внутри, приподнял широкополую шляпу и сказал:

— Я должен завязать вам глаза, господин Гансен! Господину Вальтеру Борнхейму не хотелось бы, чтобы вы знали его адрес.

Когда шолковый платок закрыл глаза Гансена, он почувствовал себя во власти неизвестного ему господина Вальтера Борнхейма. И тогда, сев у открытого окна и положив руку с визитными карточками на раму, Гансен стал осторожно выбрасывать их незаметно в окно авто.

Глава V.

Комната Вальтера Борнхейма.

Автомобиль остановился. Человек, сидевший в автомобиле, вывел Гансена за руки и повел. Так они шли минуты три, спускаясь по невидимым Гансену ступеням. Потом Гансен слышал, как провожатый открыл дверь и повел его дальше по узкому корридору. Потом еще ступеньки, дверь. Еще минута ходьбы и:

— Вы можете снять платок, доктор Гансен.

Яркий свет люстры ослепительно бил в глаза. Гансен с удивлением увидел, что он находится в большом, хорошо обставленном кабинете.

Шторы закрывали большие готические окна.

Провожатый указал Гансену на мягкое кресло и столик с газетами и сказал:

— Через минуту Вальтер Борнхейм будет здесь! Прошу подождать.

И через маленькую, обитую материей дверь, он исчез из комнаты.

Гансен подошел к столику. Газеты были немецкие. Где мог он находиться? Гансен решил взглянуть в окна. Он раскрыл штору, приложился лбом к стеклу, стараясь разглядеть черноту — без единого огонька — мрак улицы, и через секунду отшатнулся. За окном не было никакой улицы.

К толстым стеклам окна непроницаемым слоем прилежала земля. Комната находилась под землей.

Глава VI.

Возмездие.

Вальтер Борнхейм вошел в подземную комнату. Он был высок и худ, белокурый, гладко выбритый. Глаза серо-стального цвета пристально смотрели из под угрюмо-нахмуренных бровей.

— Господин Гансен! — сказал он. — Я прошу извинения за смелость надеяться на ваше посещение и благодарю за честь, которую вы мне оказываете. Господин Гансен — вы единственный в мире человек, к голосу которого в эти проклятые годы войны и поражения моей родины я прислушивался, и которого ставлю выше всех людей. Вот почему меня особенно взволновала ваша статья и вот почему я хочу дать вам объяснение. Я — инженер Вальтер Борнхейм, немец.

Доктор Гансен встал.

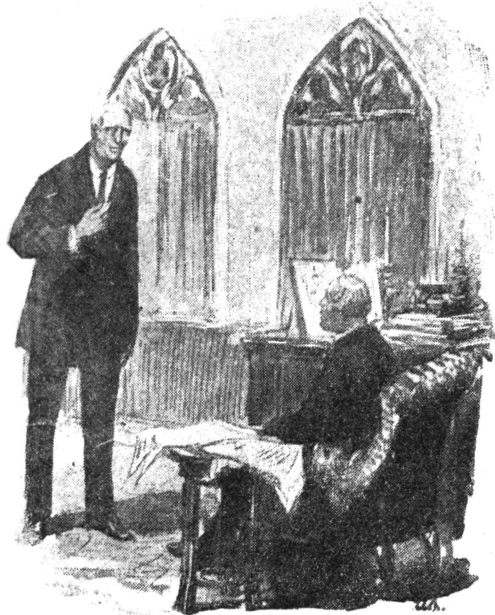
— Убийца! — крикнул он.

Вальтер Борнхейм грустно покачал головой.

— Выслушайте меня, доктор Гансен! Умоляю вас!

Гансен вновь опустился на кресло. Шагая по комнате, Вальтер Борнхейм продолжал говорить. И мало-по-малу перед Гансеном вставала ясная картина всего происходившего в Париже.

Вальтер Борнхейм со своими тремя

...Я тень над Парижем?.. да... но тень карающая...

помощниками прибыл в Париж в 1920 году, по окончании войны. По фальшивым документам, Борнхейм получил место инженера по постройке новых линий подземной городской дороги.

И ему удалось—незаметно от французских властей и рабочих, которых он менял каждую неделю—устроить под Парижем свою квартиру. Вход в нее был через четыре линии дороги. Потайные двери в этих линиях открывали подземные корридоры к комнате Борнхейма. В одном из таких корридоров под Авеню де Фридланд находился вагон без номера, увезенный Борнхеймом при постройке линии Авеню де Фридланд. Этот вагон служил Борнхейму для сообщения по своим подземным корридорам. При квартире находилась электрическая станция и химическая лаборатория, где изготавливались адские машины, ядовитая парфюмерия и сладости, и особый кислотный состав для разрушения стекла.

Выходя поздно ночью из своей комнаты, Борнхейм и его помощники подготавливали преступления, покрывая

стекла своим составом, подкладывая адские машины и тайно подмешивая ядовитые товары к товарам на фабричных складах. Помощники Борнхейма были — шофер и два служащих на двух фабриках.

— Зачем я это делал? — продолжал Борнхейм. — Мсть! Возмездие! Доктор Гансен, я — германец. Моя родина раздавлена французскими штыками. Французы заняли Рур, и каждый день приносит новые жертвы насилия оккупантов. Доктор Гансен, за новое преступление в Руре — я плачу новым возмездием в Париже. Я — тень над Парижем? Да. Но тень карающая! Тень справедливая и беспощадная!

Доктор Гансен, вы сами несколько раз протестовали против расстрелов в Руре, и — если вы теперь считаете меня и мое возмездие несправедливым — скажите мне и я послушаюсь вас, и завтра уеду обратно на мою истерзанную и измученную родину. Доктор Гансен, я — в вашей власти!

Глава VII.

Торжество комиссара Лекорба.

Когда полицейские доставили комиссару Лекорб найденные карточки доктора Гансена, Лекорб позвонил в гостиницу «Савой».

Ответ был краток: В 7 часов доктор Гансен получил письмо. Без четверти 12 он вышел неизвестно куда. До сих пор его в номере нет.

Комиссар Лекорб взял автомобиль и поехал на улицы, где нашли карточки доктора Гансена.

Путь Гансена, отмеченный карточками, шел от башни Эйфеля дальше по бульварам.

Комиссар Лекорб медленно ехал, подбирая карточки. Сзади шел грузовой автомобиль с дюжиной агентов. Улицы были пусты и темны. При ярких лучах фонарей автомобиля Лекорба белыми квадратиками вырисовывались каждые три-четыре минуты визитные карточки доктора Гансена...

— Вы неправы, Вальтер Борнхейм! — заканчивал свой ответ Гансен. — Я думаю, что несколько раз помог челове-

честно, и не только раз, восставал против насилия. Но я сам никогда не прибегал к таким ответным насилиям. Длинные слезы, кровь и ужас не воскресят напрасно убитых. Вы неправы. Уезжайте скорее... Уезжайте немедленно на родину. Боритесь делом, боритесь словом, духом, волей, энергией и мыслью!

Вальтер Борнхейм поднял голову.

— Хорошо, доктор Гансен. Через пять минут мы простимся с вами на вокзале...

В дверь постучали. Вальтер Борнхейм посмотрел на Гансена.

— Это не мои помощники — сказал он. — Или вы...

Гансен вспомнил про карточки.

— Бегите в другую дверь! — сказал он.

В эту секунду пуля просвистела мимо уха Гансена. Вальтер Борнхейм опустился на кресло. В дверь стучали сильнее. Новые пули пробивали дверь.

Он пытался приподняться с кресла, но схватился за рану и опустился опять. — Откройте, вот ключ, доктор Гансен! Все равно...

Гансен открыл дверь...

Комиссар Лекорб и агенты ворвались в комнату.

Глава VIII.

Суд безумных.

Процесс Вальтера Борнхейма длился месяц. Блестящая защита в лице док-

Комиссар Лекорб и агенты ворвались в комнату.

дания. Суд приговорил отправить Вальтера Борнхейма — вместо виселицы — на всю жизнь в дом умалишенных в Сальпетриэр...

Лунною ночью, в палате тихих помешанных, черными тенями собирались больные. С безумными стеклянными взорами, молчаливые, страшные и пригнувшиеся к земле они слушали нового больного.

— Понимаете, — говорил он хриплым голосом — понимаете... Кровь — они; кровь — я!..

Они пили кровь моей родины, я выкачивал их кровь... Мне не нужен их суд... Судите вы... Вы, запертые здесь в клетке, мешающие им пить чужую кровь... Среди вас — солдаты. Их учили проливать кровь моих братьев. Вы перестали это делать, вас посадили

война! Война!

В толпе — движение, кто-то вскрикнул, ему зажали рот, кто-то зарыдал...

— Вы знаете... Судите!..

Молчание... Высокий старик молча подошел к новому больному, встал рядом с ним, обвел безумными глазами толпу и сказал:

— Мы оправдали тебя!..

Новый больной жил недолго. Он умер от сердечного припадка спустя месяц по прибытии в Сальпетриэр в больницу.

Доктор Гансен через два дня получил от доктора больницы письмо:

Больной № 683 умер вчера. Перед смертью он просил передать вам, что его оправдали.

Это было второе извещение, полученное Гансеном от господина Вальтера Борнхейма.

КОНКУРС МИСТЕРА ГОПКИНСА.

Рассказ Льва Арабескова.

Иллюстрации С. Конскою.

Глава I.

Мистера «Гопкинса и К^о» осеняет идея.

Гопкинсу приснилась черепаха... В довершение — утром влетело радио о саранче исполинских размеров, разгромившей плантации канадской пшеницы. Конечно, последнее для «Гопкинса и К^о» — пустяк, но настроение сверхмиллиардера сверхкапризная вещь.

— Хорош прогресс! — ворчал Гопкинс, — если насекомое побеждает труд нескольких тысяч человек.

— Культура, ползущая как черепаха! — продолжал он, вспомнив сон. И вдруг барометр настроения духа прыгнул на «ясно», ибо Гопкинса осенила идея.

— Мистер Браун! — только подумал он о секретаре.

Однако тот занял позицию, одинаково готовый боксировать или разбирать халдейские письмена, так как от патрона следовало ожидать всего.

Браун был настоящим секретарем миллиардера: говорил на всех языках, объясняясь на некоторых из них для простоты знаками; бегло молчал; выжимал одной рукой сто кило; мог не мигая смотреть на солнце и произвольно бледнеть в восточных банях; обгонял на пишущей машинке тexasский экспресс и, конечно, знал стенографию, которую изучал по образцам в России.

— Мистер Браун... произнес Гопкинс. Секретарь с ловкостью циркового фокусника выхватил пишущую машин-

ку величиною с портсигар и, разместив на ладони, начал...

Через сорок секунд все было закончено. Гопкинс просмотрел и, возвращая Брауну, добавил:

— Во все газеты земного шара. До часу вы свободны.

Секретарь извлек хронометр. В распоряжении — два часа семнадцать минут! Из них полтора на корреспонденцию по всему миру... Пять минут на завтрак и две на сигару... Тридцать секунд на составление приветствия, а минута на произнесение того же приветствия мисс Гопкинс... Пять на обычное интервью о курсе патрона... Пятнадцать — с индийским факиром... Остается восемнадцать с половиной минут! К невесте — шесть, обратно — семь, три — с мамашей невесты — итого для самой Клары — две с половиной минуты. Невозможно: поцелуй занимает три с половиной! Браун вздохнул — очевидно, сегодня придется обойтись без поцелуя.

Глава II.

Идея «Гопкинса и К^о» передается широкой гласности.

На следующий день тираж в семимиллионном городе достиг колоссальных размеров. То же самое повсюду, даже в негритянской республике Либерии, где газеты выходили белыми буквами по черному фону. К вечеру, в гуще световых реклам Нью-Йорка, у «Лирик - Театра» собирались толпы. Люди жестикулировали. Заключались неслыханные пари. У пристаней и в доках даже дрались. И все потому, что появилось объявление «Гопкинса и К^о — из Нью-Йорка»! Его не без зависти прочли некоторые коронованные особы в Европе. Оно гласило:

«Фирма «Гопкинс и К^о из Нью-Йорка» предлагает премию тому, кто: по истечении года со дня настоящего объявления представит проект наибо-

лее потрясающий в смысле торжества человеческого гения на путях к прогрессу, независимо от сферы изобретения.

«Международная комиссия определит два заслуживающих награды проекта. Автор одного из них, по суверенному выбору учредителя премии, получит немедленно миллиард долларов. Право на эксплуатацию премированного изобретения переходит к фирме «Гопкинс и К°».

Глава III.

Русский и француз.

Три года инженер-электрик Добрышин работал над своей идеей. Внешняя жизнь совершенно не интересовала его. Если бы не старуха-хозяйка, — он зачастую забывал бы про пищу. Его комната сплошь заставлена странными приборами и залита чертежами. У окна — огромный планшет

на подрамнике из простого дерева. В это помещение Добрышин никого не допускает. Сегодня у него праздник — наконец, вчерне все закончено! Остается вычертить детали и построить модель, могущую в малом масштабе, но полностью, продемонстрировать опыты. Последнее займет около года, а потом... Добрышин откинулся на спинку кресла и зажмурил глаза — слишком лучезарным представлялось будущее!..

За кофе, как и всегда, вместе с утренней почтой, профессору «Высшей Политехнической Школы в Париже» — Лустало, подали газеты. Проглатывая изящный сандвич, он развернул — «Матен».

— О, ла, ла! — воскликнул профессор — как это интересно!

На первой странице красовалось объявление «Гопкинса и К° — из Нью-Йорка».

Профессору — едва тридцать лет. В кругу инженеров слегка знали, что он работает над каким-то таинственным изобретением. Но Лустало по виду вел общительную жизнь — бывал в театрах, ресторанах, и только уединялся с двенадцати ночи. Радость, охватившая его при чтении газеты, была понятна: вчера профессор закончил свой проект. Оставалось построить. Избегая преждевременной огласки, он уклонялся от какой-либо субсидии, между тем конструкция требовала крупных затрат. Лустало был богат, но его состояния по смете едва хватало, и он колебался. Объявление конкурса положило конец сомнениям. Через год все будет готово, но у профессора не останется ни сантима.

— Вперед, Лустало, победа обеспечена!

Глава IV.

Капитал.

Годичный срок истекал. Премия в миллиард долларов — треть состояния Гопкинса, но, предназначенная к выплате, она возвращалась уже авансом, так как доходы с его предприятий невероятно возрасли.

На этикетках бутылок рома Гопкинс поместил знаменитое объявление, и ром раскупался по двойной расценке.

Сигары Гопкинса наводнили даже Турцию!

Бедняки охотно переплачивали за пшеницу Гопкинса, потому что последний преследовал благие цели!

Принадлежащие ему океанские пароходы грузились выше ватерлинии, так как плакаты в буфетах и даже

трюмах свидетельствовали о гуманных стремлениях владельца!

Свиные туши с клеймом — призывом Гопкинса, что может быть трогательнее?

Бобовые консервы с салом, способствующие прогрессу!

Хлопок, которому, в конечном итоге, благодаря завоеваниям культуры, не угрожает ненастьем небо!

Паровозы типа «Гопкинс и К^о», мчащиеся к порабощению стихий гением человека!

Подожвы, со штампом Гопкинса, направляющиеся прямым ходом туда же!

Гопкинс всегда умел занять такую позицию, что затея, не имеющая на взгляд реальной выгоды, могла принести только дивиденд.

Глава V.

Верховная комиссия исполняет свои функции... Гопкинсу принадлежит решающее слово.

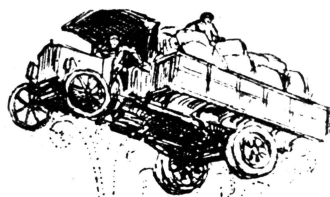
Представители частей света заседают ровно неделю. Они объявят имена двоих! Но, несмотря на таинственность совещаний, репортеры узнают многое. Три изобретения представляются замечательными. Конкуррируют: негр, француз, и... русский!

Изучая свойства львиной гривы и густых зарослей в центральной Африке, негр открыл экстракт. Стоило помазать им даже кактус, как тот покрывался шевелюрой, не говоря уже про человеческие лысины. Действием экстракта летнее пальто превращалось в доху, валик музыкальной катушки — в муфту, слон — в чудовищного пуделя!

Тем не менее, кандидатура негра отпала, хотя среди ученых он имел приверженцев. Остались

француз и русский... Кто получит премию?!

В ожидании решения страсти разгорелись. Беднейшее население отстаивало русского, другие — француза. Только пожатыми урожаями «Гоп-

кинса и К^о» предотвратили социальную вспышку. Наконец, репортеру по весу — легче жокея, юрче — налим, и смелее — Александра Македонского. Удалось выяснить... Фамилия француза — Лустало, русского — Добрышин.

Первым говорил Лустало:

— Действием моего прибора сила тяжести приобретает любое направление (!). Груз, лежащий на поверхности, испытывает влияние силы тяжести, притягивающей его к земле. Я меняю направление этой силы и она, по желанию, поднимает груз вверх или передвигает в сторону (!!). Прибором можно поднять из шахты вагонетку, заставить висеть в воздухе грузовик и, сидя в комнате, переставлять предметы не касаясь их — (!!!).

Водворилась тишина. Зетем посыпался ряд вопросов:

— Может ли прибор отодвинуть в сторону крепостной вал или перебросить на другое место дивизию пехоты с артиллерией? — спросил первым представитель военной лиги.

— Тихоокеанский пароход — в центр материка? — перебил директор «Ллойда».

— Консерваторов двинуть вперед? --

выкрикнул либеральный политический деятель.

— К сожалению, по техническим условиям века, прибор способен оперировать с грузами, не превышающими пяти тонн, — ответил Лустало.

Гопкинс молчал... следовало заслушать второго претендента.

— Мое изобретение, — начал Добрышин, — касается усовершенствования радио - волн...

На лицах присутствовавших отразилось разочарование.

— Благодаря аппарату, — продолжал Добрышин, радио-волны из невидимых и неосознаемых приобретают конкретную форму... Можно создать из них в пространстве или на земле любое сооружение, рельеф... Подобие пирамиды Хеопса, кряж Кордильер, запруды на Амазонке, крышу, предохраняющую плантации от града, пологий каток с уклоном на сотни миль, по которому, без затраты энергии, спускать транспорты грузов, обернутых в изолированную обмотку. (!!!).

Произошел невероятный шум. Если бы разорвалась бомба 42-сантиметровой гаубицы, то и тогда эффект не получился бы более потрясающим. Ничего нельзя было понять. Все пришли в иступление. Колокольчик председателя оказался бессильным, пришлось прибегнуть к тулумбасам.

Добрышин получал премию в миллиард долларов!

Гопкинс получал право эксплуатации!

Никто не заметил, когда бледный Лустало покинул собрание.

Глава VI.

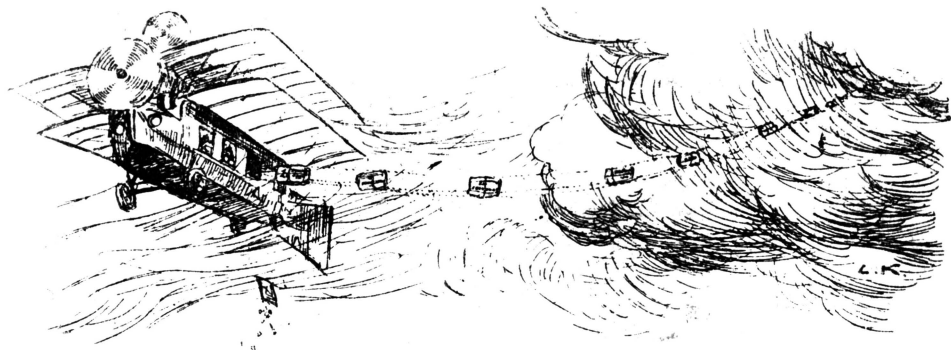
Время идет.

События разворачивались с кружащей сверхдействительностью. Гопкинс занял господствующее положение в промышленности всего мира. Его конкуренты потерпели ряд грандиозных крахов. Но секретарю Брауну не стало от того легче, и хотя, путем усилий, он сохранил продолжительность поцелуя невесты до полутора минут — у него не всегда они оказывались. Профессор Лустало исчез бесследно.

Глава VII.

Заоблачная экспроприация.

Аэроплан, совершающий рейсы Москва — Берлин — Лондон, и везший, кроме пассажиров, несколько пудов фунтов стерлингов, был задержан в пути. Моторы работали, автоматические счетчики указывали должное число оборотов, альтиметр — высоту в три тысячи метров, и, тем не менее, аэроплан не двигался, как бы повиснув в воздухе. Затем последовало нечто невероятное... Стекло кабины, где лежали тюки со стерлингами, вырвалось с треском из рамы, а тюки, вылетев в образовавшуюся брешь, и пройдя по горизонтальному направлению метров триста, скрылись в компактном облаке. После того аэроплан двинулся вперед и благополучно снизился у аэровокзала в Берлине. Могло возникнуть подозрение, что тюки умышленно выбросили в пути, но состав пассажиров очевидцев совершен-

но исключал возможность лжи с целью преступления.

Между тем в денежном обращении Америки появились фунты с номерами пропавших серий. Кроме того, подгулявший Париж видел над головой сероватую сигару, скользившую с востока на запад. В достоверности наблюдения веселящихся до рассвета парижан следовало усомниться, но то же самое утверждал сам шеф полиции, веселившийся до утра по обязанности. Возникла версия о воздушном пирате.

Правительства объявили воздух в осадном положении. Вскоре одно за другим начали поступать радио о облачных грабежах и необъяснимых подъемах ценностей с земли на небо. Последнее взволновало даже Ватикан. Далее так продолжаться не могло! Ни одного убийства, ни одного насилия над личностью, но ценности, банкноты преимущественно, порхали в небо, как ласточки. Пользуясь этим, злостные кассиры стали симулировать исчезновение вверенных сумм. Было решено созвать в Риме международный конгресс сыщиков. Его святейшество благословил открытие конгресса. Повсюду установили строжайший надзор и слежку.

Глава VIII.

Без руля и без ветрил.

В океане затерялась группа скал. Белые, как лунь, буруны стерегут к ним доступ. Скалы необитаемы, однако в действительности там есть люди. Внутренность одного массива — обо-

рудованное помещение. Здесь все, что может дать культура в смысле комфорта. В кабинете — три человека. На них эластичные, точно у водолазов костюмы и обувь с мягкими, толстыми подошвами. Руки в перчатках, а на головах шлемы.

— Готово? — спросил один.

— Есть, капитан, — ответили два других.

Тогда тот, кого называли капитаном открыл дверь в галерею, напоминающую трубу. Там лежала металлическая сигара, диаметром в шесть футов. Все трое вошли в нее через люк и затем, точно мина, сигара выскользнула через противоположный конец галереи. Пропеллер отсутствовал. Не было даже признаков рудей. Под углом к поверхности океана она устремилась в пространство. Без мотора, единственно при помощи измененного направления силы тяжести! Заходящее солнце едва уловило на округлой боковой части надпись «Паллада».

Глава IX.

Лустало появляется вновь.

Лустало неожиданно появился в Париже. Он подал прошение об отставке. По поводу своего изобретения — отмалчивался. Теперь то уезжал, то возвращался опять. Все решили, что он продолжает работу вне Парижа, наезжая сюда только развлечься. Но Лустало одинаково бывал и в Лондоне, и в Токио, и в Капштадте.

Кольца удава концентрически сжимаются.

Лондонский сыщик Джексон получил мандат на поимку воздушных пиратов. Мандат давал широчайшие полномочия по Европе. Аналогичные мандаты были выданы на Америку, Африку, Азию и Австралию.

По прошествии некоторого времени, сидя дома и покуривая трубочку, Джексон размышлял:

— Грабежи носят сверхъестественный характер, но чудеса в наш век заменяет техника, следовательно — суть в ней. Посмотрим, чем мы располагаем...

Ночь напролет просидел Джексон, изучая научный материал.

— Несомненно, что все выдающиеся изобретения были представлены на конкурсе Гопкинса... Там бросаются фигуры Добрышина и Лустало... только они владеют изумительными тайнами.

Затем Джексон послал шифрованные телеграммы в Париж и Нью-Йорк. Ответы не замедлили притти. Заклучив нечто определенное из полученных сведений, Джексон с первым же поездом выехал из Лондона.

Лустало опять в Париже... На третьи сутки, насвистывая песенку, он вернулся поздно домой и заснул. Крепкому сну помогла бутылка «По-меры», или... странный запах, будто исходивший из подушки. Последнего он не заметил. Темно... Но вот, как блуждающий огонек, то вспыхивая, то заглохая, бесшумно перепрыгивает светлая точка. Любопытный глаз потайного фонарика заглядывает всюду... особенно в карманную записную книжку спящего. Кто-то невидимый подробно копирует листочки книжки и кладет ее обратно. Снова темно... Лустало мирно спит.

Низко склонясь над письменным столом сидит человек. У него в руках маленькие листочки. Это известный

эксперт по раскрытию таинственных шифров и знаков.

В кабинет вошел некто и молча предъявил карточку. Прочтя, — начальник тайной полиции любезно предложил посетителю сесть.

— К вашим услугам...

— О, иёс, мне нужен план Парижа и окрестностей.

Получив план, посетитель тщательно поставил на нем крестик и, указывая, произнес с английским акцентом:

— Я очень прошу завтра с вечера незаметно оцепить пункт вашими лучшими силами. Около двенадцати ночи туда направится человек, по всей вероятности, с коричневым саквояжем. Когда пройдет в оцепление — оно должно начать бесшумно сжиматься вокруг него. Соблюдайте осторожность — в центре кольца будут воздушные пираты.

Лустало проснулся с тяжелой головой. Весь день молодой профессор не мог избавиться от неприятного состояния. Около одиннадцати вечера, с ручным саквояжем, он вышел. Почти одновременно, из кафе напротив, появился человек с велосипедом и пинчером. Человек указал собаке на Лустало и та последовала за ним. На углу Лустало сел в такси. Пинчер выжидательно уставился на хозяина. Автомобиль тронулся... через пять секунд подкатил второй, шофер которого до того копался в машине. Человек, велосипед и пинчер поместились в него, и второй автомобиль отправился за первым. На улицах было оживленно и ничто не вызывало подозрения. Спустя четверть часа, Лустало покинул такси и, пройдя пешком, нанял фиакр к укреплениям. Второй автомобиль застопорил в отдалении. Пинчер выскочил и, повливая обрубок хвостика, побежал между задними колесами фиакра, незамеченный седоком. Его хозяин пересел на велосипед. В окраинной части города становилось безлюдно и, из-за скудного освещения, — темно.

За линией укреплений — пустырь. В середине пустыря — кустарник и полянка — это пункт, отмеченный на плане. Без минуты двенадцать пустырь пересек силуэт человека с саквояжем и скрылся в кустарнике. Секунду спустя пробежала собака. Абсолютно темно... Но глаза нескольких десятков лучших агентов видели то, что следовало. Как кошки заскользили тени. Они кольцом, точно удав, сжали кустарник. Под натиском осторожно зашуршали ветки. Ближе... и ближе... вот и полянка. Люди почти плечо к плечу... Раздается лай... С браунингами все кидаются вперед... Вспыхивают ослепительные лучи электричества... В центре пинчер и... больше никого... Никого!

Глава XI.

Джаксон улыбается.

Через минуту Джаксон подъехал на велосипеде.

— Никого! — подскочил к нему взволнованный начальник полиции.

— О, иё, я так и знал, — невозмутимо ответил англичанин.

— Знали?! Почему же вы не арестовали того... с саквояжем?

— Арестовать его? Но я задержал бы обыкновенного человека, а мы ищем воздушных пиратов... Понятно?

И Джаксон безмятежно улыбнулся.

— А затем, — добавил он, пожимая руку пораженного шефа, — до свиданья, я намерен предпринять маленькое морское путешествие.

На следующее утро он отбыл в Нью-Йорк.

Глава XII.

Логика Джаксона и творчество Добрышина.

Сопоставлением фактов Джаксон убедился, что, кроме профессора Лустало, некому возглавлять воздушных пиратов. Гипотезу следовало проверить, и он приехал в Париж. В отсутствие профессора он тайно исследовал

его квартиру. Обыск не принес результатов. Тогда, усыпив Лустало, Джаксон воспользовался заметками в карманной книжке. Единственно зашифрованные числа, час и кроки пустыря, показались подозрительными. Далее — понятно. Но Джаксон и не собирался покушаться с негодными средствами...

Лустало необъяснимо исчез из оцепленного участка — следовательно, гипотеза подтверждалась. Оставалось достаточно вооружиться и для этого сыщик обратился к Добрышину.

Добрышин выстроил воздушный истребитель — шедевр техники. Его называли «Орел». Из блестящего материала отлили корпус, в теле которого скрывались механизмы, регулирующие действия «Орла». Аппарат, подобный премированному Гопкинсом, помещался в носовой части. Конец аппарата, выдаваясь из корпуса, завершался угольным полюсом, острие которого могло испускать лучи, созидающие или разрушающие по желанию. Скорость «Орла» была поразительна для данного времени, и единственно чего не мог избежать конструктор — это моторов, рулей и пропеллеров, приводивших истребитель в движение, ибо Добрышин не знал секрета управления силой тяжести.

Когда все было закончено, «Орел» поднялся и исчез из глаз семимиллионного Нью-Йорка.

Там были Джаксон, Добрышин и команда. «Гопкинс и К^о» остался наблюдать с крыши небоскреба.

Глава XIII.

Поединок «Паллады» и «Орла».

Они встретились на высоте. Бесшумная шла «Паллада» и мощный «Орел». Быть может, «Паллада» могла бы скрыться, но ее капитан воспротивился этому. Гений изобретателя искал сразиться с соперником.

В пространстве парили птицы, которым вдвое казалась тесна толща атмосферы... Внизу прикипала земля с лесами — мхами и реками, точно спутан-

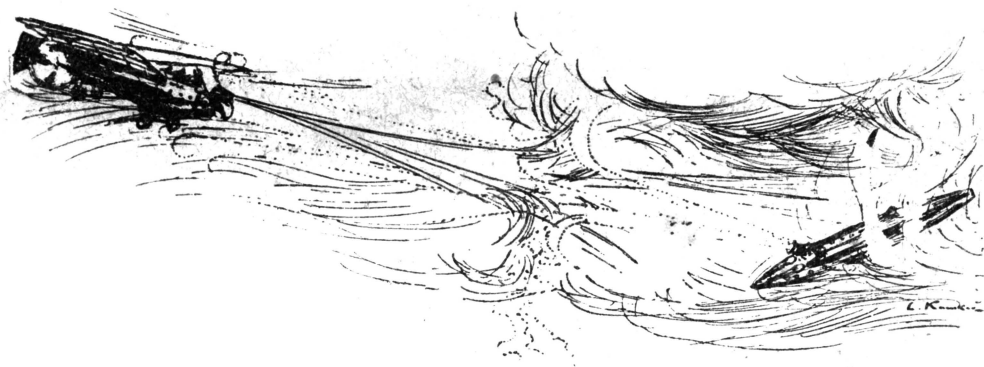
ные серебряные нити, а над ней, как метеоры, неслись два обособленных мира. Беспристрастное солнце освещало бок каждого, отчего теневые стороны зловеще чернели.

Но вот, шипя, от «Орла» к «Палладе» вырвался сноп оранжевых лучей... И одновременно с «Паллады» им навстречу сноп голубых — то ее капитан сконцентрировал силу своего аппарата, управляющего законами тяготения, в одну точку и направил на «Орла».

Лучи скрестились. Произошел молниеносный разряд. На мгновение про-

тивников соединил как бы ослепительный жезл, вольтова дуга в несколько километров. Затем огненный жезл позеленел и погас. Только раскаленные пары кружились вихрем, производя местный циклон.

«Паллады» и «Орла» буквально не стало... Они не сгорели, они просто растворились, перестали существовать, как потухшая фантазия. Их кончина не сопровождалась даже ощутимым для человеческого уха шумом, на столько сильна была частота колебаний звуковых волн.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ЗЕМЛЯНИКЕ, БЕТХОВЕНЕ И БОА-КОНСТРИКТОРЕ.

Рассказ И. Долина.

Рисунки С. К.

Эмма Карловна, Шниц и Павла Петровна Чикина считали себя причастными к артистическому миру и не без основания. У первой — проживал на квартире виолончелист Урчалович, вторая — стирала на балерину Носкову.

Надо признаться, что артистическое самолюбие гражданки Чикиной несколько страдало вплоть до вчерашнего дня, когда явилась возможность натянуть немке нос, чтобы она не особенно забывалась.

Дело было так. Перед вечером к Чикиной прибежала со второго двора жена соло-клоуна Бякина и предложила ей пустить на квартиру выгодную жилищу, — только — что приехавшую знаменитую артистку Мисс Нелли, которая выступает в цирке с мужем Бякиной.

Вечером отправились в цирк, по контромарке, знакомиться с знаменитой артисткой.

Усадив Павлу Петровну повыше, сама Бякина скрылась в клоунском святилище, так как не особенно доверяла устойчивости супруга перед закулисным соблазнами.

Два отделения млела. Чикина до испарины от чрезмерной дозы эстетических наслаждений. В особенности ее воображение было поражено красавицей в золотистом чешуйчатом трико, танцовавшей вальс с огромной живой змеей.

Перед пантомимой пришла жена клоуна и повела Чикину в коридор знакомить с будущей жилищей. В скромно одетой, веснушчатой девушке Павла Петровна не узнала красавицы в чешуйчатом трико.

О цене столковались с двух слов. Артистка дала задаток и обещала завтра утром обязательно переехать.

Ночью Чикиной снились змеи.

Утром артистка действительно переехала, привезла с собою две корзины багажа, наскоро напилась чаю и убежала на репетицию.

Добросовестная хозяйка после ее ухода открыла в комнате жилищцы дверь и окна с намерением искоренить застарелый запах кислой капусты, который, неизвестно почему, не понравился знаменитости.

Исполнив свой долг по отношению к ближнему, Павла Петровна затопила плиту, а так как плита сильно дымилась, Чикина вышла подышать воздухом на черную лестницу, да уж кстати и похвастаться перед заносчивой немкой своим ценным приобретением.

Этажом ниже, из квартиры Эммы Карловны, также валили клубы дыма, хотя и несколько пожиже.

Произошел стереотипный, давно канонизованный, обмен мнений.

— Дымит?

— Дымит, провались она к дьяволу.

— У меня, матушка, тоже. К осени нужно почистить трубы.

— Это непременно. Я вот уже третий год собираться не могу.

— А я четвертый, моя милая.

Протерли глаза, откашлялись.

Из открытой двери в кухню немки, вместе с клубами дыма,плыли глухие, урчащие звуки, как из неопрятного желудка. Это послужило темой для дальнейшей беседы.

— Всё пилит? — спросила Чикина.

— Пилит, моя милая. Известно, артистическая жизнь. В концерте он сегодня выступает, так для моциона рук.

— А мне судьба послала не пилящую. Артистка ко мне сегодня переехала. — знаменитейшая! Мисс Нелли прозывается. В цирке выступает.

Чикина победоносно посмотрела на соперницу.

— Поздравляю вас, — скривила рот Эмма Карловна. — Танцует?

— Нет... больше так!.. — красноречиво пояснила счастливица.

Разбитная, молоденькая бабенка, обходя квартиры, предлагала крупную, аппетитную клубнику-Викторию.

— Возьмите последочки, золотые мои. Почти задаром.

Павла Петровна вспомнила про заказ и, гордая своей победой над немкой, решила полакомить себя Викторией.

Чикина поставила блюдо с Викторией на стол в своей маленькой столовой, которая с этого дня приобрела еще новое назначение — спальни, и пошла в кухню кипятить молоко.

Рассеившиеся было несколько клубы дыма, в результате этой операции, снова сгустились. Павла Петровна открыла дверь на цепочку, предоставив дыму выбираться в образовавшуюся щель, а сама поспешила к ожидавшему ее удовольствию. Боясь расплескать молоко, она сосредоточила все свое внимание на кастрюльке и тихонько подвигалась к столу.

Короткий отрывистый шип заставил хозяйку поднять глаза.

Павла Петровна в первый момент уподобилась жене Лота, потом для чего-то раскрыла рот и выпустила из рук кастрюлю.

То, что увидела Чикина, никак не могло уложиться в рамки ее повседневных, привычных восприятий.

Перед блюдом с клубникой, закутившись гигантским штопором, мерно покачивалась саженная, красновато-серая змея, испещренная самыми фантастическими арабесками. Вытянув свою плоскую, сплюсненную головку, с маленькими злыми глазками, над блюдом ярко-рубиновых ягод, она с простуженным шипом выбрасывала длинный раздвоенный язык в сторону гражданки Чикиной.

Павла Петровна в первый момент уподобилась жене Лота, потом для чего-то раскрыла рот и выпустила из рук кастрюлю.

Раздавшийся стук заставил страшную гостью сделать угрожающее движение в сторону соляного столба. Хвостатый язык метнулся дальше, чем следует, и спираль зеленого тела заколебалась.

Глухо икнув раскрытым ртом, несчастная женщина всей своей рассыпчатой непропеченной фигурой грохнулась на пол.

Виновница происшествия неторопливо доела клубнику, потом, брезгливо обойдя недвижимое тело, отправилась исследовать квартиру.

Результат осмотра, повидимому, не соответствовал понятиям гостьи о змеиной квартире, потому что, облазив все закоулки и ни на чем не остановив своего внимания, она очутилась в кухне. Заметив дверную щель, змея гротиснулась в нее и направилась по лестнице, — подыскивать для себя более комфортабельную квартиру.

Мелодичное урчанье на следующей площадке приковало к себе музыкальный слух змеи. Звуки исходили из щели подобной только-что покинутой. Змея просунула голову в щель — музыка стала слышнее.

Когда предоставляется возможность бесплатно насладиться бесподобной музыкой Бетховена, хотя бы и на страдающей астмой виолончели, никогда не следует игнорировать этой возможности. Таково именно было и мнение редкой посетительницы. Зная, что она

вполне компетентной ценительницей музыки, змея бесшумно втянула свое треххвостное тело в музыкальную щель.

Эмма Карловна Шниц вечером собиралась на концерт в филармонию. Пока же, поставив таз на раковину и открыв кран, с немецкой аккуратностью полоскала кремовую батистовую кофточку.

Игнорируя присутствие хозяйки, гостя спокойно проследовала дальше, навстречу ласкающим музыкальным волнам.

Виолончелист Урчалович, нежно обняв коленями предмет своей артистической страсти, с вдохновенно закатившимися под лоб глазами, пилил смычком неумирающего Бетховена.

Музыкальная гостя поспешила занять место в первом ряду, прямо против нежно воркующей диковины. Вытянувшись штопором, вровень с закрытыми глазами артиста, змея принялась мерно раскачиваться в каком-то экзотическом танце.

Если вы помните миф об Орфее, то можете отметить у себя в записной книжке, что этот миф повторился много веков спустя, в условиях нашей малоподходящей действительности.

Гостя, — которая, кстати сказать, от рождения носила звучное имя — Боаконстриктор, — внимательно дослушала симфонию Бетховена до конца. Когда где-то в бесконечности замерла последняя нота, змея выразила свой восторг поощрительным шипением.

Урчалович, застывший было в безмолвной музыкальной паузе, томно открыл глаза и...

Кому угодно описать ощущения современного Орфея, может попытаться, — автор охотно уступит ему лавры тоякого психолога, сам же ограничится только внешне-описательной частью этой правдивой истории.

Урчалович сначала широко раскрыл глаза, ставшие похожими на два иллюминатора, через которые кто-то изнутри пытается просунуть два круглых предмета. Затем, таким же образом раскрыл рот. И, наконец, поспеш-

свою виолончель, как за каменную стену.

Змеи, как известно, отличаются мудростью, не в пример людям. Наша змея также не выходила из границ общего правила и не желала лишать себя эстетических переживаний. Позевывая от скуки, она терпеливо ждала продолжения программы.

Музыкант по профессиональной привычке капризничал и не торопился начинать.

В конце — концов, при подобной артистической неговорчивости самый завзятый меломан начнет терять терпение. Так было и со змеей.

Она выбросила двуххвостый язык и язвенно прошипела: «biss!».

Артист не сдавался. Сознывая неотложную необходимость подкрепления, он неистово закричал:

— Эмма Карловна!..

— Что вы так кричите? Вы меня перепугали, — донеслось из кухни, сквозь журчанье льющейся из крана воды.

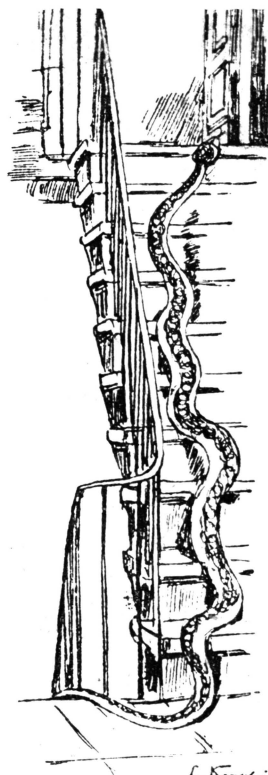
— Эмма Карловна! Спасите! Умоляю!..

— Мой бог, что случилось?

— Берите скорей швабру, полено, утюг, что хотите... Ай... Эмма Карловна!..

— Неужели опять мышь? И как вам, взрослому мужчине, не стыдно бояться мышей!..

Не закрывши впопыхах крана, немка, со шваброй в руках, бросилась в комнату жилья.

Змея направилась по лестнице — подыскивать для себя более комфортабельную квартиру.

с разбега на гостью, немка бросилась в сторону и выразила нескрываемое желание спрятаться за жильца.

Слегка обеспокоенная бесцеремонным вторжением хозяйки, змея расправила свои кольца, вытянулась в полкомнаты и снова громким шипом потребовала повторения.

Двое людей упились в угол и там застыли в безмолвном ужасе. Слышно было, как на кухне льется вода, а на улице гудит трамвай. Когда первое сцепление прошло, артист тихо забормotal:

— Боже мой! Какой ужас! Какой ужас!.. Что нам делать? Что делать?..

— И ведь расположилась. негодная, у самой двери, выйти нельзя, — злилась немка, более сохранившая самообладание.

— Я разобью окно и закричу на помощь, — решил виолончелист.

— Хорошо придумали. Испугавшись шума, она нас проглотит. или искушает...

— Что же делать? — растерянно озирался артист.

— Знаете что? — сообразила немка. — Играйте. Змеи любят музыку... Я читала. Не нужно только ее раздражать... А тем временем кто-нибудь придет и выручит.

Виолончелист опасливо двинулся к своей спасительнице, обнял и запылил. Сначала неуверенно, больше на тремоло, потом оправился и заиграл смелее.

— Бравурнее... Что-нибудь веселое, — командовала находчивая Эмма Карловна.

Польки, вальсы, экосезы без перерыва следовали одни за другим.

Урчалович выбивался из сил. Когда музыка на минуту утихала, боа, свернувшаяся у двери внушительным мотком каната, приподнимала голову и не то угрожающе, не то поощрительно, шипела что-то по змеиному.

— Что-нибудь близкое ей, родное... американское, — дирижировала немка.

Неслись разухабистые матчиши, кэк-уоки, ту-степы...

В кухне бушевала пущенная во всю вода, слышно было, как она водопадом

разливалась по корридорам.

Снизу в потолок неистово стучали.

На площадке, около кухни Эммы Карловны Шниц собралась недоумевающая толпа. Осторожно, через цепочку, заглядывали в щель двери, боясь промочить ноги, так как вода лилась уже на лестницу.

Неистово вопила о потоке в квартире и о причиненных убытках нижняя жилища. Послали за управдомом.

А в полуоткрытую дверь неслись разухабистые звуки негритянской музыки и слышался энергичный голос Эммы Карловны:

— Еще. еще!.. Веселее. Темп быстрее!.. Фортиссимо!..

Очнувшись от обморока, Павла Петровна Чикина спустилась вниз и прерывающимся голосом, бестолково и сбивчиво, рассказывала собравшимся о страшной гостье, — о змее в десять аршин длиной. изрыгающей огонь из пасти. Ее никто не слушал.

Явился управдом с дворником. сорвали цепочку с двери и все, шумной ватагой, по водному простору, направились в концертный зал.

Змея нимало не смутилась шумом, приспавленным запоздавшей на концерт публикой. Она испытывала двойное удовольствие: нежилась в прибывающей тепловатой воде и наслаждалась знойной экзотической музыкой.

Чем бы кончился этот необычайный

— она выбросила двухвостый язык и явственно пропищала «biss»...

концерт — неизвестно, если бы во время явившаяся мисс Нелли, укротительница змей, не унесла своего музыкального питомца наверх и не усадила его в одну из двух привезенных утлом корзинок.

Автор, верный почтенным традициям русской литературы, не может оставить этой трогательной истории без эпилога.

Мисс Нелли попросили немедленно выехать из квартиры, благо, она еще не была прописана.

Павла Петровна Чикина получила легкое нервное расстройство. С нею делаются припадки при виде клубники Виктории и круглых, длинных вещей, хотя бы отдаленно напоминающих змею.

Виолончелист Урчалович в этот день не участвовал в концерте, — концерт был отменен по болезни артиста. Кроме того, почтенный музыкант потерял интерес к Бетховену и вообще к серьезной музыке. Он сосредоточил все

Польки, вальсы, экосезы без перерыва следовали один за другим...

свое внимание на кэк-уоках и матчишах. Ныне артист выступает по кафе, где пользуется исключительным успехом.

Эмма Карловна, вследствие удачного дебюта в качестве дирижера, мечтает поступить в дамский оркестр и была бы вполне довольна своей судьбой, если бы нижняя жилища не взыскивала с нее через народный суд убытков за подмоченные вещи.

А Боа-Констриктор?

Что же, Боа-Констриктор так и остался Боа-Констриктором.

М. И. И. Вы спрашиваете, какие произведения наиболее пригодны для «Мира Приключений» и что посылать в Редакцию. Желательны рассказы: 1) рисующие приключения на суше и на море; 2) отражающие в беллетристической форме новейшие завоевания науки и техники; 3) характеризующие находчивость, изобретательность, остроумие, ловкость и смелость в различных жизненных столкновениях; 4) фантастические из прошлого и будущего, на основании точных знаний, которые дает наука — от археологии до биологической химии включительно; 5) исторические, где или главные действующие лица хорошо известны, или где центр тяжести произведения не в лицах непосредственно, а в факте, в сюжете, в канве повествования, рисующего приключения в колорите эпохи; 6) юмористические произведения.

П. Л. (Москва). Конечно, элемент таинственного вполне возможен, но у Вас — чистая мистика, а мы можем печатать рассказы, где «таинственное» коренится в научной малоисследованности тех или иных органов, отравлений и свойств живого существа или явлений природы. Попробуйте написать что-нибудь на этой почве. Чудеса гавгленозной (симпатической) системы человека, к изучению которой приступил сравнительно недавно академик В. М. Бехтерев, гипноза и т. д. дадут много благодарного материала Вашему несомненному дарованию. Присылайте!

А. В. (Орешбург). Рисунки, присланные Вами, сами по себе не плохи, но не подходят для нас. Нам нужны и желательны не пейзажи, не просто наброски с натуры, а иллюстрации к помещаемым у нас вещам или самостоятельные бытовые юмористические картинки с коротенькими текстами к ним.

С. И. (Новгород). Ваша юмористическая сценка интересна по теме, но слаба по рисунку. Не пойдет. Пробуйте еще! О подписе не печальтесь: сделаем ее литературной. Вся суть в рисунке.

И. Я. (Петербург). У Вас хороший слог и горячая фантазия, но Вы, очевидно, не знаете страны и быта, на фоне которых развивается действие Вашего рассказа. Чтобы писать из жизни в Индии, нужно или побывать там самому, или много, много читать о ней, проникнуться духом ее, почувствовать ее колорит. Берите темы территориально более близкие и по обстановке действия Вам хорошо знакомые.

Л. С. (Петербург). Не можем напечатать. Бледно, растянута и очень вяло. Нужна живость, нарастание действия и движение, нужна — динамичность.

П. К. (Кадуга) и **Юрий**. Вашего решения задачи — в Издательстве нет. Вероятнее всего, что оно затерялось в московских типографиях, где печатался «Мир Приключений», и из-за небрежности которых издание вновь перенесено в Петербург. Просим всех, чьи решения не напечатаны, прислать их снова по адресу Издательства, указанному в этой книжке.

Рукописи, присылаемые в Редакцию, должны быть написаны (лучше, если напечатаны на пишущей машинке) разборчиво, на одной стороне листа.

Рукописи, на которых не обозначены условия автора, оплачиваются по нормам, принятым в Редакции.

Возвращение рукописей, объемом менее печатного листа, для Редакции не обязательно. На пересылку следует приложить почтовые марки.

Ответы обычно даются Редакцией в Почтовом Ящике. На письменный ответ нужно прислать марки.

Личный прием по делам Редакции (Издательство П. И. Сойкина, Петроград, Стремянная, 12) еженедельно по четвергам от 4 — 6 ч. в.

